ВСЯ ПРАВДА
О СПЕЦНАЗЕ

АНДРЕЙ ЗАГОРЦЕВ

ГОРОД

ШТУРМ ГРОЗНОГО ГЛАЗАМИ
ЛЕЙТЕНАНТА СПЕЦНАЗА (1994-1995)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Окопная правда об участии спецназа в Первой Чеченской войне. Когда в декабре 1994 года лейтенант Андрей Загорцев был направлен в республику для участия в «мерах для поддержания конституционного порядка», то в мечтах представлял себе, как после прибытия во Владикавказ его назначают командовать группой матерых и злобных спецназовцев. И как вливишись в дружный коллектив боевого подразделения, он чуть ли не в одиночку усмиряет бунтующий Грозный… В реальности все сложилось иначе. Вместо рэксов (разведчиков экстра класса) — растерянные солдаты-срочники, а штурм города из легкой однодневной прогулки превратился в двухмесячные тяжелые и кровавые бои.

- Андрей Загорцев
  - ○
  - ○ Часть первая
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
  - ○ Часть вторая
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
    - ■ Глава 14
    - ■ Глава 15
    - ■ Глава 16
  - ○ Эпилог
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10

Андрей Загорцев
Город. Штурм Грозного глазами лейтенанта спецназа (1994–1995)

В соответствии с указом Президента РФ № 2137с «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики» от 30.11.94 г. Вооруженным силам РФ, Внутренним Войскам МВД, Федеральной службе контрразведки была поставлена задача стабилизировать обстановку, разоружить незаконные вооруженные формирования (НВФ), восстановить законность и правопорядок в соответствии с законодательными актами Российской Федерации.

Часть первая

Глава 1

Самое хреновое во всей этой военной суматохе и бедламе было то, что нам негде было жить. Какие там удобства в виде персональной ванной комнаты, умывальника и чудесного белого унитаза. Мне и моим немногочисленным подчиненным подошла бы какая-нибудь худосочная палатка, можно без печки, можно без полов, лишь бы что-то было над головой. Вся масса войск, прибывающих в Беслан, шарахалась туда-сюда, ставила те самые палатки, которых мне так не хватало, сгружала технику с аппарели. Возле здания вокзала шарахались военные, одетые в непрезентабельные «песочки» и вошедшие в моду черные вязаные шапочки.

А я и семь моих бойцов-срочников, которых я, по укоренившейся привычке, называл матросами, бродили неприкаянно. И вот тогда я уверовал, что птица-удача не такая уж и слепая. В первые дни тихого опупения и впадания в маразматический транс и общий хаос, творившийся вокруг, голова не работала совсем. Мозг не принимал вообще ничего из окружающей обстановки, потихоньку все отторгал. В недавнем времени в неуклюжих лейтенантских мечтах я представлял себе: прибываю такой умный и красивый в солнечную кавказскую республику Аланию, и тут меня чуть ли не на перроне Владикавказского железнодорожного вокзала подхватывают под белы рученьки, вручают злобных спецов, готовых порвать все и вся, я вливаюсь в дружный коллектив боевого подразделения и чуть ли не в одиночку усмиряю бунтующий Грозный.

В мыслях так и рисовалось: подкатываю на красавце БТРе к Президентскому дворцу, который построили на месте красивейшего фонтана, резко и без потерь его зачищаю, пленю Дудаева, докладываю большому, красивому и обязательно толстому генералу о выполнении задачи, получаю заслуженное звание Героя и еду осматривать места, где прошла моя бесшабашная юность.

Действительность меня макнула прямо мордой в асфальт на перроне железнодорожного вокзала. И после этого пинала и по заднице, и в спину самыми нелицеприятными способами. Я за неделю обломался и стух. Литровая бутылка водки, мирно покоившаяся в рюкзачке, была украдена вместе с самим рюкзаком и всем его содержимым какими-то ретивыми военными нерусской национальности еще в Прохладном. Я стал военным бомжом-лейтенантом. Слава богу, хоть документы при себе были. Сейчас вспоминаю с дрожью, как я таскался, злой и голодный, чудом

добравшийся до Беслана по скопищу войск, пытаясь найти хоть кого-нибудь, кому я был нужен.

Кое-как все уладилось, были теперь у меня и бойчишки, никак не тянувшие не то что на спецназеров-профессионалов, а вообще не похожие на военных. Зачуханные, грязные, двое из них в шинелях с содранными петлицами и погонами. У всех общевойсковые «сидоры» и испуганные лица. Каждый патруль, что от министерства обороны, что от Внутренних войск, считал своим долгом остановить меня и мое воинство и долго докапываться до всего. В основном вымогали взятку. Если в патруле были военнослужащие-осетины, так это был капец: этим дай хоть что-нибудь, все равно что, лишь бы что-то урвать. У бойцов сухпай закончился в тот же день, когда их выпнули из части. У меня сухой паек сперли, но у меня были деньги. Пришлось в привокзальном киоске, выстояв дикую очередь, купить мясных пирогов-«фычинов» и минералки. Все это мы умяли в несколько минут, бойцы, чуть приободрившись, вытащили из карманов болгарские сигареты «Родопи» без фильтра, предложили мне. Я не отказался, хотя прикупил себе несколько пачек «Магны».

Вот тут-то «птица-удача» и пролетела рядом. Возле перрона стоял какой-то состав, из которого выгружалась нестройной гомонящей толпой часть Внутренних войск непонятно какого округа. Бойцы на руках вытаскивали какие-то тюки, переносили через железнодорожные пути, огибавшие здание вокзала с двух сторон, и складывали на асфальтированном пятачке, скорее всего, обозначавшем привокзальную площадь.

Рядом с бойцами, как обычно, крутилась местная пацанва различных возрастов, предлагая ВВ-шным солдатикам то дешевую водку, то еще что-то.

Парочка то ли дембелей-сержантов, то ли контрактников о чем-то оживленно переговаривались с местными и, видно, пришли к консенсусу. Несколько солдатиков попроще и призывом помоложе оттащили немного в сторону от рельс пару брезентовых мешков с ручками, бросили их в грязь и уныло побрели, сопровождаемые пинками старшего призыва. Офицеров и прапорщиков не наблюдалось. Мне стало интересно, хотя картины такие здесь происходили на каждом шагу; «вор в законе», а именно «зампотыл», проснулся где-то в глубине моей бренной оболочки, выглянул наружу и потер свои «шаловливые» ручонки.

Пришли местные, передали сержантам парочку пакетов и, ухватив мешки, пошли через железнодорожные пути в сторону пешеходного моста.

Стычка моя с местными заняла всего пару минут. Бойцы просто в непонимании бежали у меня за спиной, гулко хлопая кирзачами. Пацаны начали гнуть пальцы и предъявлять права, угрожая мне всякими расправами, и готовы были кинуться в драку. В основном орали те, кто поменьше; те, кто постарше, что-то тихо обговаривали между собой и зыркали в сторону сгрудившихся за моей спиной бойцов, а потом потихоньку стали заходить сзади и цыкать на солдатиков, готовых дать деру. Я уже был просто зол и сам на себя, и на свою бесхозность, бесприютность и ненужность. А на мешках я внятно различал маркировку. В мешках была палатка и все причитающиеся к ней причиндалы: колья, растяжки.

Я достал из-под мышки ПМ и выстрелил борзеющим юнцам под ноги. Старшие что-то гыркнули и начали потихоньку пятиться назад, малолетки рванули со скоростью метеора. Успех надо было закреплять, пришлось навести ствол на одного из «коммерсантов» постарше и сквозь зубы начать считать.

На счет три оставшиеся «герои» тоже побежали. Так как с нравами, царившими в этой части Российской Федерации, я был знаком не понаслышке, то понимал, что минут через десять-пятнадцать сюда сбегутся аборигены гораздо большей толпой, и мне с моими «чудо-богатырями» придется несладко. Поэтому мешки в зубы, и бегом отсюда в гущу войск.

От кого-то я потом слышал, что местные приходили разбираться к недавно выгрузившемуся батальону Внутренних войск, а что там дальше было, меня абсолютно не колебало: у нас было жилье.

Глава 2

Через несколько недель, когда группировка только-только вошла на Ханкалу, я понял, что палатка — это не так уж и хорошо. Утомленные бойцы развернули наше временное жилье, откуда-то приволокли печку-буржуйку, растопили ее ворованными снарядными ящиками, накидали на землю крышек от тех самых ящиков, застелили картонками и принялись кашеварить в трехлитровом чугунном бачке, также появившемся ниоткуда.

Я тупо валялся на импровизированном лежаке, курил и пытался обдумать события, которые со мной случились за непродолжительный период времени. Начальство у нас нашлось, потом потерялось. потом у нас стало несколько начальников. Мы несколько раз заступали в караул по охране непонятно чего, пару раз нас пытались использовать по прямому назначению в разведывательных целях, но получалась такая ерунда, что стыдно вспомнить. Все было несогласованно, шло вразнос, карты за это время в руках у меня не было ни одной, связиста у меня так и не появилось. Бойцы ходили кто в чем, слава богу, хоть какое-то оружие нам выдали. Бред и маразм. Я вспомнил, как какой-то военный в грязном камуфляже и с погонами майора пытался поставить мне задачу, но не смог выговорить и пары слов, ибо был пьян. Все, что я внятного от него услышал, так это то, что нас ждут к утру. Район поиска обозначен не был, карты не было, связи не было.

Как была поставлена задача, так она была и выполнена. Мы вышли за бруствер пехотных окопов, нашли какую-то яму и залегли в нее на всю ночь. А как только стемнело, началось огненное шоу. Наша пехота лупила в темную чеченскую ночь без перерыва. Со стороны чеченов тоже лупили основательно. И куда мне было идти с бойцами, которые в страхе вжимались в грязь, боясь поднять головы. Потом уже я немного освоился и достал бинокль, который тоже добыл «непорядочным» способом. Бинокль валялся на броне медицинской МТ-ЛБ и явно никому нужен не был. То ли офицер какой оставил, то ли солдатик какой неразумный. Недолго мучаясь угрызениями совести, я вспомнил народную военную поговорку, что в армии нет слова «потерял». В результате у меня появился нигде не учтенный бинокль. Я тогда, валяясь в грязной яме, попытался засечь огневые точки боевиков. Что-то черкал в своем блокноте в быстро затухавшем свете взлетающих ракет, иногда перекатывался. Странное дело: глядя на меня, бойцы успокоились, перестали вжиматься в землю,

подползли к краю и начали высовываться.

Обматерив наиболее ретивых, возжелавших выставить свою маковку под пули, без разницы чьи, я нарезал каждой паре сектора наблюдения и приказал наблюдать во все стороны. Под утро мы поползли обратно и минут десять, лежа под ураганным огнем своих «мабутеев», пытались криками объяснить, что мы свои. Из окопов на нас орали матом и посылали куда подальше, требовали назвать пароль. Дался он им, этот пароль. Тогда в нашей группировке ввели цифровой пароль, и я думал, что ушлые пехотинцы крикнут какую-нибудь цифру, я крикну другую, сумма сойдется с паролем, «махра» успокоится и пропустит нас. Мы же ведь вчера, только наступила ночь, выпрыгнули из наспех оборудованных окопов и уползли, вроде должны помнить, ан нет! Не помнят и идиотски орут «Паро-о-оль!», не называя при этом ни одной цифры. Пришлось поднять руки и, бросив автомат своим, переться в полный рост, рискуя получить пулю в спину. Хотя, блин, при таком раскладе может и прилететь в грудь от своих доблестных войск.

Доблестные мотострелки, толкаясь и матерясь, стали мне тыкать в морду стволы и безумно орать. Какого-то проблеска здравого смысла я так и не уловил. Прибежал высокий небритый то ли офицер, то ли прапорщик, дыхнул хмельным перегаром, что-то пробормотал, типа «свои», и ушел… Потом, когда мы уже второй раз поперлись за этот же самый бруствер в ту же самую ночь, уточнять огневые точки, которые я все-таки срисовал на карту и по которым не было нанесено ни одного удара, я втолковывал командиру взвода, на чьем участке мы вышли, что да как. Парнишка, хоть и оказался из «пиджаков», понял все и встретил нас на обратном пути лично.

Да много чего было, только не было бани, не было нормального обмундирования, нормального питания и нормального начальства.

А теперь мы на Ханкале, со всех сторон слышна стрельба, рядышком развертывается какая-то часть, ревет техника, орут люди, а мне все по барабану, делать ничего неохота. Даже уже и думать лень.

Началось: какой-то борзый военный ввалился в палатку и начал орать на моих бойцов, в том числе и на меня. Наорался, успокоился и обрадовал меня новостью. Сейчас в моей палатке разместится еще с десяток офицеров. Ну ладно, мне не жалко, но орать-то зачем?

Ввалились какие-то офицеры и тоже начали орать, строить и командовать, сгонять моих бойцов с лежанок. Потом подвалили еще какие-то «деловые», в палатке стало накурено, шумно и еще

более грязно. Моих бойцов стали строить все кому не лень, ставить какие-то задачи: принести еще дров, найти кого-то, кого-то вызвать, освободить место. Во мне начала закипать обоснованная злость.

— Группа, подъем, б…ть, строиться! — заорал я во всю глотку.

Шум в палатке притих, вновь прибывшие незваные гости вылупились на меня и попытались что-то вякнуть, типа не пошел бы я со своими бойцами на улицу и там строился. Я проигнорировал все сторонние советы и поставил задачу на свертывание палатки. Бойцы мои злорадно осклабились. Хрен с ним, что снова придется работать, главное — показать, кто тут хозяин. В несколько минут разобрали жутко задымившую печку, выволокли ее наружу и начали вытаскивать колья. Толпа внутри начала жутко материться и выползать наружу.

— Ты, что делаешь лейтенант? — ко мне подскочил моложавый подполковник в десантном бушлате и солдатской шапке.

— Что надо, то и делаю, — сквозь зубы отвечал я подполковнику.

— Как вы разговариваете, товарищ лейтенант, кто у вас командир подразделения, выньте руки из карманов! — заорал на меня подпол.

— Я командир подразделения, имущество мое, не орите…

Подпол схватил меня за воротник бушлата и подтянул к себе, злобно дыша и чуть ли не плюясь в лицо от злости.

— Т-т-ты-ы-ы, лейтенантишка-а-а!.. — взвыл он.

Ну, что же, товарищ подполковник, на голос меня можно было взять пару недель назад, а сейчас уже нет, отдавать свой дом кому-либо я не собираюсь. Противодействие адекватно действию. Я вытащил руки из карманов и неожиданно для подполковника схватил его за воротник, тоже притянул к себе и молча со всей дури врезал ему лбом в нос.

Незнакомый начальник мотнул головой, шапка его слетела куда-то в грязь, меня тут же окружили мои бойцы с кольями от палатки в руках, некоторые стали переводить автоматы из-за спины на грудь. Инцидент, кроме меня и моих подчиненных, не видел никто. Возмущающиеся «гости» вылезали из палатки с другой стороны. Подполковник вытер рукавом бушлата кровь и, злобно прошипев, что мне трындец, куда-то умчался. Черт, все-таки придется смываться, нажил я себе еще одну проблему. Через сорок минут мы переставили палатку поближе к штабным кунгам, разместившимся неподалеку, и снова попытались обустроиться.

Да, однако, размечтался. Только затопили корявую буржуйку,

в палатку снова завалился какой-то представительный мужичонка. Этот, однако, был бывалый, на голос не брал, поинтересовался, кто здесь обосновался, сколько нас и какую задачу выполняем. Я доложил. Незнакомый офицер предложил мне компромисс: здесь, в половине палатки, он размещает отдел какого-то штаба, помогает нам провести свет от движка, тарахтевшего неподалеку, обещает нам помочь достать еще одну печку и дрова. Мы же помогаем в обустройстве и несем охрану. Я долго и не думал. Какое-никакое прикрытие от нежданных и непрошенных сожителей весьма кстати. Пока мое начальство не объявилось в этой кутерьме, пусть будет хотя бы такое, да и наверняка чем-нибудь удастся поживиться — как обычно, за чужой счет. Уже глубокой ночью мы обустроили отцов-командиров, притащили грубо сколоченные столы под карты, протянули от движка провода. Зажглись две тусклые лампочки, появились связисты с мотками кабеля и радиостанциями. Меня это уже не волновало, мы отгородили себе угол куском брезента, печка уютно потрескивала и тихонько дымила. На ней грелся большой чугунный чайник, презентованный откуда-то из штабных машин, иногда за брезент заглядывал кто-то из соседей, просил чайку или что-то спрашивал, я в полудреме отвечал и был рад сложившейся обстановке. Выставил одного бойца на вход, проинструктировал по порядку смен; кого запускать, кого нет — это уже не мои проблемы, пусть штабные сами разбираются.

Сон меня сморил, и я, ощущая приближение болезни под названием «педикулез» или форма-двадцать, лениво почесался и заснул.

Снов мне никаких не снилось, зато почему-то стало казаться, что палатка рушится прямо на меня. Кто-то рядом заорал, и тут же неизвестному ответил многоголосый рев. Я открыл глаза и понял, что палатка действительно рушится и сминается, погребая под брезентовыми сводами орущих людей. Слава богу, я спал в обуви, как и все мои бойцы.

— Группа-а-а, наружу все бегом! — успел рявкнуть я и, прижав к груди автомат, вынырнул на воздух.

Выскочить успели все за какие-то доли секунд. Оказалось, на палатку наехал огромный КамАЗ-длинномер и пытался отъехать или сдать обратно. Под палаткой барахтались люди и дико орали. Мне было плевать, что там и кто: возле входа с другой стороны должен был стоять мой боец-матрос, и я рванул туда. Мой человек был жив. Боец, закинув автомат за спину, вытаскивал из-под полога какого-то офицера. КамАЗ фырчал и крутил колесами под многоголосый ор и вопль.

Плюнув на все, я побежал по чьим-то телам, барахтающимся

и ворочающимся под брезентом обрушенной палатки, вспрыгнул на подножку, рванул дверь на себя и врезал со всей дури магазином автомата в чью-то белую от страха и воняющую перегаром физиономию.

— Сука-а-а, не верти рулем, урод, стой на месте…

Неизвестный водила, схватившись за разбитое лицо, вынырнул через пассажирскую дверь и попытался скрыться; кто-то бросился ему навстречу, пытаясь перехватить. Послышались выстрелы, «нашкодивший» водила упал, к нему подбежали какие-то военные, начали переворачивать. Пьяного контрактника застрелили всего одним выстрелом, пуля прошила левую лопатку и попала в сердце. Слава богу, стреляли не мои, стрелял кто-то из штабников из пистолета. Я выпрыгнул из кабины, и, пока вокруг царила неразбериха, пришлось вытаскивать людей из обрушившейся палатки. Брезент безжалостно изрезали, доставая тела. Мы лишились своего «жилища». Однако это все был ерунда. Пьяный придурок задавил шестерых человек насмерть: двоих бойцов-связистов и четверых офицеров в званиях от капитана до подполковника. Несколько человек было в тяжелом состоянии, многие с переломами. Штабное имущество не подлежало восстановлению. Ближе к утру народ, суетившийся вокруг палатки, разошелся кто куда.

Мы с бойцами стали копошиться в обломках. Наша убогая печка была цела, валялись осколки от ящиков, обломки стола, гнутые металлические стулья, которые пригодились бы для чего-нибудь. Сама палатка была безнадежно испорчена.

КамАЗ, виновник трагедии, стоял, брошенный всеми, никто за ним не пришел. Мне обещал кто-то из уцелевших офицеров штаба, что с утра сюда прибудут прокуроры снимать показания и проводить расследования. Но что-то мне в это слабо верилось: день-два, и группировка начнет бои в городе, на носу Новый год, неужто прокурорам есть до этих потерь, столь малозначительных в масштабе группировки, какое-то дело?

И тут мои бойцы стали обшаривать кузов грузовика и обнаружили какие-то тюки и среди них спрятавшегося бойца, неизвестно откуда взявшегося. После пристрастных допросов и тычков по почкам солдат разревелся и, размазывая слезы по чумазому лицу, доложил, что он ефрейтор Садыков, водитель этого самого КамАЗа из РМО 135-й Прохладненской бригады. Как он здесь оказался, он сам не понимает: ездили с тем самым убитым контрактником по каким-то складам, что-то получали, в каком-то населенном пункте под названием Баксаненок что-то выгрузили у кого-то во дворе. Контрактник что-то спихнул налево. Потом старший машины приказал ехать в Прохладный,

там они провернули еще какие-то махинации. В этот же день оказались в Моздоке, что-то получали на складах. Контрактник постоянно с кем-то пил, что-то решал и в ночь попьянее сам сел за руль, в кабину набрал каких-то военных, и поехали незнамо куда. Вот такими-то странными и прихотливыми путями ефрейтор Садыков, получивший накануне люлей от старшего машины, трясясь в кузове от страха, оказался на Ханкале.

Получив какую-то информацию, мой мозг начал лихорадочно работать. КамАЗа уже дня как три нет в части, это меня не волнует; спать нам негде, это меня беспокоит. Но у нас пока никто не спохватился, есть грузовик с огромным кузовом, в котором можно устроить целую квартиру. Это меня радует!

Номера даже грязью не пришлось залеплять и замазывать, до того они были грязны.

А в кузове меня снова поджидало неожиданное военное счастье под названием халява.

В белых полотняных мешках лежало несколько комплектов нового горного обмундирования, мешок ботинок с триконями, несколько ватных спальных мешков и еще какое-то барахло. И, что самое важное, несколько ящиков с водкой и ящики с тушенкой.

Мой внутренний «зампотыл» маслянисто улыбнулся и хищно потер ручонки. Однако не это важно… Важно умыкнуть грузовик. Мои бойчишки быстренько закидали остатки палатки и деревянную рухлядь в кузов, запрыгнули сами. По наступившему серенькому рассвету мой новый подчиненный ефрейтор вывел машину подальше от скопища людей. Мы проехали по грунтовке вдоль взлетной полосы, заставленной какими-то учебными истребителями, которые уже вовсю курочили все войска, кому не лень. Свернули на дорогу, ведущую к щебеночному карьеру, и остановились возле раскуроченной РЛС-ки. Дальше куда-либо ехать было опасно, минные поля, близость боевиков и наша доблестная пехота могли запросто прикончить нас. Тем более поблизости разворачивалось какое-то подразделение на боевых машинах пехоты, по всей видимости, входившее на Ханкалу с боем. Мы подъехали поближе, я нацарапал карандашом на картонке от сухпая большими буквами «СПЕЦГРУЗ» и отправился к новым соседям. Это оказался какой-то сводный батальон. Меня приняли не очень радушно, но и на хрен не послали, хотя мозги пропесочили. Я довел до сведения комбата, что мы станем неподалеку от них. Меня обматерили, однако, немного подумавши, сказали поставить машину поблизости на кормежку и какое-либо обеспечение не рассчитывать; однако при обстреле и нападении со стороны карьера и Аргунской трассы на помощь по

крайней мере можно было надеяться. Не прогнали, и на том спасибо. А там мы уж как-нибудь что-нибудь да и сообразим. Главное теперь, чтобы наше начальство подольше не находилось в этой суматохе. Хотя вполне может быть, что про меня уже давно забыли или списали на марш и на заварушку возле моста у деревни Петропавловская.

Немного отоспавшись, я устроил строевой смотр, поставив в строй вновь приобретенного водителя. Выглядело мое воинство как куча оборванцев с явным намеком на какое-то военное подразделение. Все грязные, в нестиранном обмундировании, с помятыми небритыми лицами. Нужно всех мыть, купать, нужно стираться, нужна новая обувь.

Бани мы не видели с момента прибытия, питались кое-как, прикрепляясь временно к каким-нибудь столовым, или сухпаем, который получить всегда было проблемой.

Бороться за звание РГ СпН в таком виде? Это просто смешно, соседи-пехотинцы выглядели намного лучше нас. Ладно, слезами горю не поможешь. Взяв троих бойцов, я отправился разведывать окрестности, остальных оставил на охране, строго-настрого наказав в случае чего держаться до последнего и, уже если полный кирдык, бросать все и бежать к пехоте, а всех федералов, посягающих на наше имущество, посылать подальше.

Ханкала была забита войсками, которые мельтешили во всех направлениях. Ближе к железнодорожным путям и дачам слышалась стрельба, бухали взрывы. Любопытствующие бойцы и офицеры, наплевав на все меры предосторожности, лазали по чехословацким учебным самолетам несостоявшейся авиации Джохара Дудаева. Кто-то фотографировался, кто-то забирался внутрь, раскурочивая нелетающие аппараты. Жаль, что на тот момент у меня не было ничего, чтобы запечатлеть редкостный случай идиотизма.

Группка солдат шарахнулась от одного самолета с дикими воплями. Самолет пыхнул, чем-то грохнул, и из его внутренностей выкинуло что-то бесформенное. Комок подлетел на несколько метров в воздух и шлепнулся об бетонную взлетку. Один из наиболее «смышленых» бойцов обнаружил рычаг катапульты, ну и, соответственно, решил его дернуть, лишившись при покидании летно-подъемного средства половины черепа и переломав в месиво все кости. Потом по группировке пойдут приказы о запрещении, недопущении и об изгнании вредных мыслишек о мародерстве и раскурочивании чешских самолетиков. Но это будет потом, а пока все кому не лень тащили с самолетов все подряд. Мы разжились несколькими здоровенными дюралевыми баками с краниками и непонятно для

чего прихватили алюминиевую лестницу. Все это приволокли к своему временному пристанищу. Пора было искать начальство. Озадачив личный состав приведением кузова в вид, пригодный для жилья, я пошлепал в сторону расположения штаба, откуда мы недавно под покровом ночи сбежали.

Начальство я нашел по знакомым штабным кунгам с прицепам. Мне удивились, но не обрадовались: честно говоря, было не до меня — в плане стоял ввод войск в город. Я, представившись своему направленцу, попытался слинять, но не тут-то было. Штабу нужна была вода. А кого озадачить добыванием нужного для обязательного функционирования штаба компонента? Конечно же, летеху, шатающегося без дела. Слава богу, мне хоть выделили водовозку с пьяным седым контракником, больше похожим на шолоховского деда Щукаря, чем на военного. Контрабас дыхнул на меня перегаром и просипел:

— Ну что, лейтенант, куда ехать?

Вот интересный вопрос: куда? Хотя я помню, что когда-то, во времена Союза, на Ханкале была где-то скважина неподалеку от железнодорожных путей, за расположением летчиков.

Туда, в принципе, можно проехать, если обогнуть взлетку и держаться справа от дач. Но сейчас там идет интенсивная стрельба, и черт знает, что может случиться. Ну ладно, попробуем прорваться. По пути мы подъехали к соседям-пехотинцам, и я зашел к командиру в штабную палатку. Вода мотострелкам нужна была еще как, и водовозка на ходу, и пара цистерн «ЦВ» в наличии, но где воду брать, они еще не определились. Так что я был кстати. Командир батальона дал команду, и, пока пехотинцы, выделенные в сопровождение, залезали на БМП и выстраивались в колонну, я заглянул к своим. Кузов был тщательно выметен. Из палатки выкроили печную металлическую планку с круглой дырой под трубу и уже прилаживали печку. Оставив троих и водителя, я посадил своих на броню к пехоте, а сам вызвал к себе командиров экипажей, механиков и наводчиков. Пехота удивилась моей наглости, командир взвода, назначенный старшим от батальона, подбежал и, размахивая руками, попытался восстановить статус-кво и занять руководящее кресло в этой немудреной операции. Лейтенант, как и я, был выпускник этого года — общевойсковик из Омского ВОКУ[1].

— Ты что тут раскомандовался моими людьми, залазь на свою цистерну с колесами и езжай помалкивай, водовоз хренов…

— Сам водовоз, ты знаешь, куда ехать?

Лейтенант замялся.

— Так вот, а я знаю, тем более знаю, откуда по нам могут

шарахнуть, так что, если проинструктирую твои экипажи, ничего страшного не будет.

Взводник помолчал, потом, узнав, из какого я училища, одобрительно кивнул и застроил своих подчиненных. Кратко проинструктировав механиков и наводчиков, я полез на головную машину. Лейтенант сел за штурвал сам, напялил шлемофон, проверил связь. Вроде все готовы. Двинулись. БМП пыхнули черными солярными выхлопами, и мы поехали. Через пять минут мы уже проезжали дачи. Бои в районе домиков уже стихли, изредка слышались очереди, мелькали фигуры. Обрулив несколько боевых машин и кучки бойцов, мы тронулись дальше. Грязь фонтанами выплескивалась из-под гусениц, летеха изредка оборачивался и спрашивал дорогу. Память меня все-таки не подвела: свернув направо и не доезжая железной дороги, мы выехали на полуразрушенное здание водокачки. Здесь уже суетились федералы, стояло несколько машин различного назначения. Вода была, заправиться можно было без проблем, главное — выстоять небольшую очередь из страждущих и не попасть под минометный обстрел из города. Рядышком сновали саперы, обшаривая щупами и миноискателями окрестности водокачки. Распоряжался заправкой воды какой-то военный в непонятном звании с инженерными эмблемами на грязной песочке. Узнав, кто мы такие, он ответил, что без проблем: насосы не сломаны, саперы кое-что подправили, воду проверили — использовать в технических целях можно, а обеззараживанием для приготовления пищи пусть занимаются наши медики. Вопрос решен положительно. В разговоре военный, оказавшийся майором, рассказал, что неподалеку стоит пожарная часть, которую недавно отбили у боевиков, и, если мы интересуемся, он может сопроводить нас туда, пока дойдет наша очередь. Просто так он бы стараться не стал, значит, имел какой-то свой шкурный интерес. Так оно и было. На пожарке стояли вполне целые пожарные спецавтомобили, которые можно было использовать как передвижные цистерны. Посовещавшись с командиром взвода, мы решили, что ничего страшного не случится, если прокатимся с майором. При подъезде к пожарной части нас обстреляли из города, из чего-то крупнокалиберного. Лейтенант-омич среагировал правильно: дал по газам, и наша маленькая колонна проскочила на скорости простреливаемый участок без потерь. Возле зданий пехота спешилась и перебежками ринулась вперед, наводчики навели пушки и дали пару очередей поверх крыш. Внутри дворика все было перепахано взрывами, забросано пустыми цинками из-под патронов и окровавленными бинтами. Здания были полуразрушены и пусты. Однако несколько

полезных предметов обихода в виде мебели все-таки нашлось. Мы сграбастали по неплохому столу, набрали стульев, и бойцы стали все это затаскивать на бэхи. Боевые машины стали выглядеть как цыганские кибитки, но меня и взводника внешний вид брони абсолютно не волновал. В крошечном автопарке стояли три вполне целые пожарные машины ярко-красного цвета. Машины были раскурочены, колеса прострелены, но цистерны вполне пригодны. Майор, пообещав пехотному летехе всегда внеочередное «водяное» обслуживание и полное радушие, договорился о буксировке одной из машин к водокачке. Почувствовав прилив наглости, я оттащил летеху в сторонку.

— Давай и мне одну подцепим!

— Б…, нам обратно еще до батальона тащиться, вдруг обстрел по дороге?

— Ну и что? Ежели что, сбросим на хрен, и к тому же прикинь, какой запас будет, да и вообще — водку пьешь?

— Пять пузырей, — кратко подвел итог омич. — Дотащим, не дотащим — один хрен, пять пузырей ты мне все равно даешь, ведь я еще мебель твою повезу.

БМП стали задом сдавать в парк и цеплять на жесткую сцепку пожарные цистерны. Я посадил одного из разведчиков за руль, запрыгнул на БМП, и мы, весело матерясь, потащились к водокачке. Заправлялись, однако, долго: выезжали с двумя водовозками, а заправлять пришлось три. Обратный путь начали далеко за обед. Слава богу, добрались без происшествий. Буксируемую пожарку мотало из стороны в сторону, нас обгоняла различная боевая техника, народ матерился, но мне было абсолютно по барабану: у меня было несколько тонн воды. В моей подвижной «квартире» было чисто убрано, печка уже затоплена. Бойцы приладили баки внутри и вывели краны наружу. К моему удивлению, из тюков с формой и из ящиков с водкой ничего не пропало. Еще при первом знакомстве я дал им понять, что все, что ни делается, делается для группы, а если что не так, расстреляю как предателя и спишу на боевые потери. Не знаю, что подействовало больше: осознание того, что все, что ни достается, это имущество группы, или мое шутливое предупреждение о расстреле. В группе не было ни одного случая крысятничества или «чмырства». Коллектив был маленький, и что-либо утаить друг от друга было весьма проблематично. Свои пять пузырей водки лейтенант-взводник получил, довольный прыгнул на броню и укатил к своим. Дюралевые баки заполнили до отказа, естественно, из штабной водовозки. Один бак Садыков упросил оставить для создания «титана». Как он собирался его делать, меня абсолютно не колыхало. Вызвался — делай. Как

оказалось, татарин из 135-й бригады оказался вполне неплохим приобретением. Ушлый ефрейтор, освобожденный от опеки своих сослуживцев и контрактников, оказался весьма контактным, легко заводил знакомства и друзей, умудрялся без проблем отыскивать земляков и использовать вновь приобретенные связи на пользу коллективу, в который он влился.

Старому контрактнику — водителю штабной водовозки — вручили пузырь, я отконвоировал его с машиной к штабу, посоветовав держать язык за зубами обо всем, что видел. Ему, по-моему, было на все наплевать, кроме бутылки водки, заначенной в бардачке. В штабе, как обычно, царили суета и нервозность, опять собирались куда то переезжать. Мне обозначили приблизительные координаты, где искать высокое начальство. Благодарности за привезенную воду я так и не дождался и собирался тихонечко свалить, однако был пойман своим направленцем, который заставил меня писать рапорт о наличии у меня вооружения, боеприпасов и личного состава для внесения в какие-то штатно-должностные списки. Рапорт я написал, заодно включив туда и Садыкова; странное дело, направленец даже не спросил меня, откуда он взялся. А потом мне пришлось выдумывать различные заявки на получения имущества. Я разошелся и написал всего и побольше, зная о том, что ни хрена не дадут, а если и дадут, то половину или треть от того, что прошу. Дойдя до крайней степени наглости, я написал, что мне необходим БТР-80 с экипажем. Прокатило: направленец, не глядя в мою писанину, схватил бумажки, переложил их в папку и отправил к личному составу, сообщив о том, что на днях мы получим задачу. Узнав о предстоящей задаче, я поморщился, под ложечкой противно засосало. Скоро войска пойдут на штурм, а мы как-то привыкли действовать в сторонке от больших масс войск, находя в этом не только недостатки, но и кучу преимуществ.

Возле КамАЗа и пожарной машины суетилась куча народу, как моего, так и незнакомого.

Бойцы мои устроили раздачу воды прибредшему незнамо откуда военному люду, выменивая у них на воду сигареты и прочие маленькие радости солдатской жизни. Садыков и еще какой-то закопченный и промасленный индивид в танковом комбезе запихивали в кузов странное сооружение из дюралевого бака и протыкавшей его насквозь стальной трубы.

— Пацаны, это что вы за хрень тут мостите? — поинтересовался я.

— Товарищ командир, смотрите, вот, — затараторил водила, — типа, вот сюда бак поставим, вода заливается как

обычно, а конец трубы будет под кузовом, тута мне Ринат, — он кивнул на чумазого, — переходник приварит уголком, а верх трубы будет над тентом. Мне уже пацаны обещали стальных прокладок, вокруг трубы присобачим, чтобы брезент не спалить.

— И что это будет?

— А вот мы сюда соляры плескаем и поджигаем, тяга хорошая будет, вода быстро нагревается, краник на улицу цепляем, сюда лейку, открываем краник и моемся под горячей водой.

— Ну, толково, а КамАЗ свой не спалишь?

— Да нет, конечно, я такую штуку делал уже в бригаде для каких-то кабардинцев, варили у нас в парке.

Часа через полтора привезенные стулья и мебель расставили в кузове, от аккумулятора кинули переноску, и кузов осветили автомобильные лампочки. Водитель затопил свой самодельный титан, в трубе гулко ухнуло и загудело. Из остатков палатки смастерили что-то вроде ширмы под ноги, в грязь на старые патронные цинки поставили крышку от снарядного ящика. Импровизированная баня была готова. Первым запустили «конструктора». Водила залез за ширму и минут через пять послышалось его довольное ухание, а над КамАЗом взметнулось облачко пара.

— Татарин, — заорали мои бойцы, — как оно?

— Ништя-як, пацаны, ей-богу ништяк, притащите мне с кабины полотенце, там за сиденьями, и мыльница там же.

Насладиться горячим душем водителю не дали: как только испытания были проведены, его выгнали, и он в одних кальсонах, зажав в охапку грязную одежду, по лестнице забрался в кузов к уже топящейся печке. Отмытое лицо его излучало неподдельную радость.

Соответственно, сразу за водителем залез я. Раздеваться было неудобно, вешать одежду пришлось на стальные крючки на борту. Вода была горячая в меру, одно неудобство — душевая лейка находилась на уровне груди, и, чтобы обмыть голову, приходилось приседать. Вымывшись, я не стал надевать свой грязный камуфляж и, по примеру Садыкова, в одном исподнем заполз в кузов и с удобством расположился на трофейном стуле возле горячего бока печки. Водитель уже кипятил чайник и с удовольствием гонял вшей по своей водительской робе, поднося ее то одним, то другим боком к печке.

Вскоре в кузов запрыгнул назначенный мною замкомгруппы старший сержант Паша Озернов. Озадачив Пашу выдачей подчиненным комплектов «горок», я нашел более-менее подходящий для себя комплект, переоделся, помахал руками и

ногами, повертелся из стороны в сторону, поприседал, опробуя новую «горку». Все нормально, нигде не жмет, только свитер колючий, да это ничего. Мои все помылись и переоделись и сразу же приобрели совершенно другой вид. Не откладывая дел в долгий ящик, приказал всем ужинать. Паша выдал дополнительно несколько банок тушенки. Самому мне есть пока не хотелось, и я, закурив, выпрыгнул наружу. Вода в баке еще была, и я решил простирнуть свое грязное обмундирование. У водилы нашлась чистая щетка, которую он тоже использовал для стирки. Удобно расположившись на крышке от ящика, я намыливал щетку и отдраивал камуфляж. Управился довольно быстро, сполоснул шмотье и развесил его на растяжке от палатки, на которую вешали ширму для душа бойцы. Тут как раз и подошел новый знакомый взводник из мотострелкового батальона.

— Чего это вы тут смастерили? — полюбопытствовал он, глядя на брезентовую кабинку и кузов, увенчанный двумя чадящими трубами.

— А так, душ соорудили, благо воды теперь у нас немерено.

— Ух ты, а от наших пока дождешься, коростой можно по самые уши зарасти, еще и штаб батальона всю мебель, что я привез, себе захапал, — и он грустно вздохнул, косясь на невзрачную душевую кабинку.

— Можешь помыться, кстати, мы не жадные!

Взводник довольно закивал головой и вопросительно глянул на меня.

— Можно еще ротного позову и пару пацанов?

Взаимодействие и связи нужно налаживать, поэтому я благосклонно согласился.

Вскоре прибыло несколько офицеров с солдатскими полотенцами через плечо и парой пакетов в руках. Один пакет содержал пару банок ветчины, банку маринованных огурцов, банку помидоров, несколько луковиц и булку хлеба. Во втором, соответственно, была водка.

Я передал пакеты в кузов, наказал Паше накрыть стол, благо он у нас уже был, а сам остался разговаривать с офицерами, ждущими своей очереди на помывку.

Перезнакомился со всеми, поболтали о том о сем. Темы в основном вертелись вокруг предстоящего штурма города. В разговоре решили, что к Старому Новому году, скорее всего все, и закончится; или, по крайней мере, все на это надеялись.

Помывка соседей-мотострелков закончилась, и они, ободренные и посвежевшие, с радостью приняли предложение забраться в кузов и отужинать. Бойцы занавесили остатками брезента часть кузова, перекинули в закуток лампочку, и

водитель протянул из кабины одну хрипящую колонку, в которой при нормальном слухе можно было расслышать уже набившее оскомину «I Will Always Love You» вошедшей в моду Уитни Хьюстон. Стол был уже накрыт, стулья расставлены, бойцы сделали непроницаемые лица и один за одним вылезли наружу, решив, по моему примеру, использовать остатки горячей воды для стирки.

Гости по достоинству оценили интерьер и с довольными минами уселись за стол. Я, как хозяин, разлил водку по колпачкам для мин и произнес первый тост — за знакомство. Посидели славно, разошлись далеко за полночь, мои бойцы уже спали на полу вдоль бортов, завернувшись в спальники. Один из бойцов дежурной пары собирал золу с печки и сонно жмурился, я ему кивнул на свой закуток, он понятливо закивал башкой и пошел убираться. На улице было прохладно. Второй боец дежурной пары курсировал между пожарной машиной и нашим пристанищем. Мои гости тепло распрощались и пошлепали по грязи к себе, вспоминая, какой на сегодня пароль. Разведчик подошел ко мне и кивнул в сторону города:

— Товарищ лейтенант, а мы тоже пойдем туда?

— Не знаю, но как-то не хочется. Уж лучше здесь, при штабе группировки, ошиваться.

— А как вы думаете, когда туда пойдут войска? Неужто на Новый год?

— Да навряд ли, думаю, народу отдохнуть дадут, тут же все увязать надо, согласовать полосы наступления, там, всякие разгранлинии, да много еще чего надо сделать, вряд ли…

Перекурив, я полез в свой уголок досыпать, часовой продолжал бродить вокруг машин.

Назавтра я дополучил в группу четыре пулемета РПК-С калибра 7,62 с магазинами барабанного типа, одну снайперскую винтовку, и еще мне придали связиста с радиостанцией Р-159. На временном складе РАВ[2] мы нагрузились боеприпасами и одноразовыми гранатометами даже сверх указанного в заявке. Однако новое вооружение и боеприпасы не радовали, потому что мы получили задачу. Мне с моими подчиненными предстояло влиться в колонну мотострелкового полка из Ленинградского военного округа и вместе с ними войти в Грозный. Почистив новые пулеметы и постреляв по банкам, я провел занятие по передвижению в городе и по взаимодействию между боевыми парами. Какие задачи мы будем выполнять, мне так и не сообщили, поэтому мы отрабатывали старую тактику передвижения группой в колонну по двое короткими перебежками, прикрывая друг друга. Связист должен был как

привязанный следовать за мной. Бойцы взмокли, я сам уже порядком подустал, но нарастающее беспокойство, все больше и больше терзавшее меня, заставляло гонять и себя, и подчиненных. Напряжение нарастало. Сели обедать. Тушенка не лезла в горло, и я снова решил прогуляться до своего направленца.

Наш начальник беседовал с каким-то бородатым военным в пестром камуфляже.

На этот раз на мое появление шеф отреагировал довольно бурно. Он представил меня незнакомцу, кратко пояснив мне, что это человек из взаимодействующей структуры.

Меня начали допрашивать и расспрашивать, в какие годы я проживал в Грозном, на какой улице, знаю ли я окрестности и многое другое. Бородатый достал план города и, тыкая пальцем то в одно, то в другое место, продолжал расспросы. Ответы мои его полностью удовлетворили, и он, довольно кивнув, попросил меня выйти на пару минут из кунга. Я перекурил, пошарахался вокруг, поглазел на военный люд, получил люлей от какого-то военного, облеченного большой властью, и наконец меня позвали обратно.

Выдвигаться с полком ленинградцев мне больше не предстояло: меня перенацелили и переподчинили этому бородатому незнакомцу. Я не знал, радоваться мне или горевать.

Однако что ни делается, все к лучшему. Так оно впоследствии и оказалось. Незнакомец попросил называть его по имени-отчеству — Владимир Петрович — и спросил, где мы располагаемся. Через пятнадцать минут мы были возле моего мини-ПВД. Владимир Петрович оценил наше походное жилище и предложил где-нибудь скрыться от посторонних глаз, чтобы он мог пояснить мне мою задачу. Расположились в «командирском закутке». Петрович достал карту и вкратце пояснил обстановку и обрисовал задачи войск. Мне предстояла отдельная задача: со своим малочисленным подразделением мне не надо было участвовать в штурме, надо было просто под покровом ночи выйти в условленный район города, встретить каких-то людей и привести их обратно на пункт сбора. Сперва, осмысливая услышанное, я подумал, что вновь приобретенный шеф бредит. Каких людей? Кто эти люди? А вдруг это боевики? Хотя не моего ума это дело. Скорее всего, какие-нибудь разведчики-нелегалы, работающие своими агентурными способами, или чечены, сотрудничающие с ФСК или еще с каким-то ведомством, какое представлял Владимир Петрович. Ладно, придется идти. Вопросов была куча, но ответов на них мне никто не смог бы дать, в том числе и новый начальник.

Кто нас будет прикрывать огнем артиллерии? Услышав про

артиллерию, Петрович поморщился и сказал, что никто, по крайней мере, этот вопрос не продуман. Что делать, если мы встрянем в заварушку и попадем под огонь боевиков? Как что, уничтожить боевиков своими силами и продолжать выполнять задачу; если дальнейшая боевая работа невозможна, возвращаться на Ханкалу. Если на месте встречи никого не будет, доложить по связи и ждать получения дальнейшей задачи. Честно говоря, идиотизм. Но ничуть не хуже того идиотизма, который предстоял основной массе войск — десантникам и мотострелкам, которых собирались кинуть в город. Ладно, придется идти.

Я высказал пару пожеланий по поводу обеспечения, задал пару уточняющих вопросов по порядку организации связи. Петрович все записал в блокнотик и убыл восвояси, наказав ждать его лично.

Проводив его, я построил личный состав и начал инструктаж. Кратко обговорив боевой порядок, организацию взаимодействия и действия в различных непредвиденных ситуациях, отправил всех спать. Особого смысла в какой-то доподготовке я не видел.

Связист регулярно связывался по таблице позывных со штабной машиной в штабе группировки, оружие было подготовлено, боеприпасы снаряжены, магазины и гранаты распиханы по подсумкам. Эх, подсумки, подсумки, нам бы каждому по «афганскому лифчику» и хотя бы по старому доброму РД-54, тогда как-то более-менее удобно можно разместить носимый боекомплект. Ну а благодаря убитому ворюге-контрактнику у нас вместе с «горками» появились военные альпинистские темно-коричневые рюкзаки, в которые запихали дополнительные боеприпасы, а вместо убогих солдатских шапок мои бойцы заимели коричневые подшлемники с вырезами для глаз, что тоже, в принципе, неплохо.

Переживания переживаниями, но меня тоже потянуло в сон. Дав ценные указания Садыкову по поводу его дальнейших действий, я широко зевнул, чуть не порвав себе полморды, залез в кузов, плюхнулся в свой закуток, накрылся спальником и заснул.

Разбудил меня мой «замок» Паша.

— Командир, там бородатый приехал на БТРе. Вас кличет…

Ну все, вот и началось. Владимир Петрович был невесел и явно чем-то встревожен.

— Давай карту, — сразу приступил он к делу. — Вот, здесь нужно людей забрать, — он ткнул пальцем в квадратики домов.

Ох ты господи, от указанного им района до кинотеатра «Россия» с полкилометра всего, до моста и того меньше. Как он мне сам рассказывал, тот район кишит укрепленными позициями боевиков. Интересно, что же будет, если мы припремся прямо к

ним в логово?..

Да и вообще, будут ли там какие-то люди нас ждать? Сам новоявленный шеф ответа на этот вопрос не знал. Он заученно повторял, что мы должны встретить двух человек, чеченцев, которые отзовутся на пароль «Аслан», и проводить их на Ханкалу. Более идиотской постановки задачи я не слышал. По всем правилам у нас должно быть заранее обусловленное место встречи, знакомое как им, так и нам. Должно быть определено конкретное время встречи, после просроченного времени наша группа, занимающаяся физическим прикрытием агентуры, должна срочно эвакуироваться. Никто нас не прикрывает никаким огнем, никто с нами не взаимодействует. Связи с этими самыми агентурщиками абсолютно никакой.

Терять мне было абсолютно нечего, и я все, что думал, высказал Петровичу. Он грустно покачал головой, абсолютно не слушая меня, передал мне оранжевую медицинскую аптечку.

— На, тут промедол на всех твоих, отчитываться не надо, он уже списан. Ты продумал, откуда будешь выходить? Я уже своим сказал, что повез тебя на вывод.

Выходить я решил от той самой пожарной части возле водокачки. По крайней мере, если удачно пройдем железнодорожные пути и минуем насыпь, то можно будет хотя бы изучить обстановку и попытаться проникнуть в город. От намеченного мною места выхода до точки встречи с агентами было рукой подать.

Петрович одобрил мои действия и спросил, как будем возвращаться. Я решил возвращаться в пешем порядке: как-то мне очень жалко стало КамАЗ, временно ставший нашим приютом.

Через пятнадцать минут моя группа сидела на БТРе. Я сидел рядом с грустным «шефом» и подсчитывал шансы прибыть с этой задачи живым и здоровым, сохранив личный состав.

Шансов было не очень много. Как оказалось, у Петровича шансов было еще меньше: он выдвигался в город вместе с общей колонной, вот поэтому и был не в лучшем расположении духа.

На водокачке скучилось несколько водовозных машин, суетился какой-то грязный военный люд. Невдалеке горела та самая пожарная часть, откуда мы собирались выходить.

Водила БТРа поддал газу, и мы на полном ходу, идя юзом по грязи, подкатились к висящим серым воротам. Бойцы как горох сыпанули вниз. Мои меня все-таки порадовали: сразу же откатились от брони, заняли позиции для стрельбы и начали зыркать по сторонам. Отлежались в грязи, осмотрелись и двойками ринулись во дворик. Все пусто. Многочисленные следы мародерства, в парке горят какие-то постройки,

административное зданьице более-менее целое. Тут я и решил остаться до тех пор, пока не стемнеет и более-менее не изучим обстановку.

БТР укатил прочь. С города запоздало прилетела пара мин, хлопнули, не причинив никакого вреда. Прислонив бинокль к глазам, я обозрел обстановку на водокачке. Страждущие живительной влаги бестолково носились и стреляли из автоматов неизвестно куда. Потом выехало несколько БМП из состава сопровождения водовозов. Тонкоствольные автоматические пушки выпустили несколько очередей по видневшимся вдалеке домам, на том все и успокоилось. Заправка воды продолжилась обычным порядком. Распределив бойцов по наблюдательным постам, я начал обшаривать взглядом окрестности, пытаясь совместить расстилавшуюся местность с обрывками памяти и с корявенькой план-схемой города. Ничего не вспоминалось, а карта лишь отдаленно напоминала действительность. В конце концов я наметил путь выдвижения и вызвал пару бойцов, ходивших у меня в головном дозоре. Конечно, было бы хорошо иметь головной дозор из полноценной тройки, но при нехватке личного состава сойдет и пара.

Бойцы заползли ко мне на второй этаж и, пригибаясь, подбежали к окошку, возле которого я вел наблюдение.

— Так, товарищи Котельский и Ежов, слушайте боевую задачу, матросы!

Бойцы привалились спинами к стене и, шмыгая носами, стали выслушивать мои наставления.

— Так как вы у меня головной дозор, то вам и все карты в руки: сейчас берете мой бинокль и тщательно рассматриваете свой маршрут. Нам надо выйти к насыпи напротив вон того дома, думаю, лучше выдвигаться перебежками по парам. Возле насыпи осторожнее, там, скорее всего, заминировано. Задача ясна?

Бойцы закивали головами, взяли бинокль и начали осторожно пялиться в разбитое окно, о чем-то вполголоса переговариваясь между собой. Я прошелся по остальным постам, напоминая всем порядок выдвижения. Вскоре стемнело. Лежащий перед нами город расцветился росчерками трассеров. С Ханкалы отвечали адекватно — очередями и ракетами.

Начался минометный обстрел. Лупили по водокачке, по дороге и по пожарке. Одна из мин рванула во внутреннем дворике, осколки грохнули по кирпичным стенам, отбивая крошки.

Миномет бил то с одного, то с другого направления, засечь я его так и не смог. Связист подполз и протянул мне тангенту. Меня спрашивали про обстановку и интересовались, когда мы

выполним задачу. Я удивился. Когда? Да черт его знает, когда. Мне погрозили, и связь оборвалась. Потом в течение нескольких часов на связь никто не выходил, про нас то ли забыли, то ли было не до нас. Откуда-то со стороны насыпи по водокачке заработал крупнокалиберный пулемет, поддерживая кочующий миномет. И опять я не понял, откуда бьют. Потом уже дошло, что установки были подвижными — стреляли, скорее всего, с кузовов грузовиков. Обстрел перенесся в сторону дач. Я решил, что, пользуясь суматохой, можно пробраться к насыпи незамеченными. Через пару минут Котельский и Ежов, выпучив глаза, стартанули и с бешеной скоростью понеслись к железнодорожным путям.

Пробежав метров тридцать, они упали в грязь. Как только первая пара заняла прикрывающую позицию, резко рванула вторая. Пара добежала до головного дозора, головняк, увидев своих, резко подорвался и рванул дальше. Одновременно с головняком стартовала третья пара — я и связист, а потом за нами, как только остановимся, рванет тыловой дозор. Так, бегом, своеобразной «гусеницей», при минометном обстреле мы, почти не останавливаясь, добрались до насыпи. Бежать приходилось то враскорячку, то высоко поднимая ноги, перескакивая через рельсы. На бегу я понял, что барабанный магазин к РПК-С имеет свои недостатки: семьдесят два патрона весьма ощутительно тряслись и бренчали в круглом магазине. Возле насыпи группа растеклась и перегруппировалась в линию. Ко мне, надсадно дыша, подполз Котельский.

— Тщ-щ лейтенант, кажись, мины, чо делать нам?

— Котел, делай то, что учили, кошка с веревкой у Паши…

Боец, пригнувшись, подбежал к замкомгруппы, тот кивнул ему за спину. Котел отвязал самодельную кошку и, сжав моток веревки в руке, стал красться вдоль насыпи, выискивая место, наиболее удобное для подъема наверх. Ежов рысил рядом, прикрывая напарника и зыркая по сторонам. Наконец обнаружили еле заметную тропку и принялись ее тралить, стараясь дергать за веревку под разрывы минометных мин. С концом траления бойцы отползали все дальше и дальше, стараясь укрыться от ожидаемых осколков.

Наблюдая за манипуляциями суетящихся невдалеке разведчиков, я с ужасом пришел к выводу, что я их реально подставляю под осколки. Зацепи кошка гранату Ф-1 на растяжке, радиус разлета осколков которой 200 метров, — и хрен бы что их спасло. Однако все обошлось — путь наверх был протрален. Группа подтянулась к тропинке, и головная пара чуть ли не на четырех костях потихоньку поползла наверх. Я с замиранием

сердца следил за бойцами, хоть и предупреждал, чтобы не вставали и сильно не высовывались — мало ли что?..

Ч-ч-че-е-ерт! С находящегося от нас примерно в километре слева железнодорожного моста послышалась интенсивная стрельба, и в небо взвилось несколько осветительных ракет, раздались какие-то вопли, начал гулко ухать танк. Слава богу, ракеты ушли в сторону Октябрьского, и нас это событие никак не коснулось. Головной дозор был уже наверху. Поправив подсумки, я натянул перчатки на ладони и, повесив пулемет на шею, начал карабкаться вверх, прихватив с собой веревку с кошкой, чтобы закрепить ее наверху, дабы облегчить подъем оставшейся части группы. Бойцы наверху лежали, уткнушись лицом в руки, и старались по возможности не высовываться. Все правильно, как и учил. Эх, сейчас бы сюда ТР-8 (трубу разведчика), выставил бы потихоньку и рассматривал окрестности, да жаль, нету.

— Что там? — вполголоса спросил я Ежова, находившегося ближе ко мне.

— Чечены бродят, бегают туда-сюда, целыми толпами, товарищ лейтенант…

Я осторожно высунулся из-за насыпи. Действительно, недалеко от нас, метрах в двухстах, перемещались еле видимые в темноте фигурки, причем перемещались не хаотично, а вполне осознанно, как муравьи. Пришлось достать из-за пазухи бинокль. Группы различной численности двигались среди домов, но в основном все шли влево, в сторону железнодорожного моста и кинотеатра. Я разглядел и мужиков с бородами, и каких-то пацанов с непонятно чем в руках. Издалека доносились какие-то крики. По дороге проехала пара ГАЗ-66, к которым были прицеплены минометы, в которых я узнал 2Б-9 «Васильки». В кузовах восседали какие-то люди, одетые в белые маскхалаты. Как только я увидел маскхалаты и подумал, на хрен они нужны, пошел легкий снежок. М-да, однако, природа, мать ее, здесь работает почему-то не на нас.

И какой, извините за выражение, чудак на букву «м» придумал для нас эту нелепую задачу!

Как мне узнать этот чертов дом? Подходить до всех подряд и спрашивать? Или вылезти на бруствер и громко орать «Асла-а-ан!»… Вот задача так задача. На хрен этому непонятному Владимиру Петровичу такие же непонятные чечены? Что они ему могут сказать? О передвижении и концентрации боевиков в таких-то районах? Да я это и сам прекрасно вижу. О наличии передвижных огневых точек? Так это разве новость?

Часть группы я поднял наверх, вторую половину оставил с Пашей внизу. Оставалось одно — ждать. Ждать непонятно чего.

Ладно, так и поступим, по крайней мере, посмотрим, когда боевики прекратят свои передвижения. Многие окна в домах, на удивление, светились ровным электрическим светом. Где-то вдалеке тарахтел движок, а мы все лежали и лежали, и снежок постепенно покрывал наши спины, делая нас неразличимой частью ландшафта. Несмотря на то, что я продрог и заледенел, очень хотелось спать и курить. Минометный обстрел прекратился, и откуда-то издалека по городу начала долбить артиллерия федеральных войск. Где-то бухали разрывы, в ночное небо пыхали языки огня. Даже в черном ночном небе был виден смог, расстилающийся над городом. Я тихонечко, задом-задом, сполз по веревке вниз. Пригибаясь, подкрался Паша и спросил, что там наверху.

Я прикурил и, пряча сигарету в кулаке, жадно затянулся и выпустил дым вдоль земли.

— Духи перемещаются, в сторону моста идут, дальше, по ходу дела, на Минутку или Гудермесскую. Чую, Паша, будет замес у наших колонн.

— Командор, так, может, оно и к лучшему, что мы здесь Асланов ищем?

— Чую, что к лучшему, сейчас, наверно, попробуем рвануть к домам. Паша, ты наверху сидишь со связистом, я с Ежиком и Котлом сам пойду. Смотри за нами в оба, ежели что, крой, и рвем когти отсюда.

— Боюсь я, командир, что-то, ох, боюсь, даже живот схватило…

— Я сам боюсь, однако помню, что очко десантника в момент покидания борта самолета способно перекусить лом!

— Однако не обеспечивает полной герметичности говнобака, — закончил за меня «замок». — Ну что? Я за тобой наверх?

Я кивнул и, повесив пулемет на шею, начал карабкаться вверх. Когда подгруппа прикрытия вскарабкалась наверх, я решился. Вроде пусто.

— Ну что, вперед, — бросил-выдохнул я паре Котельский — Ежов и ринулся к дороге, перепрыгивая на ходу колдобины. Бежали мы к группе гаражей, за которыми я наметил укрыться после первой перебежки. Мы скачками пересекли дорогу. Котел обогнал меня и, бряцая патронами в барабане магазина, прибавил ходу. В висках гулко застучало.

Не повезло нам: дорогу осветили фары, и показался какой-то грузовичок. Через пару секунд нас заметят. Все, приплыли. Мысль вспыхнула и потухла, я даже не успел ее распознать, как вполголоса зашипел-заорал, срываясь на визг:

— Котел, на обочину, сука, на обочину, к дому давай!

Котел очумело мотнул головой, сдал вправо и подбежал к глухой бетонной стене дома. Я специально выбирал такое место для перебежки, чтобы стена была глухая и из окон нас было бы не видно. Я подбежал к Котельскому, развернул Ежа, пыхтевшего у меня за спиной.

— На корточки садитесь быстрее, закуривайте и молчите.

Через пару секунд мы попали в свет фар убогого грязного ЗИЛа. На ходу открылась дверца, и нам что-то крикнули.

— Ва-ац-ц! — заорал я наугад и махнул в сторону моста рукой.

— Аллах акба-а-ар! — заорали на нас с кузова. Сердце ушло в пятки: сейчас нас в три секунды оприходуют. И тут мои бойцы то ли по наитию свыше, то ли от наглости заорали в ответ:

— Алла-а-а акбар! — и вскинули руки в фашистском жесте.

В кузове довольно заржали, и ЗИЛ скрылся из виду. Сердце глухо стучало. Пронесло.

Пулеметы с круглыми магазинами, популярные у боевиков, непринужденные позы на корточках, так присущие местному мужскому населению, и ответ, попавший чудом в смысл вопроса, нас спасли.

Бойцы молча трясущимися руками затушили сигареты, и их глаза с вопросом уставились через прорези масок на меня.

— А чо, я ничо, я сама опупела, — ответил я фразой из анекдота. — Ну что, может, пойдем уж, раз так все отлично прошло?

Дальше до дома, обозначенного как район встречи с агентами, решили идти не таясь, тем более идти всего ничего. Однако постараемся избегать встреч с кем-либо: если уж случится, то открываем огонь и просто убегаем. Если получится. А нет — так нет.

Мы, почти что не таясь, пошли вдоль домов. От нас шарахались какие-то тени, по всей видимости, женщины. Если бы передвигались перебежками или крались, нас бы в три секунды вычислили, а так идем, как будто знаем куда, не скрываясь, словно хозяева.

Вот он, этот проулок, вот он, дом — вроде оно, то самое место, на которое указывал на схеме непонятный Петрович. И что, нам теперь тут торчать до окончания операции по освобождению города Грозный от преступных элементов? Идиотизм какой-то.

Котел спросил разрешения и боком-боком, пригибаясь перед темными окнами, стволом пулемета приоткрыл дверь и заглянул внутрь. В подъезде тихо, где-то слышны разговоры. И что, кричать

на весь подъезд «Асла-а-ан!»? Да ни за что на свете, нам пока везет, и нарываться на неприятности не хочется. С другой стороны, вернуться обратно? Кто нам поверит, что мы были в обозначенном месте? Никто. И я бы не поверил, подумал бы, что разведчики отсиделись на пожарке и вернулись обратно, побоявшись идти в город.

Так, потихоньку, подъезд за подъездом, мы уже внаглую и не таясь обошли весь дом, заглядывая вовнутрь. Рядышком, совсем неподалеку, раздались выстрелы и крики, какая-то толпа людей шла в нашу сторону. Пришлось нырнуть в один из подъездов. Еж обнаружил под лестницей вход в подвал, и мы, торопясь и бренча патронами в барабанах, юркнули вниз. Фонарика не было, и первым пошел Ежов, ощупывая стены руками. Какие-то деревянные двери, мусор, битые кирпичи, мешки с щебенкой, вонь, как в любом среднестатистическом российском подвале. Котел, навалившись плечом, вынес одну из хлипких дверей и начал ощупывать внутренности убогой комнатушки.

— Банки с закруткой. Картошка, лук, — сообщил он, — ничего интересного.

Ежов добрел до вентиляционного отверстия — крохотного окошка, выходившего наружу. Взглянул в него и от неожиданности присел и замахал мне рукой. Я крадучись проковылял к нему и осторожно выглянул в окошко. Прямо напротив нас человек десять бородачей казнили каких-то людей. То, что это казнь, я понял сразу. Приговоренные, четыре человека, стояли на коленях в снегу и понуро смотрели вниз. Один из боевиков, по всей видимости, командир, ходил вокруг них и что-то в полголоса говорил, потом пнул кого-то ногой в лицо и отошел в сторону. Приговоренных тотчас же расстреляли прямо в упор с криками и завываниями. Кто это такие были, за что их расстреляли, мне было по барабану. Да и сама казнь впечатления не произвела абсолютно никакого. Я посмотрел на Ежова и примостившегося рядом Котельского. Бойцы смотрели отчужденно, как будто видеофильм, испуга или страха я на их лицах не заметил.

— Командир, а что они друг друга стреляют? — шепотом спросил Еж.

— Я-то почем знаю, может, оппозиционеры какие из автурхановских, а они их казнят, хрен пойми.

Тем временем боевики, о чем-то переговорив между собой, обошли дом и скрылись из глаз.

Владимир Петрович, описывая мне связников, сказал, что один будет в куртке типа «аляска» с меховым капюшоном. Мне или показалось, или действительно так и было, но один из

четверых казненных был именно в такой куртке. Или все-таки бред? Я всматривался, но в темноте ничего не было видно. Надо идти и досматривать.

Тихими мышками выбрались наружу и чуть ли не поползли, обдирая локти, по бетонному поребрику вдоль дома. Выползли за угол — вроде все спокойно. Встали, крадучись пошли. Теперь, когда мы подойдем к трупам, нас будет видно из окон, плевать…

Отряхнулись и, оглядываясь по сторонам, подошли к трупам. Все мужчины приблизительно от тридцати до сорока лет, один — как раз тот самый, который был в куртке с меховым капюшоном, — подходил под описание, данное Петровичем. Неужто повезло?..

Бойцы споро стали обыскивать трупы, а я стащил с еще теплого и податливого тела куртку и накинул ее поверх «горки», просунув руки в рукава. На улице значительно похолодало, а под «горками» на нас были только свитера и нательное белье.

Бойцы, увидев меня в «обновке», поступили аналогично: один из трупов лишился пуховика, вполне сносного и лишь немного испачканного в крови, с другого Ежов стащил длинную кожаную куртку и напялил на себя высокую шапку-формовку под «норку», в результате стал похож на боевика, укутавшегося от холода. Документов и еще чего-либо ценного в карманах убиенных не оказалось. Надо было двигать обратно, Паша, скорее всего, уже весь издергался. Из того района, где располагалась основная часть группы, пока стрельбы не слышно, значит, все нормально. В городе на окраинах нарастала стрельба, откуда-то из центра по группировке начала бить артиллерия, совсем неподалеку снова ухнул танк.

Надо сваливать, хотя, если честно, в подвале было намного спокойней чем снаружи.

Неспешным прогулочным шагом, покачивая пулеметами, повешенными на шею, мы двигались к месту перехода через дорогу. Вот они, гаражи, вот она, глухая стена, на фоне которой нас прекрасно видно со стороны железнодорожной насыпи.

Я встал чуть ли не в центре стены и, подняв пулемет над головой, помахал им слева направо. Должны заметить. Все пошли через дорогу, прошли и бросились за насыпь. И тут мне чуть не поплохело: группы на месте не было.

Твою мать! Куда они делись? Паша не дурак и просто так группу бы не увел, что же могло случиться?

Слава богу, все были на месте. Просто я сослепу не заметил своих разведчиков, которых мой «замок» растянул в боевую линию. Он тут накомандовал, а меня, командира, чуть кондрашка не хватила. Вскоре мой многомудрый заместитель подполз по

месиву из земли и снега, оставляя за собой широкий след, и начал рассказывать прямо на ухо, что они тут наблюдали за время нашего отсутствия. Ничего особенного: изредка передвижение людей, шараханье отдельных личностей, выстрелы в глубине квартала — вот, в принципе, и все. Первая самостоятельная вылазка прошла удачно, если не считать, что вместо связников мы несем только окровавленную куртку. Да и ладно, хотя бы это — и то хлеб. Сходили нормально, бойцы себя показали даже лучше, чем я рассчитывал, одно плохо — связи так и не было. Связист, экономя аккумулятор, работал только на прием, однако нас никто не вызывал. По возвращении я лично понажимал кнопку настройки антенны, послушал жужжание, повызывал Центр — бесполезно, нам никто не отвечал. Поразмышляв, я понял, что мы снова стали жертвой то ли разгильдяйства, то ли тупости, в том числе и своей.

Скоро, может быть, даже через несколько часов, колонны десантуры и мотострелков войдут в город с восточного направления. Соответственно, частоты начали менять, а нам дали старую переговорную таблицу, вот и все.

И вообще, пора отсюда сваливать, отходим в ранее обозначенном порядке. Котел и Еж, провожаемые завистливыми взглядами, начали спускаться вниз по насыпи. Через несколько минут, когда мы уже были возле здания пожарки, по нам открыли бешеный огонь. Ладно бы со стороны города, а то со стороны водокачки. Пришлось плюхнуться носом в грязный снег и лежать, боясь поднять голову.

— Считаемся-а-а! — заорал я. — Головняк нача-а-ал!

— Первый, второй!.. — проорала пара головного дозора, и все начали выкрикивать, считаясь по номерам. Все живы, никого не зацепила ни одна шальная пуля, ни один осколок.

Когда же по нам прекратят стрелять свои же? Кричать что-либо бесполезно, поэтому остается только валяться и молчать в тряпочку, ожидая пока федералам надоест это бесполезное занятие. Упираясь носом в ствольную коробку пулемета, я почти что с нежностью подумал о теплом кузове КамАЗа и о своем закутке. Лежали мы так минут пятнадцать, беспорядочная стрельба начала перемещаться в сторону от нас. Стреляющие запустили несколько ракет, и опять не в нашу сторону.

— Рве-е-ем! — заорал я благим матом и, подавая пример, первым поднялся и рванул в сторону зданий. Какие там боевые порядки, какая, к черту, усталость — я, наверное, так на стометровках не бегал. И все равно меня обогнал резвый Котельский и нырнул первым в ворота, сразу же скользнув в сторону, свалился за груду кирпичей. Я, отпрыгнув вправо, упал

возле дыры в полуразрушенном заборе. Последним в группе, как положено, бежал заместитель. По пятам за Пашей, буквально в нескольких сантиметрах, проследовали фонтанчики от пуль. Старший сержант рыбкой нырнул в дыру, в которую я наблюдал, чуть не сбив меня с ног, перекатился, громко ругаясь матом. Сразу же кирпичная стена начала крошиться на мелкие осколки от впившихся в нее пуль. Наше передвижение заметили и с удовольствием продолжили обстрел. Я лихорадочно вспоминал опознавательные знаки: сколько там ракет и каких надо пускать? Вроде две красные и одна зеленая. Хотя сейчас, в преддверии наступления или просто так, могли поменять… а, будь что будет. Я достал из подсумка одну красную и одну зеленую и запустил их поочередно. Может, мне и показалось, но стрельба утихла. По крайней мере, стреляли по нам уже не так интенсивно. Потом стрельба вообще смолкла. Через пару минут со стороны водокачки запустили красную и зеленую. Я ответил оставшейся зеленой. Стали ждать развития событий. Минут через пятнадцать к нам выдвинулись две БМП, за ними перебежками двигалась пехота. Не доезжая метров ста до укрытия моей группы, броня остановилась, пехота залегла. Нам начали орать какую-то чушь, спрашивая пароль и всякую другую хрень. Пришлось проорать им про майора-инженера на водокачке и что мы разведчики, которых вчера вечером привозили на БТРе. Потребовали, чтобы вышел командир с высоко поднятыми руками. Пришлось, сняв куртку убитого связника и оставив автомат Ежову, выйти за ворота и поднять руки вверх. Меня осветили и заорали, чтобы подошел поближе. Ну, все ясно, сейчас начнут тыкать стволами в морду, дышать пьяным перегаром и допрашивать, кто я такой. Так оно и случилось, свои мотострелки меня же чуть и не грохнули. Лиц окруживших меня федералов я не разглядел, да и слава богу — думаю, ничего интересного я не пропустил. На мое счастье, начальник водокачки был на броне и опознал меня, да и то после того, как я напомнил ему про пожарную машину.

Меня отпустили, оставшись ждать, пока я выведу группу, и, пока я шел к своим, размышляя о военном счастье, со стороны железнодорожной насыпи послышался свист, и прямо в гущу пехоты, столпившейся возле брони, прилетела мина. Народ разбросало в стороны взрывом, многих посекло осколками, а кого-то разорвало в клочья. БМП стали крутиться на месте, давя жутко орущий личный состав. Я со всех ног кинулся под защиту зданий пожарки.

Немудрено накрыть группу пехоты и пару боевых машин, которые несколько минут назад бестолково палили в черную чеченскую ночь, обозначая себя на местности. Скорее всего, в

пятиэтажках со стороны дороги на чердаках была налажена система наблюдения. Наблюдатель засек огневые позиции, вызвал по радиостанции передвижные минометы, которые сейчас и ведут по нам огонь из-за обратного ската насыпи. Достать миномет невозможно: как бы ни задирали наводчики-операторы стволы, пушка 2А42 не может стрелять по навесной траектории. Надо просто согнать с чердаков наводчиков. Однако БМП одна за другой вломились в тесный дворик, в котором укрывались мы, за ними с перекошенными лицами начала забегать пехота. Я криками загнал свою группу в административное здание, на первый этаж. Надеюсь, перекрытия нормальные, выдержат попадания мины. Сам, приказав Котельскому держаться рядом со мной, побежал к БМП. Растолкав солдат, я вскарабкался на башню одной из них. Майора-водопроводчика видно не было. На расспросы, куда делся старший, бойцы очумело мотали головами и жались ближе к броне. Обстрел не утихал, мины ложились все ближе и ближе. Постучав прикладом пулемета по люку, я извлек на свет божий перепуганного бойца в танковом шлемофоне.

— Пушка работает, стабилизатор в порядке? — проорал я ему прямо в лицо.

Боец испуганно закивал.

— Ну-ка покрути «чебурашкой»[3], только осторожно!

Боец передернул ногами, пушка легонько скользнула вверх-вниз, влево-вправо (особый шик у наводчиков — наводить пушку и спаренный пулемет ногами).

— Вылазь, двигай со мной, сейчас цели укажу, и второго выдергивай…

Боец быстро выпрыгнул, перебежал, как обезьянка, вскарабкался на вторую броню и вытащил точно такого же чумазого и испуганного наводчика. У этого, к счастью, тоже все работало и стабилизатор наводки был исправен. Ну что же, совсем неплохо, будем вспоминать, чему меня учили в родной Общевойсковой бурсе. Тут, кстати, и майор-водопроводчик нашелся: его затащили с собой во дворик какие-то бойцы и примостили на груде битого кирпича. «Водяной король» был цел, только очень сильно контужен и ничего не соображал. Хотя, в принципе, жив — и то хорошо, сейчас от него пользы никакой, но может потом на что-то сгодиться. Котел вытащил из машин механиков и притащил их ко мне, толкая в спины прикладом пулемета и ругаясь нелицеприятно. Вот, пожалуйста, всего пару недель на войне, а уже превратился в разведчика-шовиниста, гордо гнобящего «мазуту».

— Наводчики, вот видите вон те пятиэтажки? Надо лупить по верхним этажам и по крышам, ты едешь первый на своей броне,

берешь первые две крыши, ты второй — остальные три… Все поняли? Механики всосали?

Бойцы закивали.

— Как цели в прицел взяли, так и держите их на стабилизаторах огня и лупите даже в движении, работайте короткими. Механики, скорость движения маленькая, за вами с левого бока пойдет пехота, возле первого разрыва, где вас накрыло, короткая, забираем трупы и раненых. Наводчики, во время коротких темп стрельбы повыше, я поеду на первой броне на месте старшего стрелка…

Механики и наводчики кинулись по своим местам. Прибежал Паша, выслушав меня, стал пинками подымать мотострелков. Своих разведчиков я распределил поровну за каждой машиной по своим парам, приказав во все глаза наблюдать друг за другом.

Ну, все вроде готовы. Мины все еще рвутся, уже парочка прилетела совсем рядом.

Распластавшись на месте старшего стрелка и свесив ноги внутрь люка, я напялил шлемофон. Какая радость, внутренняя связь работает — да тут можно воевать и воевать!..

Нажал тангенту ТПУ[4] — все, меня слышат и механики и наводчики. Поехали-и-и.

Моя броня взбрыкнула и, сбив еще болтавшуюся створку ворот, выскочила наружу.

— Наводчик, первые цели нача-а-ал! — заорал я, почувствовав себя словно на родном училищном полигоне. Пушка поелозила, захватила цели и начала бодро выплевывать тридцатимиллиметровые снаряды. Пехота, сгрудившись возле левого борта, пригибаясь, засеменила рядом.

— Вторая, пошла-а-а, наводчик, вторые-е-е цели!..

Вторая БМП выскочила за забор, пушка через несколько секунд начала вести огонь по обозначенным крышам. Цели в захвате и методично обрабатываются огнем. Минометный огонь стал реже и не таким интенсивным. Первая БМП остановилась, в открытые кормовые двери начали затаскивать раненых и убитых. Я оглянулся, ища взглядом своих. Вот один из моих разведчиков тащит в руках что-то типа ноги и, размахнувшись, забрасывает это «нечто» внутрь десанта, открывает рот и беззвучно орет на какого-то длинного нескладного бойца-мотострелка в скособоченном бронежилете и шапке-ушанке с развязанными ушами. Подскочила вторая броня, закидали остатки раненых и убитых.

— Давай! — заорал я механикам. Боевые машины снова, вздрогнув, начали набирать скорость. Минометные разрывы шли по пятам за отступающей колонной, но как-то все в отдалении,

сбоку, и особого вреда не приносили. Еще несколько мин разорвалось вокруг здания пожарки. Обстрел прекратился. По моей команде наводчики прекратили огонь.

Все, слава богу, добрались до водокачки. Можно передохнуть и думать, как нам дальше добраться до своего пункта временной дислокации и доложить товарищу Петровичу о выполнении задачи. Или о невыполнении?..

На данный момент и думать нечего куда-то выдвигаться: если мы в пешем порядке двинемся к себе, то нас обстреляют все кому не лень — и боевики, и свои федеральные силы. И правильно, нечего шарахаться под утро накануне наступления войск. Ждать на водокачке, когда за нами приедут, тоже сомнительное занятие: за нами могут и не приехать, а могут просто забыть или, посчитав нас погибшими, списать на боевые потери. Да и подразделение у нас маленькое, так что потери-то и не сильно большие, пехота вон от минометного обстрела потеряла сколько. Сами виноваты, нечего было палить во все стороны, обозначая себя на местности.

Вызвав Пашу, я устроил маленькое совещание. Решили, как только рассветет, выдвигаться к себе. Пойдем напрямую, через аэродром попытаемся сократить путь.

Связист уныло понажимал тангенту. Бесполезное занятие — связи нет. Связи нет даже здесь, неподалеку от штаба. Чудны дела твои, господи, особенно в сфере распространения электромагнитных волн.

Мотострелки занимались своими ранеными и убитыми. Связи у них тоже не было ни с кем. Их буквально несколько часов назад выставили на охрану «водных ресурсов», и, странное дело, когда на водокачке были одни инженеры, то их никто и не обстреливал, а только появилась охрана, сразу началась свистопляска. Контуженный майор-инженер валялся в забытьи в полуразрушенной комнатенке и на вопросы о самочувствии реагировал вяло, закрывал глаза и падал головой на доски. Когда же еще сюда доберутся медики и замена, неясно. Ну, мотострелки не унывают: главное, что они не идут в город вместе со всеми, а ведь черт знает, что будет там. Поэтому радуйся тому, что есть, — ведь все может оказаться намного хуже.

Когда стало достаточно светло, я обрисовал головной паре ориентиры для движения, и мы потопали по свежему снегу, уже припорошенному грязью, в направлении аэродрома.

Несколько раз нас останавливали, пытались положить носом в грязь, кричали, вопили, но все равно пропускали. То ли боялись, то ли узнавали своих. Мы обогнули скопище палаток и штабных машин и вышли на взлетную полосу, заставленную все теми же чехословацкими самолетиками. Их мы уже встречали как старых

добрых знакомых. А вот и палатки наших соседей — мотострелкового батальона. Теперь палаток стало намного больше, прибавилось техники, уже в такую рань носились туда-сюда люди. Головной дозор ускорил шаги. Вот он, наш временный пункт дислокации — стоит, родимый, никуда не делся, а вот и пожарная машина, притащенная накануне. Казалось, что мы не видели все это черт знает сколько, а на самом деле уехали на БТРе Петровича только вчера. От КамАЗа веяло теплом и уютом, две трубы, торчавшие над кузовом уютно дымились. Навстречу нам выбежал ефрейтор Садыков и уставился, как на диковинных животных. Пересчитал всех, облегченно вздохнул и спросил:

— Пацаны, что с вами, пацаны?

Я удивленно оглядел свою группу: все в грязи и засохшей крови, но лица такие, как будто всем лет по сорок стукнуло вот только что. Вчера было по девятнадцать-двадцать, а теперь какие-то взрослые уставшие мужики, вроде как шахтеры из шахты после смены идут. Вроде бы и не особо-то воевали, однако видок еще тот…

Зажав под мышкой нелепую трофейную куртку, я прибыл к своему начальству. Направленец в удивлении вылупился на меня.

— О, блин, ты жив?!

— Так точно, а что, необходимо было умереть?

— Да, честно говоря, тут всю ночь решали, думали, как сегодня штурмовать будем, про тебя уже и забыли. А Петрович сказал, что вы наверняка все полегли, в том районе, откуда вы выходили, обстрелы сильные были…

— Да нет, все нормально, задачу выполнили, потерь нет, даже не выстрелили ни разу, вот принесли все, что от связника осталось…

Направленец сказал кинуть куртку под стол и попросил подождать на улице. На выходе я столкнулся с каким-то суровым мужиком, который, недобро глянув на меня, вальяжно залез внутрь кунга.

Не отходя далеко, я стал под полуоткрытым окошком и, прикурив, стал подслушивать разговоры начальства. Прибывший, видимо, облеченный большой властью начальник, стал расспрашивать моего направленца обо мне, тот вкратце, в двух словах, рассказал, кто я такой и откуда прибыл. Минут пятнадцать они о чем-то оживленно беседовали, потом высокий гость пытался до кого-то дозвониться по телефонам, дозвонился и начал выслушивать, потом жутко кого-то костерить. Среди мата, обращенного к неизвестному собеседнику, я услышал кое-что, касающееся и меня:

— Какой-то сиволапый лейтенантишка-е…лан вылез, побродил по городу и вернулся, а ты со своими рексами чего-то там ссышь! — орал начальник.

Услышанное меня покоробило, и я решил обязательно нагрубить неизвестному, если предстоит с ним побеседовать. Действительно, через две минуты из кунга вылетел направленец, помотал головой, увидел меня и пригласил зайти внутрь.

Перед «большим начальником» лежала карта, исчерканная синими значками и стрелками.

— Показывай давай, где был, что видел, откуда выходил, — буркнуло начальство, не соизволив меня известить, кто оно такое и на хрена ему все это надо.

Я, тыкая карандашом, рассказал, что где видел, откуда выходил, как вернулся. Босс потер переносицу и приказал тоном, не терпящим возражений:

— Сегодня снова выдвигаешься сюда и ведешь наблюдение за перемещениями боевиков при прохождении нашей колонны и входе ее в город, обнаруженные огневые точки наносишь на свою карту и наводишь артиллерию. Если связи не будет, пытаешься уничтожить своими силами. Вопросы есть?

— Меня, как сиволапого лейтенантишку-е…лана, интересует вопрос организации связи и взаимодействия с артиллеристами…

— Да ты прих…л, лейтенант! — завопил начальник. — Да я тебя…

— А ничего вы мне не сделаете, что может быть хуже, чем торчать здесь, — ответил я как можно спокойнее и очень ласково улыбнулся.

— Во-о-он! — заорало начальство, и уже направленцу: — Достань этому хамлу новые переговорные таблицы…

Удержавшись от прощального воздушного поцелуя в сторону орущего босса, я резво выскочил из кунга и, плюнув на все, поплелся к себе, решив за новыми таблицами отправить прикомандированного связиста.

Глава 3

Личный состав уже помылся и, не торопясь, завтракал разогретым сухпаем. Поковыряв тушенку и съев полбанки гречневой каши, я приказал всем чистить оружие и готовиться к выходу. Опять это навязчивое чувство тревоги. В первый раз все обошлось как нельзя лучше, но повезет ли во второй? Вдруг все-таки начальству стукнет в голову мысль посадить нас на броню к пехоте?

Наши соседи-мотострелки выгоняли свою технику, выстраивали «ленточку», слышались крики, мат, — в общем, обычная предбоевая суета. Интересно, а удастся ли нам сегодня к полуночи вернуться и как-нибудь без особого милитаристического угара встретить Новый год?.. Ладно, загадывать не будем. На МТ-ЛБ приехал наш направленец, привез моего связиста и начал инструктировать меня по порядку действий. Потом, плюнув на все, попросил у меня бутылку водки и, прыгнув на грязную броню, умчался…

КамАЗ натужно тащил прицепленную пожарную машину по разливам грязи. Садыков, бешено крутя рулем, чуть слышно матерился и ерзал. В конце концов он сам упросил меня не бросать разбитую машину с вполне целой цистерной: вода, как и водка, стала вполне неплохой «жидкой валютой». Машины мы оставили как можно ближе к ДОСам военного городка летчиков. Бойцы закинули по несколько банок сухпая в рюкзаки, перепроверили оружие, связист дал контрольный сеанс. Вроде все нормально.

Когда мы валялись между рельсами, на мосту творилось что-то невообразимое.

Первыми в колонне шли несколько танков. По первому танку, казалось, стреляли отовсюду.

В ограждение моста врезался ПТУРС, со стороны пятиэтажек по танку работали крупнокалиберные пулеметы, в воздухе свистели мины. Вокруг нас постоянно что-то грохало. Чтобы засечь хоть какую-то огневую точку, надо было выбраться на насыпь и осмотреться. Но для этого надо было встать и сделать несколько перебежек. А встать вообще не представлялось возможным, пространство под мостом простреливалось насквозь. Совсем неподалеку от нас, на самом гребне насыпи со стороны города, суетились и вели огонь по технике, проходящей через мост, чеченцы. Проскочило несколько танков, пошла остальная броня и грузовые машины. Я явственно видел, как с брони падают люди, сраженные выстрелами. С другой стороны моста, из

переулков, вплотную подходящих к железной дороге, выскочило несколько машин, из кузовов посыпались вооруженные люди.

Боевики установили миномет и начали кидать мины, отсекая хвост проходящей колонны.

Прямо по рельсам выкатился БРДМ и начал садить из КПВТ[5] по идущей в хвосте «ленточки» группе боевых машин десанта. Одну из БМД понесло юзом, она врезалась в бетонные блоки, в беспорядке валявшиеся на мосту. С брони посыпались десантники, сразу же попавшие под разрыв мины. Я наблюдал в бинокль, как один из упавших поднялся, шатаясь, побежал обратно и тут же был сбит другой БМД, которую начали стегать очереди крупнокалиберного пулемета. Мой связист пытался вызвать артиллерию, но все было бесполезно, никто не отзывался, на других частотах крики, доклады о прохождении каких-то участков. Лежать среди рельсов становилось все опаснее. Показал знаками головному дозору направление движения. Котельский и Ежов, почти что уткнувшись носом в грязный снег, поползли неуклюже, переваливаясь с боку на бок. Щебенкой отбил все локти и колени, пока добрались до насыпи, с меня сошло семь потов. Где-то наверху, над нами, грохотала стрельба и громко орали чеченцы, на мосту добивали остатки не сумевшей пробиться колонны. Связист все-таки дал связь, я попытался навести огонь артиллерии, однако бесполезно — снаряды прошуршали где-то высоко над головой и ушли куда-то в центр города. Все понятно: заранее запланированных целей в этом районе нет. Я уточнился и попросил ударить вправо от моста метров на триста. Где-то за насыпью, почти что над нами, начали бухать взрывы, нас начало осыпать крошками асфальта и щебенки; на этом связь благополучно прервалась. От горящей на мосту техники поволокло черным жирным солярным дымом и копотью, ветер подул в нашу сторону. Пользуясь неожиданной дымовой завесой, мы перебежками рванули подальше от моста. Пробежали примерно метров триста, и ветер резко изменился, по всей видимости, боевики, находившиеся слева от моста внизу, возле железной дороги, нас заметили и обстреляли из всего подряд, однако дальность и плохая видимость не дали им прикончить мое маленькое подразделение. Отлежавшись и переждав интенсивный огонь, мы двинулись дальше вдоль насыпи и откатились от места основного столкновения еще где-то километра на полтора. Склон насыпи стал более пологим, начали потихоньку, с оглядкой, выбираться наверх. Где-то невдалеке на месте прорыва основной колонны разгоралась с новой силой стрельба. Пара головного дозора, выбравшись к дороге, залегла в канаве, только выбравшись наружу, я юркнул к ним. Напротив

нас — дома, какие-то постройки промышленного вида. Из проулков выехало несколько легковых машин, забитых до отказа пассажирами, в открытых багажниках сидели бородачи с оружием. Колонна остановилась, из головных «жигулей» выбежал какой-то мужик в кожаной куртке и высокой каракулевой шапке. Пробежал вдоль машин, раздавая указания, машины тронулись и скрылись в направлении боя. Мужик остался на месте. Буквально через три минуты выскочило еще несколько легковушек, также забитых народом, опять указания, и машины убывают. Когда перед мужиком остановилось всего две легковушки, потрепанный зеленый «москвичок» и белая «нива», решение было принято и цели распределены. Котельский работает по «москвичу», Ежов обрабатывает «ниву», я прикрываю и отрабатываю по мужику-регулировщику и его помощнику, а дальше как получится. Надо все-таки начинать воевать. После указаний головная пара, осторожно установив пулеметы на сошки, напряглась, подполз мой заместитель, выслушав меня, кивнул головой и начал подтягивать остатки группы. Регулировщик на другой стороне дороги уже махнул рукой водителям, чтобы отъезжали.

— Огонь, — скомандовал я и, быстренько прицелившись, дал две коротких по регулировщику и его помощнику. Расстояние маленькое, поэтому промахнуться невозможно: две фигуры сложились пополам и осели на асфальт. Рядом короткими очередями долбила пара Котельский — Ежов.

— Хватит! — прикрикнул я. — На досмотр бегом, Паша, прикрывай…

Хоть и не положено командиру группы ходить на досмотр, я тоже рванул через дорогу, успев заметить краем глаза, что Ежов, подбежавший к «Ниве», засунул ствол пулемета в разбитое окошко и выпустил внутрь короткую очередь. Машины были напичканы мертвыми боевиками. Бойцы выстрелами добили раненых и начали вытаскивать из машин автоматы боевиков. Котел, чертыхаясь, стаскивал с кого-то шикарный камуфлированный бушлат.

Надо торопиться — нас наверняка обнаружили и заметили жители окрестных домов, хрен знает, на чьей они стороне, поэтому необходимо валить отсюда как можно быстрее.

Со стороны подгруппы прикрытия раздались предупреждающие крики. Мы втроем грохнулись на землю за подбитыми машинами. Наши разведчики начали лупить со всех стволов над нашими головами. Валяясь в луже крови, натекшей с машины, я начал наблюдать из-под днища за происходящим. Небольшая группка боевиков человека в четыре перебегала в сторону гаражей, пытаясь укрыться за деревьями. Мы поддержали

своих огнем пулеметов. Ежов, стреляя одиночными, на моих глазах подстрелил сразу двоих боевиков, пытавшихся скрыться и перебегавших простреливаемый участок. Хоть оба столкновения и завершились в нашу пользу, но отсюда надо уходить, и как можно быстрее. Просто так свалить обратно на Ханкалу, конечно, неплохо, но пока все-таки попытаемся выполнить хотя бы часть боевой задачи. Остальная группа перебежала к нам, и мы опять же «гусеницей» побежали к гаражам. Паша, бежавший сзади всех, на ходу успел заметить кого-то, высовывавшегося из подъезда, и, не останавливаясь, дал очередь с бедра назад, так и не увидев, попал он в кого или нет.

За гаражами залегли возле какой-то свалки, и я попытался сориентироваться, где мы находимся. И тут, о чудо, появилась связь на нашей частоте. Судя по позывным, выходил наш начальник. Из его несвязных криков я ничего не понял, попросил говорить спокойнее и внятно, ибо связь плохая, кто-то постоянно вклинивался. Мне сбивчиво поставили задачу: выдвинуться в сторону прорыва колонны и установить количество боевиков и их нахождение для подавления огнем артиллерии и авиации. Господи, что тут устанавливать, они там везде! Сперва перед прорывом надо было все ровнять с асфальтом, а потом идти за подвижным огневым валом. Ну, это сугубо мое личное мнение, начальству виднее, вот только двигаться туда, где грохотал бой, как-то не очень хотелось. Где находится сейчас колонна, никто мне так и не ответил. По своим прикидкам я понял, что сейчас основной бой идет где-то в районе кинотеатра «Россия», неподалеку от придорожного рынка. Те места мне более-менее знакомы: напротив кинотеатра есть дом с аптекой, там когда-то проживала наша знакомая, и мы частенько наведывались семьей к ней в гости. Ну что же, придется идти. С одной стороны, хорошо, что мы работаем сами по себе, в отрыве от основной массы войск, с другой стороны, нас мало и поддерживать нас никто не будет, и если сгинем здесь, среди этих домов, то вряд ли о нас вспомнят в ближайшее время в общей суматохе. Пришлось выползать за гаражи и намечать первый ориентир для дальнейшего движения. Наметили: я рассмотрел в бинокль небольшой одноэтажный полуразрушенный домишко, где можно в случае чего укрыться, рассказал головному дозору, куда бежать, дал бинокль осмотреться. Котел и Еж опять начали шептаться между собой, через пару минут были готовы. Все побежали. Черт, я столько в один день, наверное, даже в училище не бегал. Уже на подходе к первому ориентиру по нам откуда-то сверху, с крыши трехэтажного домика, полоснула пулеметная очередь. Добежать все-таки не успели. Но неизвестный пулеметчик взял

неправильную поправку на движущуюся цель, и пули зафонтанировали сзади бегущего замкомгруппы. Я так даже и не понял, откуда по нам вели огонь. Группа плюхнулась на животы. Пашу отсекли огнем, и он отстал от ядра. Попытался перебежать, однако несколько коротких очередей заставили его вновь плюхнуться на живот. У моего замкомгруппы получалась очень невыгодная позиция: он залег в небольшой грязевой промоине прямо напротив угла дома, и стоило ему только поднять голову, он сразу же попадал в поле зрения неизвестного пулеметчика. Основная часть группы находилась уже напротив торца дома, поэтому наш прикрывающий огонь приходился по кирпичному парапету на крыше, прекрасно защищавшему боевика. Разведчик по фамилии Кипрачев подполз ко мне и попросился подбежать к дому и зашвырнуть на крышу пару гранат. Ну что же, можно попробовать.

— Б…, только бросай с задержкой тогда, когда чека вылетит, так, чтобы они в воздухе рванули, понял?

Кипрачев кивнул головой и полез в подсумок за гранатами.

Группа снова открыла огонь короткими очередями по парапету. Разведчик, закинув автомат за спину, со всех ног бросился к дому, зажав в руках по гранате с выдернутыми кольцами. Мне даже показалось, что я увидел, как отлетают чеки с запалов.

На ходу, широко размахнувшись, швырнул первую, а потом вторую гранаты и, добежав, упал прямо под кирпичную стену, закрыв голову руками. Гранаты по пологой траектории перелетели в опасной близости от парапета и сразу же грохнули, скинув с крыши два тела в белых маскхалатах. Паша, привстав на колено, выпустил пару очередей по ним и благополучно присоединился к группе. Кипрачев, не осознавая всей героичности своего поступка, широкими прыжками несся обратно, выпучив глаза и широко раскрыв рот. Отлежавшись в одноэтажном домике, приготовились к движению, выдохнули и, перекрестившись, побежали дальше. Следующая остановка — в огромной воронке, воняющей тротилом и еще дымящейся. Рядышком блочные пятиэтажки, за ними слышна непрерывная стрельба и бухают взрывы. Наши войска воюют где-то рядом. Получается, что мы зашли в тыл к боевикам. Будь нас хотя бы батальон без боевой техники с носимыми минометами и тяжелыми пулеметами типа «Утес», да побольше простых пулеметов, да огнеметов «Шмель», можно было бы со всей дури влепить с тылу и занять господствующие домишки, обеспечив беспрепятственный проход нашей колонны.

Стали наблюдать и прикидывать, куда дальше перемещаться.

Где-то слева от нас среди домов началась интенсивная стрельба, и я расслышал рявканье автоматической пушки. Пришлось выглянуть из воронки. Между домов металась одинокая БМП-2, поливаемая из окон домов огнем стрелкового вооружения. На броне валялись трупы, парочка уцелевших бойцов, рискуя быть раздавленными и сброшенными на землю бестолково вращающейся башней, ошалело палили по окнам. Боевая машина наехала гусеницами на бетонные блоки возле дома и заглохла, бойцы спрыгнули на землю и упали возле гусениц, паля из автоматов по окнам дома напротив. Из-за торца дома выбежали человек пятнадцать чеченцев и попали под огонь башенного пулемета ПКТ. Боевики бешено заорали и отбежали за угол дома. Трое из них взвели в боевое положение одноразовые гранатометы, болтавшиеся за плечами, и, прикрываемые огнем своих, одновременно выпустили гранаты по боевой машине. БМП подпрыгнула, слетела с бетонного блока, чуть не придавив собой очумевших бойцов; трупы, валявшиеся на броне, полетели на землю. БМП не взорвалась, так как гранаты не успели взвестись, слишком с маленького расстояния выпустили их боевики. Бойцы на какое-то время замолкли, и чеченцы, выскочив из-за дома, начали поливать боевую машину из автоматов. Несколько человек бросилось оббегать дом. Однако не успели даже зайти за угол, как в дело включилась моя группа, хотя я только осмысливал происходящее — бойцы самостоятельно открыли огонь.

Если стреляют оттуда, откуда не ждешь, то шансов выжить никаких. Группу боевиков положили несколькими очередями.

— Не высовываемся! — заорал я. — Смотрим, откуда палят. Паша, готовь «Шмеля»…

Замкомгруппы начал снимать со спины одноразовый огнемет, остальные начали наблюдать. Со стороны дома, куда палили бойцы с приехавшей БМП, в нашу сторону из окон на третьем этаже простучало несколько автоматных очередей. Бойцы, валявшиеся под гусеницами, зашевелились и начали палить длинными очередями в ответ. Я уже приготовился дать команду на прикрывающий огонь, Паша, сделав круглые глаза и взвалив «Шмель» на плечо, готовился выскочить из воронки.

Башня БМП начала медленно поворачиваться: видно, контуженый наводчик пришел в себя и поворачивал ее вручную — немудрено, что электроприводы от ударов гранат отказали. Пушка выпустила несколько снарядов и замолкла, однако пулемет продолжал работать по верхним этажам, медленно-медленно двигаясь слева направо.

Одновременно из двух подъездов выскочили боевики и,

абсолютно не прячась, сгрудившись, заорали:

— Алла-а-а!..

Истошно вопя, они начали вести огонь от бедра в сторону все еще стреляющей и огрызающейся БМП. Бойцы, валяющиеся под гусеницами, уткнулись носами в снег и не поднимали головы.

Вот тут и сыграл свое соло мой замкомгруппы и взведенный огнемет. Паша в секунды выскочил из воронки, из положения стоя выстрелил и, сразу же упав, откатился в воронку. Группу боевиков разметало в стороны, остальных мы добили короткими очередями.

Засветились мы уже дай бог, поэтому надо было валить отсюда как можно быстрее. Короткая перебежка, и тут же пришлось залечь: очумевшие бойцы попытались открыть по нам огонь.

— Не стреляйте, идиоты, мы свои! — заорали мои бойцы в несколько глоток.

Бесполезно — обезумевшие пехотинцы ничего не слышали и палили по нам точно так же, как и по боевикам: бесприцельно и бестолково.

— Суки-и-и, мы свои, мы федералы с Ханкалы! — орал им Котельский, залегший рядом со мной.

Ежов поступил намного осмотрительней и заорал совсем другое:

— Б…, ну и оставайтесь здесь с духами сами, а мы уходим!..

Стрельба прекратилась, и один из бойцов привстал на колено, всматриваясь в нас. Мои разведчики перебежками бросились к БМП, опасаясь, как бы контуженый наводчик, не успел повернуть башню и не расстрелял из ПКТ перебегающую группу.

Бойцы были целы, только сильно контужены, один был ранен в руку; оба — в касках, в грязных сбившихся набок бронежилетах — испуганно глазели на нас. Молодые, такие же, как и мои разведчики. Паша начал вытаскивать из внутренностей боевой машины наводчика и механика. Бойцы, не верившие, что мы федералы, с испугом поглядывали на нас и недоверчиво щурились. Только наводчик, чернявый молодой парень, по всей видимости, дагестанец, не выглядел сильно испуганным. Скорее уж растерянный и озлобленный, но никак не испуганный. Он даже попытался снять башенный пулемет, но Паша поторопил его и он, зло цыкнув, выпрыгнул наружу. Мои разведчики пособирали оружие, магазины, валявшиеся на броне одноразовые гранатометы. Дагестанец-наводчик сграбастал с брони пулемет ПК, стащил с мертвого бойца-пулеметчика ленты, которыми тот был опоясан, словно революционный матрос. Итак, нас на четыре

человека больше, надо уходить, и причем немедленно. Головная пара выскочила за угол дома. Ежов выпросил у меня бинокль. Вернулись буквально через пару секунд.

— Командир, там сейчас толпа духов от пятиэтажки в сторону боя побежала, давай как вчера? Внаглую за ними?

Была не была. В этом районе, кроме боевиков, только разрозненные остатки федеральных войск, отбившихся от основной колонны, шансов добраться до наших мало, но что-то надо решать. Я кивнул головой. Господи, да сколько же можно бегать в этот праздничный день!

Бой уже где-то рядом, мы засели в какой-то полуразрушенной квартире в пятиэтажке. Потерь у меня нет. Из подобранных мотострелков погиб раненый в руку боец. Как погиб, никто и не понял. Как раз когда забежали в подъезд, он плюхнулся возле входа и начал корчиться червяком возле двери. Мои бойцы, схватив его за шиворот, затащили выше, на пролет первого этажа, но боец был уже мертв. Как и кто его застрелил, было непонятно.

Ввалились в какую-то выбитую дверь на первом этаже. Трехкомнатная квартира с кучами мусора на полу, разломанной мебелью. Окна со стальными решетками, наполовину заложенные мешками с замлей. В ванной лежат два трупа, видно, лежат давно — запах еще тот. Мужчина и, по всей видимости, женщина, лежат, да и ладно — нас не трогают. Погибшего бойца-пехотинца положили в угол, закрыли старым ковром, закидали кирпичами и прочим хламом. В потолке зала была пробита внушительная дыра на второй этаж и в углу валялась деревянная стремянка. Ежов, приставив лестницу, осторожно забрался наверх, выставив в дыру ствол пулемета, а потом и просунул голову. Пусто, точно такая же комната. Ежов осторожно пробрался наверх. Вернулся через пару минут, доложил, что пусто, и начал о чем-то шушукаться со своим напарником Котельским. Не иначе снова что-то задумали. Действительно: попросились пройтись по подъезду, досмотреть квартиры.

Я разрешил: мало ли что. Если есть боевики, то мы об этом узнаем рано или поздно, а в ловушке оказаться не хотелось. Бойцы сменили неудобные в здании длинноствольные РПК на автоматы, распихали магазины по карманам и за пазухи, проинструктировались у меня еще раз по поводу бдительности. Если хоть краем уха слышат что-либо подозрительное, сразу же уходят, не ввязываясь ни в какие перестрелки, ибо теперь какими-либо неосторожными своими действиями они могут выдать расположение группы, что крайне нежелательно для нас. Бойцы покурили в рукава, потихоньку полезли по лестнице на второй этаж и скрылись из глаз. Все остальные в напряжении начали

вслушиваться, назначенные наблюдатели вылупились в окна. Связист начал стаскивать радиостанцию с плеч. Покрутил ее, повертел и зло сплюнул. Антенна-«куликовка» отсутствовала. Когда он ее потерял, никто не видел. Боец покачав головой и тяжело вздохнул. Никаких запасных антенн у него не было. Получив от меня нагоняй, он стал шариться по квартире, нашел кусок какого-то провода и начал его прилаживать в антенный разъем. Однако все бесполезно: на нашей частоте нам никто не отозвался. На других частотах творился хаос. По докладу какого-то командира я все-таки определил, где находится колонна и откуда по ним ведут огонь боевики. Прикинул по карте и поднапряг память. Совсем недалеко от нас — если пойти, то в пару переходов справимся. Но имеет ли смысл туда идти? Выйдя в тыл боевикам, много хороших дел мы не сотворим. Уничтожим какую-нибудь огневую точку при удачном стечении обстоятельств и, скорее всего, сами будем уничтожены боевиками. Сколько их вокруг нас, где основные скопления, я не знаю. Предположим, мне удастся все-таки добраться до своих войск. Там нас ждет отнюдь не радушный прием. Скорее всего, по нам так же откроют беспорядочный огонь, до тех пор пока не уничтожат или мы не скроемся из глаз. Перспектива не блестящая. Бойцы, получив разрешение, тихонько перекуривали и молчали, никто не делился впечатлениями.

Да и мне как-то было не до разговоров. Напряжение и страх прошли, мною овладевало какое-то непонятное безразличие ко всему, что происходит. Такое впечатление, что я тут со своими бойцами целую вечность. Котел и Еж вернулись с разведки по подъездной лестнице. Наверху, в других квартирах, людей они не обнаружили, там разгрома было намного меньше. Такое впечатление, что люди совсем недавно ушли из дома и надеялись вернуться. В подъезде на пятом этаже был выход на крышу, оборудованную несколькими огневыми точками из тех же мешков с землей и щебенкой. Крыша была вся в следах, однако никого обнаружено не было. В паре квартир было оборудовано несколько наблюдательных пунктов, лежали аккуратно сложенные цинки с патронами и ящики с гранатами. Видно, дом был заранее подготовлен к обороне и при отходе боевиков в глубь квартала предназначался для использования как укрепленный пункт.

Немного поразмыслив, я принял решение переместиться на второй этаж — для пущей безопасности. Через некоторое время мы уже обживались в новой квартире. Паша спустился вниз и гранатами заминировал вход в подъезд. Площадку лестничного пролета на второй этаж забаррикадировали все теми же мешками. Пройдясь по квартирам, я назначил посты для наблюдения,

обговорил порядок связи. На крыше засела неразлучная пара из головного дозора Котельский — Ежов, с ними пошел наводчик-дагестанец с пулеметом. Причем он не просился и я его туда не назначал — сам молча взял пулемет и потащился наверх. Еж и Котел против дополнительного пулемета не возражали.

Паша вернулся с минирования подъезда и доложил, что в однокомнатной квартире на первом этаже слева от входа он обнаружил дыру, ведущую в подвал. Скорее всего, путь отхода, заранее подготовленный оборудовавшими дом боевиками. Замкомгруппы уже успел занырнуть в подвал. Пусто, темно и грязно, однако подвал общий на два подъезда, и по нему можно перебежать в случае чего в другой. Теперь предусмотрительный Паша интересовался, как бы половчее пробить дыру в бетонном полу такой же однокомнатной квартиры на втором этаже. Мысль его была понятна. Если нас блокируют, то мы, перебежав в другую квартиру, через дыру в полу прыгаем на первый этаж, оттуда попадаем в подвал и дальше перебираемся в другой подъезд. Сейчас что-либо долбить опасно — мало ли кто находится в соседнем подъезде. Могут и услышать. Сходили в квартиру на втором этаже, осмотрели. Не мы одни такие умные, кто-то уже пытался продолбить дыру на первый этаж. Осталось несколько хороших ударов ломом, и путь на первый этаж открыт. Я решил в случае чего использовать эту возможность, но пока повременить и не нарушать скрытности.

Война войной, но почему-то захотелось есть. Во временной штаб-квартире незадействованные бойцы лениво наблюдали в окна, однако, услышав мое предложение по поводу приема пищи, заметно оживились. Помимо нескольких банок тушенки, которые валялись в рюкзаках, в кладовках нашлось много чего вкусного. Домашние соленья, коробки с китайской лапшой, подсолнечное масло, мука, консервы различные: тушенки, сгущенки, рыба. Удивительно, но многие из консервов были из тех, что предназначены для нас, военных. Откуда они здесь появились, черт его знает. Видно, чеченцы задолго до нас чувствовали, что будет война, и запасались всем подряд — от боеприпасов до говяжьей тушенки. Кипрачев с вытаращенными глазами пришел с кухни и объявил, что в доме есть газ. Он от нечего делать покрутил ручки газовой печки, услышав шипение, с удивлением чиркнул зажигалкой и увидел синие язычки пламени, вырывавшиеся из конфорки. Пока я обходил посты и сидел на крыше с головным дозором, наблюдая в бинокль за мелькавшими в отдалении фигурками боевиков, и вслушивался в звуки боя, Паша развернул бурную деятельность. В огромной кастрюле заварили китайской лапши, щедро заправив ее тушенкой,

раскрыли несколько банок с помидорами-огурцами, в другой кастрюле заварили чай. Нашлись и тарелки, и ложки. Похлебав обжигающего варева и попив чая с вареньем, я почувствовал себя на удивление хорошо. Странное дело: совсем неподалеку идет бой, гибнут наши войска, а я тут сижу, жру лапшу и радуюсь тому, что еще живой. Разведчиков, стоявших на постах, сменили на время принятия пищи, бойцы, унюхав аппетитные запахи, оживленно потирали руки и усаживались за настоящий стол. Так как воды было в изобилии, в больших молочных бидонах некоторые даже помыли руки и сполоснули лица. А я, покуривая, начал думать невеселые командирские думы. Надо все-таки узнать, что творится с нашей прорвавшейся колонной, попытаться хоть как-то разведать обстановку. Ничего поделать тут нельзя, надо идти. Впрочем, времени с того момента, как мы покинули Ханкалу, прошло всего несколько часов, а у меня такое впечатление, что мы уже сутки здесь носимся. Надо выждать время, пока стемнеет, и выдвигаться. Хотя место у нас на данный момент совсем неплохое и его можно использовать как опорный пункт, недаром предусмотрительные боевики так его подготовили. Или поступить по-другому — начать вести разведку «на себя». Осмотреться получше, оставить на наиболее выгодных огневых точках прикрытие и начать плясать от дома, как от печки. Высмотреть парочку подходящих объектов для разведки, выдвинуться туда под прикрытием огневых точек. Потом так же обследовать пару маршрутов, если наткнемся на боевиков, будем отходить к дому. Ладно, полезем снова на крышу, осмотримся.

На крыше продувало, но за мешками было вполне неплохо. В один из моментов сквозь дымный чад я заметил огненную вспышку и услышал выстрел. Стреляли явно из танка по нашим войскам. Пришлось переместиться на другой угол крыши и понаблюдать внимательнее. Танк укрыт был очень толково, я даже сперва не понял, что это такое, и только путем логических заключений и при внимательном осмотре догадался, откуда он стреляет. Сектор обстрела был не очень широкий, однако позволял вести огонь прямой наводкой по железнодорожному мосту и немного задевал военный городок летчиков на обратной стороне железной дороги. Боевики выкопали возле старой трансформаторной будки яму с углом наклона, позволяющим туда въехать. Танк загнали туда и обрушили переднюю кирпичную стену. Теперь с воздуха позицию танка было невозможно рассмотреть. Со стороны моста танк, ведущий огонь, можно было засечь только по вспышкам выстрелов. Танк-то я обнаружил, только мне от этого ни тепло ни холодно: как теперь его уничтожить? Наведением огня артиллерии было бы неплохо,

да где та артиллерия, долбят куда-то — не пойми куда. Только я про это подумал, сразу же над крышей нашей пятиэтажки прошуршали снаряды и где-то неподалеку рванули. На крышу выполз связист, раскинул проволочную антенну и начал пытаться наладить связь. Чуда не получилось, связи опять не было ни с кем: крики, вопли и неразбериха в эфире. Так как на крыше, по моему мнению, связь была получше, я оставил радиостанцию при себе и отправил связиста за снайпером. Подполз снайпер, расчехлил прицел на своей недавно пристрелянной новенькой СВДшке и начал наблюдать в том направлении, куда я ему указал. Я пристроился рядышком, наблюдая в бинокль. К танку с тыла подбежали два боевика, таща в руках какой-то, по всей видимости, тяжеленный ящик.

— Григорович, мочи их! — зашипел я снайперу. Григорович, по его словам, был охотником и вроде бы дома, где-то на Дальнем Востоке, имел собственное ружьишко, поэтому ему единственному и выпала честь быть снайпером.

— Командир, подождем, сейчас наводчик или заряжающий вылезет снаряды принимать, я его первого попробую, мне видно отсюда чутка башню, по-любому вылезет.

Мне стало стыдно за себя. Ведь не сообразил такую простую вещь. Я одобрил действия солдата, продолжая наблюдать в бинокль. Действительно, из люка вылез мужик в камуфляже и танковом шлеме. Рядом засопел Григорович. Бах! Чеченский танкист, взмахнув руками, грохнулся головой прямо об люк и, перевернувшись, скатился на броню.

Бах!.. Бах!.. Боевики, тащившие ящик, повалились на землю. Ни один из них даже не заскреб ногами. Григорович не подвел.

— А неплохая винтовка, — радостно подытожил он. — Блин, чего меня в части снайпером не сделали? Товарищ лейтенант, там еще подбежали духи, отстреливать их?

— Не, подожди, а то могут надыбать, откуда стреляют.

К танку подбежала небольшая группка боевиков, заняли позиции для стрельбы с колена, начали осматриваться. Трупы оттащили в сторону. Танк пыхнул выхлопом и выехал из укрытия, весь в обломках кирпича и бетона, начал сдавать назад. Боевики сгруппировались за бортом и пошли под прикрытием сдающего задом танка. Труп то ли командира, то ли наводчика, то ли заряжающего продолжал валяться на башне. Как сейчас не хватает установки ПТУР! Расстояние небольшое, можно было бы подбить этот танк к чертям собачьим. Танк и боевики скрылись за домами, и тут же в наушниках, напяленных на голову, я услышал, как кто-то с позывным «Пучок-20» просит целеуказание для ведения огня. Я нажал тангенту:

— «Пучок», я «Ходок», как слышишь меня, прием!

— Кто ты такой, кто ты такой, как слышишь, прием!

— Я свой, я свой, нахожусь недалеко, от крока третьего по таблице посмотри!

— Какой на хрен крок, ты где, ты можешь себя обозначить на местности?

— Нет, не могу, кругом черные…

— Дай любую привязку, дай мне цели, дай цели…

— Ты знаешь, где ленточка?

— Да, приблизительно…

Я начал судорожно осматривать местность в направлении все не прекращающегося боя. Вот оно! Где-то приблизительно в районе придорожного рынка в небо взлетела серия красных и зеленых ракет.

— «Пучок», «Пучок», ракеты видишь за мостом?

— Да, вижу, давай цели!

Я судорожно прикидывал по карте: не дай бог ошибиться — неведомый мне «Пучок» грохнет по своим. Так, ага, танк отходил здесь, мы вот здесь, да, вот, по-моему, наш дом, квадрат… ага, танк между домов сможет пройти здесь. Я лихорадочно размышлял, и тут меня прервал Григорович.

— Командир, танк вон там, где-то за теми домами, оттуда бахнуло сейчас.

Ага, ясно, вот он, этот квадрат, вот какие-то постройки… Ну почему у меня пятиэтажка, а не девятиэтажка, было бы хотя бы видно что-то.

— «Пучок», даю цель, слушай, — я медленно продиктовал цифры, потом еще раз повторил.

— Даю залп, наблюдай!

За домами, которые мне показал снайпер, снова выстрелил танк, и тут же оглушительно грохнуло, взметнулся столб огня и что-то масляно задымило. Надо же, с первого выстрела!

— «Пучок», есть накрытие с первого залпа!

— Давай цели, еще давай!

— Будь на связи, как понял, прием! Сейчас еще дам!

— Давай, «Ходок», давай быстрее.

Окрыленный удачной наводкой, я решился вести разведку «на себя». Надо выйти на старую танковую позицию в кирпичной трансформаторной будке и попытаться оттуда выявить еще несколько огневых точек. Снайпер и пара пулеметчиков будут прикрывать с крыши. Замкомгруппы я оставлю в доме с парой бойцов для ведения наблюдения и огневого прикрытия, а сам со связистом и оставшимися попробую пробраться к намеченному ориентиру и попытаюсь выявить цели и скорректировать огонь.

Все, я решился и, поставив задачу постам на крыше и указав место, куда мы пойдем, спустился со связистом к остальным. Паша покивал головой и вышел прикрывать наш выход из дома, а заодно показать, где он установил гранаты, чтобы мы по неосторожности сами не подорвались. Все выбежали из подъезда и, пробежав вдоль пустых окон, упали на углу, осмотрелись. Бежать по пересеченной местности метров триста — триста пятьдесят. Черт, опять бежать! Вроде бы и не далеко, но, с другой стороны, и не близко.

Все побежали. Впереди меня бежит радист, за спиной у него болтается проволока, торчащая из антенного разъема радиостанции; только бы он ее не потерял. Бежали без всякого боевого порядка, просто на скорость, чтобы быстрее оказаться в поле зрения своих прикрывающих огневых точек. Вот она, трансформаторная будка с обрушенной стеной, вот она, яма. Я нырнул в яму за связистом, как в бассейн, потому что шестым чувством прочувствовал что-то нехорошее. Над головами засвистели пули, и вокруг ямы начали хлопаться гранаты подствольных гранатометов. Ну вот это абсолютно несправедливо: в группе у меня ни одного подствольника, очень удобного для стрельбы по окнам, а тут пожалуйста — по нам влупило минимум штуки три-четыре подствольных гранатомета. Я от нечего делать уже начал придумывать, как бы соорудить что-нибудь наподобие самодельной наствольной гранаты-«трамблона», которые использовал в девяносто втором году в Бендерах, а боевики используют нормальные ГП-25 без зазрения совести.

Спасаясь от осколков, мы заползли дальше в яму, под защиту еще не обрушившейся кирпичной крыши, и я все-таки осмелился вскарабкаться по груде битых кирпичей и высунуть физиономию, дабы попытаться понаблюдать за панорамой боя, если таковой узрю, и выявить огневые точки боевиков.

Узрел. Картина безрадостная: на мосту дымится подбитая техника, на съезде с моста несколько подбитых единиц, вокруг которых валяются трупы наших солдат. Где-то в районе улиц Гудермесской и Ханкальской идут бои, небо заволакивает то ли тучами, то ли смогом. А вот и прекрасная цель! Два ГАЗ-66, в кузовах полно народу, выехали из проулков, боевики в белых маскхалатах сыпанули из кузова и ринулись куда-то между домов, на месте осталось небольшая группка, которая стала вытаскивать плиты минометов. Неизвестный мне «Пучок» все еще был на связи, правда, слышимость резко упала, однако и он, и я друг друга различали. Я дождался, пока в воздухе засветятся еще несколько ракет, и дал цель от них.

— Держите, — ответили мне неизвестные «боги войны».

Разрыв ушел влево от моста, ближе к нам. Второй — правее. И вот все-таки «вилка» получилась. Боевики-минометчики, начавшие споро сворачиваться при первых разрывах, скрыться не успели. Машины перевернуло, минометные расчеты раскидало в стороны. Так, одна цель есть, может, пора заняться и своими делами. Кто там нас пытался атаковать и с какими силами, я так и не понял. Когда мы нырнули в яму, то боевики поняли, что просто так оттуда нас не выкурить. Обстреляли из подствольных гранатометов, попридавливали огнем, — да, в принципе, мы и не отвечали, — а после ринулись в атаку. В этот момент сработала моя прикрывающая подгруппа с крыши. Осторожно выглянув наружу, я успел приметить где-то штук пять-шесть тел в белых маскировочных халатах, валяющихся метрах в шестидесяти от нашего укрытия. Стреляли по нам откуда-то со стороны блочных пятиэтажек, скорее всего, даже вон с той серой, с детской площадкой. Да, ну раз так, то ничего страшного. Мне стало как-то даже весело. Неизвестный артиллерист-федерал был на связи и требовал еще целей. Без проблем. Будут тебе, «Пучок», цели!

На этот раз привязываться к каким-либо световым ориентирам я не стал, а обозначил квадрат, по которому следовало вести огонь, внутренне содрогаясь: по моим расчетам, разрывы должны были быть совсем недалеко от нас. Грохнуло, даже до нашего укрытия долетели мерзлые комки земли, еще грохнуло, еще. Я немного скорректировал и попросил дымовой для прикрытия. Дымовой плюхнулся и добавил черноты и гари в сереющее небо.

Через несколько минут мы с выпученными глазами валялись возле своего подъезда, тяжко дыша. Паша уже встречал нас и махал рукой. Похлебав вместо воды горячего чаю и перекурив, я поспешил со связистом на крышу.

Как только выполз, так сразу услышал длинную глухую очередь из пулемета. Все, как обычно, не слава богу: ну что еще, скоро Новый год, а кому-то все не празднуется. Откинув крышку чердачного люка и просунув внутрь ствол ПК, палил дагестанец-наводчик. Котел лежал неподалеку, зажимая окровавленное плечо. Еж деловито разгибал усики на гранате.

— Отойди! — крикнул он дагестанцу. Боец, задрав ствол пулемета, откатился в сторону. Еж закинул гранату и плюхнулся рядышком, захлопнув люк. Крышку подбросило взрывом и оторвало, она чуть не прихлопнула меня, ползущего, по башке. Бойцы снова остервенело принялись палить в люк. Я подполз к бледному разведчику Котельскому.

— Куда тебя ранило?

— В плечо, командир, духи из люка выползли, сперва не поняли, мы друг на друга вылупились, они первые опомнились, начали палить, ну, меня и зацепило.

Связист, не снимая радиостанции с плеч, вытащил из-за пазухи ИПП, разорвал его зубами и начал перевязывать Котла, я вколол ему в ногу промедол и подполз к чердачному люку.

— Командир, трое было. Накрыли или нет — хрен знает, они, по-моему, здесь черт знает сколько сидели рядышком с нами, когда артиллерия начала поблизости долбить, они и выползли…

Что-то это мне начинало напоминать. Первый этаж — немцы, второй — наши, и наоборот: ей-богу, Сталинград какой-то. Зачищать соседний подъезд смысла особого я не вижу, нечего людьми разбрасываться. Если боевиков порешили, то хорошо, не порешили — плохо: мы вскроем свое местоположение, и скоро нас атакует большая хорошо вооруженная группа боевиков, которая сожрет и меня, и мое немногочисленное воинство с потрохами.

Однако, с другой стороны, боевикам сейчас не до нас: их основные силы направлены в данный момент на разгром и уничтожение основной массы войск, брошенной в Грозный. Маленькое подразделение, засевшее в доме, пока особой угрозы и ценности военными трофеями для них не представляло; скорее всего, это и отвлекало от нас большие неприятности. Да к тому же ежели боевики все таки остались в доме, то пусть попробуют выйти. Крышу все равно контролируем мы. Чердачный люк приладили на место и закидали тяжелыми мешками. Мстительный Еж повыдергивав кольца с пары гранат и положил их под мешки. Пусть теперь кто попробует их стронуть, а вышибать крышку люка в замкнутом помещении себе дороже, можно запросто остаться на всю жизнь контуженным или погибнуть. Котла оттащили вниз. Наверху остались все те же лица плюс связист. Замены вместо раненого и впавшего в беспамятство Котла не попросили, сказали, что справятся вчетвером. Уже привычными словами проинструктировав бойцов, я покосился на мешки, наваленные на люк, и пополз обратно во временную штаб квартиру. Что-то то и дело то ползаю, то бегаю. Когда же я буду ходить вальяжно и размеренно, покачивая толстым задом, как тот начальник, который обозвал меня сиволапым лейтенантишкой? Хотя, может, и зря я на него обижаюсь, он наверняка тоже сейчас где-нибудь в колонне умело руководит боем.

Все-таки, немного подумав, я решился идти в сторону громыхавшего боя. Плохо одно: у нас нет средств связи внутри группы. Я намеревался оставить одну подгруппу обеспечения в уже полюбившемся нам подъезде и выдвинуться половиной

группы в направлении кинотеатра и рынка. С другой стороны, оставлять кого-то здесь неохота, я потом буду мучиться в тяжелых раздумьях, что да как; а вдруг нам удастся присоединиться к своей колонне, тогда получится, что потеряна половина личного состава. Нет, все-таки придется идти в полном составе и тащить с собой раненого Котельского. Так, по крайней мере, будет спокойнее. Если присоединимся к своим войскам, то раненого можно будет загрузить на технику.

Паша тем временем намародерничал где-то по квартирам белых простыней и мастерил из них что-то наподобие плащ-накидок. Делал он это просто: прорезал посередине дыру для головы — получалось что-то вроде пончо, прикрывавшее фигуру до пояса. Начали готовиться к дальнейшему выдвижению. Забили полностью магазины, протерли оружие, бойцы закидали рюкзаки вкусностями, наполнили полуторалитровые пластиковые бутылки водой. Раненого Котла положили на самодельные носилки. Котельский глухо стонал и был без памяти, кровотечение остановилось, но бойца колотило, словно в ознобе.

Вышли из дома. В головную пару вместо раненого пришлось включить Кипрачева. Головняк осмотрелся и перебежками рванул по намеченному ранее маршруту.

Как-то внезапно стемнело. Двигаясь зигзагами от дома к дому, мы все-таки попали в полосу огня наших подразделений. При одной из перебежек совсем рядом со мной рванул разрыв, меня швырнуло на землю и осыпало комьями мерзлой грязи и кусочками асфальта. Приподнявшись, заметил, что группа залегла и осматривается. Несколько разрывов рванули поблизости среди домов. В блочную пятиэтажку, возле которой мы залегли, прилетело несколько снарядов непонятно от чего. Обрушились пара балконов и часть стены, обнажив внутренности нескольких квартир. Мы оказались в облаке пыли и в обломках бетона и прочего строительного мусора. Сзади нас послышались крики на чеченском. Вот и соединились со своими подразделениями, сейчас нас расстреляют со спины без особых проблем и пойдут дальше по своим сепаратистским делам. Однако благодаря спустившейся темноте, обломкам строительного мусора и облаку цементной пыли мы остались незамеченными. Большая группа боевиков колонной по два быстрым шагом выдвигалась в сторону гремевшего и непрекращающегося боя.

По моему сигналу группа поднялась из кучи мусора и быстрым шагом поспешила за колонной противника. Немного кружилась голова и закладывало уши — видно, меня немного контузило, — но состояние, в принципе, было нормальное.

Дальше идти не было смысла: мы рисковали нарваться на огонь своих же подразделений. Между домами сновали в различных направлениях небольшие группки боевиков. Уши закладывало от грохота стрельбы и каких-то нереально визгливых криков.

То и дело нас швыряло на землю от взрывов. В темном небе переплетались трассирующие очереди и вспыхивали ракеты. Надо куда-то прятаться и пережидать все это безумие. В конце концов, быть может, наши подразделения начнут атаковать и выбьют отсюда противника. Нам останется только переждать и по возможности не попасть под раздачу от своих же. Мы были замечены уже несколько раз, но на нас внимания не обращали, видимо, принимали за своих. Что-то орали, махали, показывали руками куда-то. К головной паре почти что вплотную подбежал какой-то мужик и начал орать, размахивая руками. Когда он сообразил, кто перед ним, было поздно. Ежов в упор расстрелял его из пулемета. Надо было как можно быстрее искать укрытие и сваливать отсюда. На наше счастье, при переползании вокруг дома Кипрачев свалился в какой-то окопчик. Вся группа по моей команде нырнула за ним. Нормально оборудованный окоп на полнокровный взвод, с бетонными плитами перекрытия и оборудованными стрелковыми ячейками. Траншея выходила из подвала блочной пятиэтажки и другим концом упиралась во вход в другой подвал. Копали, скорее всего, экскаватором, настоль все было основательно и умело оборудовано. Раненого Котельского положили под бетонную плиту перекрытия, остальные распределились по стрелковым ячейкам и начали наблюдение за обстановкой.

Как жаль, что нет у меня ночного бинокля, можно было бы увидеть много чего интересного. В прогал между домами было видно небольшой отрезок дороги, загроможденный остовами горящей техники, освещаемый светом ракет и трассирующих очередей. В бинокль иногда можно было заметить мелькающие фигурки, стрелявшие на ходу и валившиеся на землю после перебежек. Прямо перед фронтом нашего окопа начали собираться какие-то вооруженные люди. Несколько человек тащили станки с автоматическими гранатометами, у многих за спинами висели одноразовые «мухи». Наверняка очередная группировка под командованием какого-нибудь полевого командира готовится к атаке. Положение у нас было очень даже выгодное. Я пополз по ячейкам распределять цели. Паша взвел оставшийся «шмель» и навел его в середину толпы. Продолжали наблюдать в готовности открыть огонь. Странное дело: я заметил, что ни мне, ни моим разведчикам страшно не было. Да, была

какая-то настороженность, но растерянности, как в самом начале, не было; позже до меня уже дойдет, почему обстояло так. Мы не были в составе общих сил, мы действовали самостоятельно и не видели всего того, что происходило с колоннами десантников и мотострелков. Если бы мои разведчики были в общей неорганизованной толпе, какой тогда оказались наши войска, без связи, четкого руководства и ясных задач, все, может, было бы и по-другому. Здесь, в маленьком коллективе, все были на виду, на расстоянии локтя, паниковать особо некогда — все время бежим, залегаем да отстреливаемся, и всего-навсего один раненый да несколько человек несильно контуженных.

Тем временем группа боевиков перед нами собралась в кучу, перед ними выскочил какой-то здоровенный бородатый жлоб и начал что-то орать, перекрикивая шум выстрелов и разрывов. До нас явственно донеслись вопли:

— Аллах акбар!..

Паша недовольно поморщился и проорал мне:

— Ну что, пора?

— Давай, мочи.

«Шмель» глухо бухнул, в сторону полетел еще дымящийся тубус. Огненный шар грохнул прямо посередине орущей толпы. В воздух полетели тела и их составляющие. Добивать никого не пришлось, одним удачным выстрелом накрыло всех. Нам повезло: в момент выстрела моего замкомгруппы танковый снаряд, прилетевший со стороны наших войск, пробил насквозь пятый этаж дома, стоявшего наискосок от нас, и грохнул где-то посередине дома, в который левым краем упиралась наша траншея. Мне показалось даже, что дом подпрыгнул и как-то глухо заскрипел. Неплохо свалился Кипрачев: здесь хоть и нет газовой печки, воды и пищевых запасов, но в инженерном отношении окоп намного лучше квартиры в доме. Вокруг нас кипел бой, а мы находились в более-менее нормальном положении. Если нас все-таки обнаружат, то мы вполне сможем обороняться какой-то период времени, однако положение наше может усугубиться, если нас начнут выдавливать и атаковать с обеих сторон. Отсутствие нормальной обозначенной линии соприкосновения войск, отсутствие соседей справа и слева, отсутствие взаимодействия, поддерживающего огня артиллерии — это, конечно, плохо. Но, с другой стороны, мы ведь не доблестные мотострелки, которым необходимо ценой своей жизни удерживать линию обороны, а потом и переходить в контратаки, мы ведь просто можем сбежать на хрен отсюда, благо предусмотрительные боевики соединили окопы со входами в подвалы.

Паша, спросив у меня разрешения и прихватив Ежова и Кипрачева, побежал на досмотр уничтоженной группы боевиков. Я приказал во все глаза наблюдать и в случае чего прикрывать досмотровую подгруппу огнем. Фигуры в белых пончо-балахонах напоминали привидения, скользящие в неровном свете вспыхивающих выстрелов. Все добежали, в несколько очередей добили раненых, нагнулись, стали что-то подбирать. Бегут обратно. Паша, крутя во все стороны стволом, прикрывал согнувшихся в три погибели разведчиков. Что они там подобрали? Мне даже стало интересно. Добежали без происшествий. Только плюхнулись в окоп, пятачок перед нашим окопом накрыло серией разрывов. Пришлось нырнуть под бетонный накат. Разведчики, ходившие на досмотр, притащили АГС-17 на станке и несколько коробок «улиток», полностью снаряженных выстрелами. Гранатомет был цел и вполне пригоден для ведения огня. Жаль, что лапы станка были покорежены и не работали механизмы наведения. Да и хрен с ним. Насколько я помню с училищных занятий по огневой подготовке, из автоматического гранатомета «Пламя» можно стрелять и без станка. Так его и поставили наверху бетонной плиты на несколько бумажных мешков, забитых землей. Паша с силой дернул трос зарядки. Все, теперь у нас есть своя мини-артиллерия. Пусть хреновая и не дающая никакой точности и кучности, но и нам такая пойдет. Минут сорок-пятьдесят мы вслушивались в звуки боя и абсолютно ничем не занимались, зыркали по сторонам. Левые и правые фланги группы по моему приказу обследовали входы в подвалы, проверили пути к отступлению. Ко мне подполз связист и на мой вопросительный кивок отрицательно покачал головой и протянул наушники. В эфире царил бедлам и неразбериха. Мне показалось, что я даже слышу вклинивающихся в переговоры наших войск боевиков. Сколько же времени мы еще будем здесь сидеть и когда все-таки получится пробиться к своим? Внезапно стрельба вокруг стала менее интенсивной, а потом вообще замолкла. Я с удивлением осмотрелся. Где-то перекрикивались боевики, в небе вспыхивали ракеты, но стрельбы не было слышно нигде, в том числе и со стороны нашей колонны. Что это такое, интересно было бы знать. Перемирие какое-нибудь, наверное, или, может, боевики решили сдаться. Приполз недоуменный Паша.

— Командир, что за ерунда? Тихо, прикинь, никто не стреляет!

— Паша, мне никто не докладывал, и чувствую, что не собираются.

— А может, просто решили попраздновать?

— Что тут праздновать?

— Как что, сейчас Новый год будет!

Черт, действительно! Я взглянул на свои «командирские» часы. Через пару минут наступит новый тысяча девятьсот девяносто пятый год. Самая чудесная встреча нового года, какой можно ожидать. Я скинул из-под белого балахона рюкзак и расстегнул клапаны. Вот она, полуторалитровая пластиковая бутылка, в которую я накануне залил три бутылки водки.

Достал банку свиной тушенки и черный сухарь на закуску. Паша вскрыл банку и достал из своего рюкзака кружку. Я протянул ему бутылку. Никогда бы в своей жизни не подумал, что буду пить водку с подчиненными, однако надо народ чем-то подбодрить, да и черт знает, что будет со мной и с моими подчиненными через несколько минут. Может быть, эта кружка водки в окопе на Новый год окажется последней в жизни.

— На, Пахом, наливай, и давай на всех раскинь, и попробуйте Котлу влить — может, полегчает.

Паша налил кружку наполовину и протянул мне. Я выдохнул и залпом проглотил «огненную воду». Обожгло горло, скатилось в желудок, внутри потеплело. Я ножом выковырял из банки кусок тушеной свинины, зажевал и опустился на корточки на дно окопчика. Совсем забыл, что меня немного оглушило, а при контузиях, насколько знаю, алкоголь противопоказан. В голове приятно зашумело и захотелось курить. Наплевав на все меры предосторожности, я закурил и начал со вкусом дымить. Паша, опрокинув свою долю, закусил и пополз оделять остальных бойцов в честь праздника «фронтовыми».

Минут пятнадцать я блаженно пялился в ночь. Хотелось накатить еще водки, разогреть тушенки и, размачивая в ароматном жиру сухарь, закусить и, плюхнувшись куда-нибудь, поспать. Однако тишина быстро закончилась. Не успел заместитель доложить мне о выполнении задачи по обеспечению личного состава «огненной водой» и о том, что Котельский пришел в себя, как снова в округе загрохотало, засвистело, застрочило, заухало. Перемирия никакого не было, просто обе стороны отметили праздник и вновь принялись за войну. Вот делать-то нечего: отпраздновали бы уж по полной, а потом бы с бодуна, с утра, когда трещит башка от вчерашнего, сами бы решили пока не воевать, а найти где-нибудь пивка.

Дом напротив нас оказался напичкан огневыми точками. Несколько раз на нас выбегали группки от пяти до пятнадцати человек и пытались занять окопчик. Пришлось отражать атаки. Однако особенного напора со стороны боевиков не было: попадая под огонь, они откатывались и обходили непонятный участок

стороной. Наверняка они не могли сообразить, под чей огонь попадали, а времени на раздумья, скорее всего, не было. Часов в пять утра на нас поперли уже плотной толпой. Дом напротив нас раздолбали танки, оттуда начали выбегать люди и откатываться на занятую нами позицию. Несмотря на плотный огонь с нашей стороны, боевики не стали обходить нас, а пошли в лоб. Шли чуть ли не строем, поливая из автоматов от бедра. Сзади по нам тоже начали лупить, за всем этим кажущимся хаосом все-таки чувствовалось какое-то управление. Паша сумел выбраться на бетонный козырек над окопом и упал за мешки. Гранатомет запрыгал и начал выплевывать гранаты. Слава богу, в сторону наступающих. Жаль, что у меня не было мин, — пользуясь недавним затишьем, можно было заминировать подходы как по фронту, так и по тылу. А теперь приходиться отстреливаться на два фронта. Наступавшие от дома все-таки прекратили свои «психические» атаки, обошли дом с тыла и начали закидывать нас гранатами из подствольных гранатометов. Надо было уходить. Однако по подвалам уйти не получилось: в домах как справа, так и слева оказались боевики. Решение я принял простое: идти напролом в тот дом, который раздолбали наши танкисты и откуда на наших глазах ушли боевики. Пробежать открытого пространства надо было метров двести. Не далеко и не близко, учитывая то, что по нам могут открыть перекрестный огонь с обоих домов и с тыла позиции не прекращаются обстрелы. Начали выползать и потихоньку отползать подальше. Вроде все нормально, раненого тащат волоком, пришедший в себя Котел вяло помогает, отталкиваясь ногами. Последним из окопа отходили спасенный нами боец-дагестанец и мой заместитель. Причем Паше пришлось силой выталкивать бойца из окопа. Дагестанец что-то шипел сквозь зубы, о чем-то ругался и не хотел вылезать наверх.

Доползли, а потом и добежали. Еж первым подбежал к подъезду и зашвырнул в него гранату. Грохнуло и выбило дверь. Наружу выскочил какой-то мужик, дико крича и держась за голову; тут же его расстреляло несколько стволов. Головная пара нырнула внутрь. Мы распластались вдоль стен, с соседних домов по нам поливали автоматными и пулеметными очередями. Пули неприятно оббивали кирпичную крошку со стен дома, я вообще валялся на куче битого стекла и, как ни странно, не порезался. Из подъезда начали маяковать. Чисто. Через две минуты вся группа валялась на лестничной площадке, тяжело дыша и отплевываясь. Появились раненые. Связист заполучил в задницу пару осколков, снайпера Григоровича задело осколком в ляжку. У меня почему-то из правого уха начала капать кровь. Многим побило лица

каменной крошкой. Паша заполучил от отлетевшего камня огромный фонарь под глаз. Заползли в квартиру. Здесь все было намного хуже, чем в том домишке, где мы останавливались вчера вечером. Все стены посечены выстрелами, груды строительного мусора, выбитые двери. В некоторых квартирах горела мебель, жутко воняло гарью. Выставив стволы вверх, Ежов и Кипрачев один за одним поднялись выше, досмотрели квартиры на втором и третьем этажах. Две квартиры были разрушены в хлам, в третьей жарко горела мебель и что-то постреливало, похоже на взрывающиеся патроны.

Дым начал заволакивать лестничную площадку. Досмотрели четвертый и пятый, все то же самое, только пожара уже нет — все и так выгорело. Дым, по странной иронии, не поднимался вверх, а опускался вниз; чтобы не задохнуться, пришлось перебраться на пятый.

В разбитые провалы окон виднелся огромный пустырь, заставленный разнообразной техникой. Вдоль дороги в художественном беспорядке догорало несколько БТРов и грузовых машин. Возле подбитой техники валялись трупы наших бойцов. Из-за плит в районе, где когда-то был рынок, по домам в нашей стороне велся интенсивный огонь как из стрелкового вооружения, так и из уцелевшей техники. Светало. Рассвет какой-то невзрачный, серый и пыльный, отдающий дымным смрадом. Не таким должно быть утро Нового года. Но, к сожалению, сейчас нельзя, взяв пузырь шампанского в одну руку и пузырь водки в другую, пойти по гостям. Нас, наверное, неправильно поймут как со стороны федеральных войск, так и со стороны боевиков.

Перед окнами квартиры, в которой мы залегли, росло раскидистое дерево. Ветки были наполовину срезаны и посечены осколками, но позволяли более-менее скрытно вести наблюдение. Вот БМП-1 вырвалась из общей кучи техники, на полном ходу выскочила к бетонным плитам и выпустила гранату. Молодец наводчик. Попал прямо в квартиру под нами. Меня даже немного подкинуло, внизу грохнуло. Из дома, стоявшего перпендикулярно нашему, по боевой машине ударило что-то крупнокалиберное. Механик чуть ли не на месте развернул машину фронтом к дому. Второй выстрел из пушки — мимо. Третий — есть, пулемет в соседнем доме замолчал. Да, пехота пехоте рознь. БМП подскочила на полном ходу к разбитой бронетехнике, поливая дома из пулемета, опять резкий разворот с одновременным поворотом башни. Двери десанта распахнулись, наружу выпрыгнули человека три чумазых пехотинца и, пригибаясь, начали загружать кого-то внутрь — видимо, пытались вытащить оставшихся в живых раненых. Загрузились, сами запрыгнули

внутрь. Боевая машина на полном ходу рванула обратно. Откуда-то сбоку, с перекрестка дорог, из частных домишек по машине выстрелили из гранатомета. Тут механик снова не оплошал, резко затормозил, и граната прошла перед носом; резкий рывок-скачок, и вторая граната чуть не задела корму. Наводчик развернул башню, несколько очередей из пулемета, выстрел пушки. Со стороны позиций федералов открыли прикрывающий огонь, и БМП удачно вышла из под обстрела.

Паша, наблюдающий с другого окошка за разворачивающимися событиями, показал мне на соседний дом. В окошках мелькали неясные фигуры. Подозвали хромающего Григоровича. Снайпер достал из-за спины винтовку и попросил кого-нибудь себе в прикрытие. Вызвался идти все тот же неугомонный механик-дагестанец. Снайперская пара удалилась. Часа через два меня начало штормить, голова кружилась и слегка плыла «картинка» в глазах. Стрельба снаружи начала принимать очаговый характер, стреляли в основном из стрелкового оружия, пулеметов, изредка бухали танковые пушки.

Наверное, я ненадолго отключился, и мне дали немного поспать, потому что очнулся я сам, с более-менее ясной головой, и чувствовал себя намного лучше. Как только я отделился от стены, на которую опирался, мне в руку сунули кружку с дымящимся чаем и сухарь. Как мне потом рассказали, я наблюдал в бинокль, даже ставил кому-то задачи, а потом развернулся, сполз по стеночке и закрыл глаза. Сперва подумали, что меня снял снайпер, однако услышав здоровый храп, решили не будить. Слава богу, ничего неординарного в тот промежуток времени, пока я спал, не произошло. Паша взял руководство на себя и недолго думая организовал ужин-завтрак и наверняка обед.

С «охоты» вернулся Григорович со своим напарником, молча показал три пальца и плюхнулся в уголок попить чаю и пожевать чего-нибудь. Бойцам, свободным от наблюдения, даже удалось немного поспать и перекусить. Разрешив своему заместителю вздремнуть, я продолжил наблюдение. Техника на пустыре начала понемногу перемещаться, вновь образуя какое-то подобие колонны. Неужто пойдут дальше после того, как их основательно потрепали? Со стороны боевиков интенсивного огня уже не наблюдалось — так, отдельные выстрелы, иногда вспыхивающие короткие перестрелки. Может, все таки попытаться пробраться к своим? Я подобрался к связисту, меланхолично возлежавшему на пузе и слушавшему свою станцию через головные телефоны.

— Слышно что?

— Да, товарищ лейтенант, «ленточка» собирается обратно, я их переговоры слушаю.

— Сможешь на них выйти?

— Без проблем, тут же до них рукой подать, их же вон в окошко видно.

— Давай тангенту.

Я напялил наушники и нажал клавишу вызова.

— «Ленточка», я «Ходок», как слышишь меня, прием!

— Б…, ты кто такой, «Ходок», ты кто такой, не мешай, уйди с волны!

— Я свой, я свой, хочу выйти на вас, как слышишь, прием…

— Ты откуда выйдешь, кругом чичи, ты из них, что ли, ты что хочешь?

— Задолбал, придурок, чичи отходят вглубь и обратно к мосту, я свой.

— Какой ты на хрен свой, здесь нет своих.

— Еще раз повторяю, я свой, у меня одиннадцать человек, я сейчас выйду на вас со стороны дома и со стороны подбитых БТРов, у меня раненые.

— Иди на хер, «Ходок», тут везде трехсотые и двухсотые, если выйдешь, тебе конец…

Я плюнул на идиота, которому что-либо объяснять было бесполезно. Ко мне подбежал один из моих разведчиков, сидевший в наблюдении на крыше.

— Товарищ лейтенант, чеченцы прямо убегают отсюда, прямо несутся со всех ног, херня какая-то творится.

Я понесся на крышу. Действительно, внизу творилось нечто интересное: боевики занимавшие оборону в соседних домах, в спешном порядке отступали в глубь кварталов.

Надо все таки попытаться прорваться к своим, на колонну, — момент удобный. Пришлось будить Пашу и снимать наблюдение. Сгруппировались в квартире на первом этаже и выбрались наружу. Пока от нашей колонны нас закрывали невысокие деревья и наши сгоревшие бронеобъекты. Вроде никто по нам не стреляет. Движемся потихоньку, тащим раненого и снова впавшего в беспамятство Котельского. Остальные раненые спокойно передвигаются сами, слава богу, раны пустяковые, осколочные, вот только связист выглядит двусмысленно, особенно его красные от крови штаны сзади. И не перевязать и зеленкой не помазать. Мне почему-то стало смешно, когда я представил душевные муки связиста. Старший головного дозора Еж потихоньку подполз к одному из сгоревших БТРов, обогнул его и выглянул наружу. Я снова начал вызывать по связи «Ленточку» и ругаться с неизвестным связистом, звать кого-то из командиров. Он наотрез оказался и послал меня куда подальше. Подползли ближе к нашей технике и валявшимся мертвым бойцам. Из

перекрестка, ведущего на дорогу к мосту, выскочил шустрый «жигуленок» и помчался на бешеной скорости вдоль нашей подбитой техники. Из окон поливали из пулемета. В две секунды я и Паша забрались на подбитый бронетранспортер. Когда «жигуленок» поравнялся с временной позицией группы, мы ударили по нему из всех стволов. В нашу сторону начали долбить со стороны пустыря. Свои же федералы… Вот хорошо как получается, мы подстрелили каких-то негодяев, а по нам уже лупят. Где же благодарность, черт побери? Я, уже в отчаянии, выпустил последнюю оставшуюся красную ракету и, плюхнувшись на пузо среди мертвых бойцов, начал наблюдать. К нам никто не выдвигался на помощь, но, слава богу, и стрелять перестали. Придется идти самим. Ну что же, пойдем, помолясь. Я встал на броне в полный рост и тут же снова упал: по мне открыли огонь. Ну и как тут быть? Уходить обратно? Уже поздно. Боевики откатились в глубь кварталов, и так, как вчера, пробежаться с ветерком вряд ли получиться. Есть возможность попасть под реальный пресс, и навряд ли отделаемся только легкими ранениями. С другой стороны, не сможем мы таскать вечно с собой раненного Котла: ему все хуже и хуже, весь уже бледный и трясет всего. Была не была! Я снова встал в полный рост и, не таясь, спрыгнул и поднял вверх руки с автоматом. Связист громко орал в тангенту:

— Идиоты, мы разведка с группировки, видите, он руки поднял, не стреляйте!

Наверное, поверили: по мне никто не стрелял. В нашу сторону выдвинулась пара БМП. Мы встали и перебежками начали пересекать пустырь, то и дело натыкаясь на трупы и боевиков, и наших мотострелков.

Броня полетела, и нас взяли в коробочку. На нас смотрели перепуганные и озлобленные лица бойцов. По всей видимости, офицер, одетый в черный танковый бушлат и шлемофон, направил на меня ствол коротыша-АКСУ.

— Кто такие, б…, что здесь делаете?

Иногда мой мозг сам по себе включается в работу как-то отдельно от всего сознания, анализирует, сопоставляет факты и выдает готовые решения сразу на речевой аппарат.

Контакт надо было устанавливать сразу, одним махом, а не объяснять долго и упорно, кто мы такие, иначе сами себя запутаем и рискуем быть расстрелянными в упор. Вот мой мозг совместно с языком и выдал, не спрашивая у меня никакого разрешения:

— Слышь, Ленпех[6] круче всех, успокойся. Свои мы, разведка с Ханкалы.

Офицер вдруг улыбнулся и с нескрываемой радостью произнес:

— Фу-у-у, а я думал, снова чичи подлянку кидают, они нас всю ночь всяко-разно долбили. Ты какого выпуска, братан?

— Да я не с Ленпеха, но тоже ВОКер[7]. Давай отсюда сматываться, торчим как три тополя на Плющихе.

— Кидайте своего бойца в десант и давайте сами на броню. А балахоны у вас, конечно, красивые. У местных бабок отобрали?

Препираться и отстаивать честь своих импровизированных маскхалатов было некогда. Котельского бережно закинули внутрь десанта, сами забрались на броню и через несколько минут были у общей колонны. Добрались наконец-то. Все свои, можно расслабиться: теперь есть кто-то, кто будет принимать за тебя решение, главное теперь выбраться отсюда на хрен куда подальше. Куда угодно. По всей видимости, боевики отошли перегруппироваться и пополнить свои как людские, так и боевые запасы, и с минуты на минуту могут вернуться.

Глава 4

Никто на мое прибытие, кроме того самого лейтенанта, и внимания не обратил. Всем было наплевать. Все грузились на технику, царила суматоха. Я думал, что успокоюсь, воссоединив свое малое количеством воинство с основными силами. Однако нет. Все почему-то стало наоборот. Мне стало еще больше не по себе, я не находил себе места. Попытался найти какое-нибудь начальство, чтобы выпросить задачу. Бесполезно. Наткнулся на какого-то майора в грязной песочке и в обшарпанной, посеченной осколками каске. Начал рассказывать ему, что неплохо бы, пока позволяет время, под прикрытием брони снова выдвинуться к оставленным боевиками домам и занять их, тем самым обеспечив беспрепятственный выход колонны. Если колонна будет на марше, то ее снова легко можно будет расстрелять. Майор устало посмотрел на меня, прикрыл на секунду красные, обведенные черными кругами глаза.

— Бери, сколько возьмешь, народу и давай к домам, инициатива е…т инициатора!

Да, насоветовался, сам напросился. Нашел уже знакомого летеху, рассказал ему о новой задаче. Он почесал себе грудь под танковым бушлатом и пожал плечами:

— Никого выделить и не могу толком, да и вряд ли тебе кто-то кого-то выделит. А сопроводить тебя легко, я все равно пойду в колонне замыкающим, дай знать, когда будешь готов, и дай закурить, если есть!

Я угостил нового знакомца сигаретой и пошел к своим. К моему удивлению, никто даже из раненых остаться с колонной не пожелал. Все меня заверили, что способны выполнять задачи дальше. А связист даже похвастался тем, что перевязал себе задницу и намазал зеленкой. Отдышались, поправили снаряжение, скинули в грязь свои маскхалаты-балахоны-простыни. Все равно снег перемешался с грязью, и особо белых нагромождений на улицах и в домах не наблюдалось. Прибежали подобранные нами вчера бойцы-пехотинцы и удивили нас тем, что собрались идти вместе с нами. Оставили только в колонне механика, который заменил кого-то из убитых. Дагестанец, тот вообще, ни слова не говоря, пристроился за Ежовым и Кипрачевым и молча стоял, поигрывая желваками. Мы погрузились на броню, лейтенант ссадил всех своих, оставив места для нас побольше… За время короткой передышки мои разведчики методом «нашел, увидел, сп…л» обзавелись несколькими одноразовыми гранатометами, успели

перезарядиться и перекурить. Моя тревога за время нахождения в колонне почему-то передалась и моим подчиненным. Как только мы спрыгнули с брони и я махнул рукой на прощание лейтенанту, мой заместитель радостно завопил:

— О, самолеты, щас духов размочат!

Я упал возле брони на спину и вылупился вверх. Прямо на кинотеатр из облаков заходили на боевой курс два штурмовика. Вот оно, чего я боялся. Духов размочат. Ага, как же, что-то я вчера не видел ни вертолетов, ни штурмовиков, когда духи почти что в упор молотили колонну. Да, интересно, есть ли в колонне авианаводчик и куда он будет наводить самолеты?

— Валим отсюда, быстрее, — скомандовал я, и мы перебежками двинулись вдоль дома, надеясь забраться внутрь через то же окно, через которое выбирались. Да, авианаводчика в колонне не оказалось, а кто и откуда наводил летчиков, наверное, никто никогда и не узнает. Штурмовики сосредоточенно стали вываливать свой смертоносный груз прямо на нашу многострадальную колонну. Как вовремя мы свалили оттуда. Мы валялись на бетонной опалубке возле дома, закрывали головы руками и молились всем богам подряд.

Я потерял счет времени, голова моя подлетала и стукалась об бетон, не добавляя каких-либо приятных ощущений. Одним из взрывов подкинуло подбитый БТР, и он, перевернувшись на бок, грохнулся почти что рядом с Пашей. Надо было как можно скорее уходить с этого гиблого места. Но надо еще заставить себя встать. Кое-как поднялся на дрожащих ногах. Поднял головную пару, и снова бег вокруг дома. Что творилось в нашей колонне, я не видел, очень уж я боялся оглядываться назад. В голове почему-то рисовалась картина: летчик, облаченный в свой навороченный шлем, видит мою бегущую группу и накрывает нас всех залпом каких-нибудь НУРСов, и вряд ли от нас останется хоть что-нибудь, что можно будет запихать в «покойницкий» блестящий пакет и отправить в Ростов в лабораторию на опознание. На ходу краем глаза заметил, как дагестанец остановился и выпустил по самолету короткую очередь из пулемета. Как он позже объяснил, ему в голову закралась мысль: ведь если бомбят своих, то нас, если мы будем стрелять по самолетам, примут за духов и оставят в покое. Железная логика!

Да и хрен с ней, с этой логикой, на данный момент над всем господствует маразм.

И все-таки нам повезло, удалось убежать подальше и добежать до гостеприимного окопчика, который активно использовали вчера. Если авиация начнет обрабатывать этот участок местности, то угробить нас будет намного сложнее. Каюк

нам придет только при прямом попадании в узкую щель траншеи. Спрыгнув внутрь, я ударился головой о кусок выступающего асфальта и отключился. Пришел в себя и огляделся: все на месте, сидят, пригнув головы к коленям, и повсюду слышна стрельба. Долбили из минометов, автоматов, пулеметов совсем неподалеку. Наверняка колонна все-таки вышла и пытается уйти в сторону Ханкалы, а теперь подвергается обстрелу боевиков. Подполз связист и, поморщившись, протянул наушники. В эфире опять суматоха и истошные вопли.

Колонна выдвигалась непонятно куда и вела очаговые перестрелки с непрерывно атакующими боевиками. Так, надо все-таки попытаться вернуться хотя бы в дом, осмотреть место бомбежки, попытаться вскрыть огневые точки боевиков и дать хоть какое-нибудь целеуказание. Дом напротив вроде цел. Ну что, идем обратно? Да, идем: отдал указания, повертел головой. Немного кружится, да ничего страшного. Опять поползли, рядом грохает. Вот он, уже знакомый полувыгоревший подъезд, вот он, труп убитого вчера головным дозором боевика. Опять досмотр лестничных пролетов и квартир.

Сам для себя начинаю отмечать, что бойцы как-то сами по себе выработали более-менее приемлемую тактику досмотра помещений. Передвигались боком, приставными шагами. В пустой дверной проем сперва ствол, а потом резким поворотом вокруг оси перемещение к безопасной стенке, идут «крест-накрест». Воюют по-настоящему второй день, а уже какие-то навыки сами собой появляются. Головной дозор вместо неудобных в здании длинноствольных РПКСов использовал трофейные автоматы, закинув пулеметы за спины… Ну вот, нарвались: в глубине комнаты двое боевиков, соорудив посредине небольшую пирамиду из мебели, мостили пулемет. Разведчики были быстрее: пара коротких очередей, боевики корчатся на полу. Короткий досмотр, сдернули с них красивые и удобные «лифчики», обшарили карманы — и дальше, дальше. Прошли выгоревшие этажи. Все, вот она, та квартира, в которой мы встречали рассвет. Нормально, пустая, никого нет. На пустыре, где стояла наша колонна, догорали остовы разбитой техники, валялись трупы, как целые, так и различными частями. В бинокль я заметил перебегающие фигурки. Заметил хвост колонны, скрывающийся в одном из проулков. Из районов красных кирпичных домов выехало несколько грузовых машин, высадили несколько групп боевиков. Одна часть прибывших заняла позиции и начала вдогонку обстреливать боевые машины пехоты. В крайнюю БМП в корму прилетела граната, машина пошла юзом, с брони посыпался народ, тут же попавший под огонь вражеских

пулеметчиков. Я вспомнил, что в одной из машин лежит наш раненый боец, и мне стало не по себе. А вдруг именно в этой самой машине лежал он? Другая часть вновь прибывших стала обшаривать нашу разбитую технику, переворачивать убитых. Куда пошла наша колонна, неужто решили снова продвигаться в город? Вспомнилось, что, когда я бродил среди офицеров, многие упоминали про какую-то площадь Минутка.

Я тогда этому значения не придал, так как не мог вспомнить в Грозном площадь с таким названием. Знал, что неподалеку от моста через Сунжу, в районе «грузинских домов», есть кафе с таким названием, а вот площадь не знал. Как выяснилось позже, я был прав.

Снова послышался рев техники, и снова показалась наша броня. Они что, кругами носятся или решили развеять себя после бомбежки легкой ненавязчивой прогулкой? Кто же все-таки там руководит, если мне, зеленому лейтенанту, ясно, что надо было выставить блокпосты, занять близлежащие домишки, обеспечив беспрепятственный проход колонны? А сперва надо было выкосить огнем артиллерии, назначить всякие там запланированные цели, прикрывающие огни и прочая и прочая, а так какая-то ерунда получается. Мочат наши федеральные силы все кому не лень, что боевики, что свои же доблестные летчики.

Идущая бронетехника открыла ураганный огонь во все стороны. Пришлось свалиться на захламленный пол и закрыть голову руками. Несколько очередей прошлись по ободранным стенам комнаты, откуда-то с нижних этажей послышались гортанные крики, что-то грохнуло. Еж, Кипрач и влившийся в компанию дагестанец вопросительно посмотрели на меня, я кивнул. Бойцы ужами поползли по полу и скрылись из виду, пару раз внизу что-то оглушительно грохнуло, меня снова подкинуло на полу. Несколько глухих очередей. Вернулись бойцы. Дагестанец вытирал кровь с лица и недовольно морщился, держась за правое предплечье. Ранило «сына гор», так кстати вписавшегося в мое маленькое подразделение. Подполз Еж и, сделав большие глаза, начал рассказывать о случившемся двумя этажами ниже.

— Командир, духи херню сморозили, затащили этот гранатомет такой здоровый в комнату, ну, такой, как мы у пехотинцев в Ассиновке видели…

— СПГ, наверное, да не суть. Так что дальше-то?

— Ну так придурки из комнаты, через окошки запулили по нашим гранату, а там объем в комнате маленький, и их на хрен там всех переконтузило, добить только осталось, надо же быть такими идиотами…

— Да ладно, ты тоже совсем недавно пытался из комнатушки пулять из «Мухи»…

Ежов хмыкнул, отполз и устроился возле окошка, осторожно наблюдая. «Сын гор» оказался не «сыном гор», а «сыном Каспия», стиснув зубы, перенес перевязку, от промедола не отказался и, получив шприц-тюбик в ногу, попросил сигарету и, блаженно затянувшись, притих в уголку, прижимая к груди свой ПК.

Колонна, обстреливая все окрестности перекрестным огнем и теряя машину за машиной, выдвигалась в сторону поворота на железнодорожный мост. И вдруг просто встала под градом пуль. В наушниках вопили, запрашивали, почему встали. Вчерашняя бойня продолжалась. Высунувшись из окон, я начал засекать огневые точки и пытаться давать целеуказание. Никто не реагировал. Никому мы были не нужны. Бойцы наблюдали, когда в поле зрения оказывались перебегающие группки боевиков, и открывали огонь. Григорович занял позицию в глубине комнаты и изредка постреливал, тщательно выцеливая очередного «крестничка». Наконец-то колонна стронулась с места и ее хвост скрылся из под нашего наблюдения. Вместе с колонной скрылись из поля зрения и боевики. Мы опять в этом городе одни. Сами по себе. Даже не знаю, радует меня это или печалит. Снова придется уходить. Вышли проверенным маршрутом, перебежали, залегли возле сгоревших БТРов. Будем двигаться вдоль домов, выходящих фасадами на дорогу, а возле перекрестка и поворота на мост попытаемся уйти влево и пройти до того самого места насыпи, откуда мы вчера выходили. Если техника прошла не вся, попробуем залезть на броню или пройти под ее прикрытием, дай бог, чтобы в хвосте колонны оказался мой знакомый лейтенант. Опять возросла интенсивность стрельбы, стреляли где-то неподалеку. Заработал крупнокалиберный пулемет, скорее всего КПВТ. Головная пара выползла из-за БТРов. Через пару минут ко мне подполз Кипрачев и сообщил, что по дороге несется БТР-«восьмидесятка» и лупит по кинотеатру, а неподалеку от нас залегла группа чеченцев, обстреливающая бронетранспортер из пулеметов и гранатомета.

Бронетранспортер, по всей видимости, наш, заблудившийся и отставший от колонны. Вот он, наш шанс выбраться отсюда как можно быстрее. Надо как-то дать знать, что мы свои. Группа с максимальной осторожностью переместилась на другую сторону дороги и, где ползком, где перебежками, начала приближаться к боевикам. БТР вильнул носом, уходя в сторону от выпущенной в него гранаты, резко затормозил. Вторая граната прошла перед носом. Резкий скачок, водитель не успел вывернуть руль, и транспортер врезался острым носом в угол дома. Раскрылись

люки наружу, высыпало человек пять, залегли и начали вести огонь, прикрывая БТР, пытавшийся вырулить на дорогу задним ходом. Башня крутилась, выискивая цели, наводчик вел огонь по зданию кинотеатра. Благодаря заминке мы почти что вплотную подобрались к боевикам, залегшим за бетонными блоками вдоль дороги, и закидали их гранатами; стычку закончили короткими пулеметными очередями по нашпигованным осколками останкам боевиков. Неизвестные федералы, на наше счастье, заметили нашу подмогу и, привстав, замахали руками, подзывая нас к себе.

Бежать к ним было опасно, так как со стороны кинотеатра и аптеки по нам снова открыли огонь. Достав из подсумка магазин с трассирующими патронами и отсоединив барабан, я дал пару трассирующих в сторону замеченных вспышек, надеясь на то, что наводчик поймет. Наводчик понял и перенес огонь, работая по моим целеуказаниям. Транспортер вырвался на дорогу и поехал, прикрывая правым боком крадущуюся за ним пехоту. Под прикрытием огня КПВТ мы снова перебежали дорогу и продолжили огонь, прикрываясь остовами сгоревшей техники. Подошла броня. Мужики в непонятного цвета камуфляжах, в касках с забралами и классных бронежилетах. Лица недоуменно-испуганные.

— Вы кто-о-о? — заорали они чуть ли не хором.

— Привет, Петрович! — заорал я в ответ, узнав в одном из них непонятного типа с бородой, ставившего мне задачу по встрече связника.

Владимир Петрович в недоумении вылупился на меня.

— А я думал, что вам кирдык, ребята, так мне и в отделе сказали…

— Петрович, не время сейчас! Давай сматываться отсюда!

Мое предложение нашло горячий отклик, мои бойцы выстроились цепочкой за бортом БТРа и, выставив стволы в сторону домов, порысили рядышком. Раненые отказались залезать в десант. Уж лучше ножками. Так вот, с шутками и прибаутками, добрались почти что до моста. А там вовсю разворачивалась нешуточная перестрелка. Машины как вчера входили, так сегодня и выходили обратно, проскакивая по одной через мост. Мы вышли как раз к тому моменту, когда крайняя БМП проскочила простреливаемую зону, паля из пушки в сторону частных домов. Боевики поступили очень продуманно, ведя огонь по проходящей бронетехнике снизу вверх. Угол наклона вооружения бронеобъектов не позволял вести прицельный огонь. Нам предложили залезть на броню. Петрович решил прорваться на полной скорости через мост и присоединиться к колонне. А я почему-то отказался: за последнее время мне почему-то

разонравилось кататься в броне по стреляющему городу. Раненые проявили завидное упорство и в десант тоже не полезли.

Со стороны Ханкалы заработала артиллерия. Серия разрывов начала накрывать дома в глубине квартала, совсем неподалеку от того места, где мы вчера проходили; дорогу и насыпь начало заволакивать дымом. Это был реальный шанс добраться до безопасного места и спуститься с насыпи. И мы побежали, вдоль домов побежали «гусеницей». Петрович проводил нас недоуменными взглядами. Через несколько минут БТР удачно пройдет через мост. Это последнее, что я увижу на мосту. Потом мост от нас закроет серия дымных разрывов. Потом мне некогда будет наблюдать — мы нос к носу столкнемся с группой боевиков. Они пробегут мимо нас, мы пробежим мимо них в нескольких десятках метров друг от друга. А потом, уже опомнившись, они забегут за дом и, выскакивая оттуда, начнут нас обстреливать. Но все пройдет благополучно. Мы успеем скатиться вниз по насыпи. Где-то неподалеку от нас горели какие-то вагоны, которых еще вчера при переходе рельс не было. Дым стелился почти что над самой землей. Уже упав между рельсов, спасаясь от убийственного огня насквозь простреливаемого пространства под мостом, я дам команду пересчитаться. Не окажется на месте «сына Каспия». Подползший Еж расскажет, что дагестанец, раненный в спину при перебежке, остался умирать на насыпи и отполз в сторону, прикрывая отход группы огнем пулемета. Блин, его об этом никто не просил. На хрена ему это надо было. Где-то сбоку от нас и сверху длинными очередями работал ПК. Наверх пошли Паша и Кипрачев. Смелому парню из Дагестана, из славного города Махачкала, не дали совершить подвиг. Паша сдернул его, истекающего кровью, за ноги и сволок вниз по насыпи. Кипрачев довершил соло на пулемете: выпустил до конца коробку и, бросив ненужный пулемет куда-то вниз, ничуть не мучаясь угрызениями совести, рванул за замкомгруппы. Через полчаса мы, обвешанные оружием, и своим и трофейным, грязные, как черти, шатаясь из стороны в сторону, прошли через блоки прикрытия у военного городка. Солдаты, дежурившие на постах, с ужасом смотрели на мое малочисленное воинство. Вылез на нас посмотреть какой-то пьяный прапорщик.

— Воины, сколько же вас было-то, если всего одиннадцать вернулось?! — в ужасе заверещал прапорщик, кидаясь ко всем подряд и хватая всех за руки.

— Девять нас было, — буркнул в ответ Паша, тащивший за спиной раненого «сына Каспия».

Наш КамАЗ стоял на месте, красная пожарная машина сиротливо прижималась к нему с правого борта. Трубы над

тентом уютно дымили. Из кузова выпрыгнул совсем незнакомый нам боец в старой, образца Великой Отечественной войны, форме и испуганно вылупился на нас. Тут же из недр кабины выпрыгнул ефрейтор Садыков и заорал на незнакомого нам солдатика:

— Фули стал, тащи сумку свою, олень, видишь, пацаны раненые, борт открывай, трап ставь…

Бойчишка как ужаленный кинулся открывать борт, вытаскивать лестницу, пугливо озираясь на нас. Садыков откуда-то из-за пожарной машины уже тащил две длинных деревянных скамейки военного образца, покрашенные серой, так называемой «шаровой», краской.

— Пацаны, давайте садитесь… — суетился он.

Незнакомый нам боец выпрыгнул из кузова с огромной медицинской сумкой. Теперь он разительно отличался от простого забитого бойца. Тоном, не терпящим возражений, даже как-то с ноткой превосходства он не попросил, а приказал затащить раненых в кузов. Разведчики в изумлении повиновались, осторожно по трапу заволокли внутрь дагестанца, который уже закатывал глаза и пытался отойти в райские сады к гуриям.

Я, положив пулемет на скамейку, приказал Паше заняться «разоружением» и чисткой, а сам осторожно залез в кузов. На удивление, в кузове обнаружилось несколько солдатских коек-раскладушек, горело в два раза больше лампочек, чем было раньше. Раненый боец, уже полураздетый, лежал на койке, и над ним с бинтами, шприцами и еще какой-то медицинской хренью колдовал незнакомец. Видно, парнишка был не так прост, как казался с первого взгляда. Оглянувшись на меня, он открыл рот, хотел что-то сказать, но промолчал.

— Тебе помощь нужна? — спросил я, поняв его замешательство.

— Да, пожалуйста, кого-нибудь с чистыми руками можно?

Выпрыгнул наружу, и сразу же на глаза попался снайпер. Григорович тщательно намывал под теплой водой из бака руки и шею и что-то вполголоса рассказывал водителю, стоявшему рядом с мыльницей и полотенцем.

— Григорович, давай к доктору, будешь ассистировать, как самый чистюля.

Снайпер удивленно посмотрел на меня, обтерся полотенцем и забрался в кузов.

Вымыв руки и сполоснув лицо, я присел на скамейку и, разобрав РПКС, свистнул Садыкову.

— Давай рассказывай, что тут было и кто этот крендель…

Водитель учтиво угостил меня сигаретой и, примостившись

рядышком, рассказал много интересного. Когда мы ушли, со стороны города постоянно велась стрельба по военному городку. Пару раз неподалеку от грузовика шлепались мины. В различных направлениях носились военные. В ночь на Новый год к грузовику подкатило несколько БМП с пьяными военными. Садыкова и КамАЗ пытались куда-то увезти, предъявляли претензии на пожарную машину. Ефрейтора за его строптивость и нежелание кого-либо слушать чуть не пристрелили. В конце концов броня ушла. Минут через двадцать после наступления Нового года в кабину кто-то постучался. Этот кто-то оказался тот самый боец. Солдат был фельдшером какого-то мотострелкового батальона и ехал вместе со всеми на броне, не удержался и полетел кубарем в грязь. Никто ради него останавливаться не стал. Боец встал из грязи, помыкался и пошел в сторону пятиэтажек военного городка летчиков, в результате чего набрел на наш КамАЗ. Садыков, видя грязного и беспомощного солдатика с огромной медицинской сумкой, в двух словах выяснил, откуда это чудо появилось, куда направляется, и решил приберечь его для наших нужд. В разговоре он выяснил, что паренек был из отчисленных студентов какого-то медицинского вуза, практиковал на раненых бандитах в своем городишке, имел неплохие навыки в обращении с огнестрельными ранениями, заимел какие-то проблемы с бандитской составляющей в своем городе и срочно смотался в армию. В войсках пребывал всего пару месяцев, не получив никаких нужных и обязательных для бойца навыков, был послан в Чечню, где благополучно потерялся, пробыв всего пару дней. Вряд ли кто-то будет интересоваться его судьбой, наверняка спишут на безвозвратные потери. А нам он со своей медицинской сумкой, набитой всякими полезностями, придется весьма кстати.

Группа закончила чистку оружия, перекурили и стали ожидать известий из кузова. Что там да как? Смелый парнишка из Дагестана всем пришелся по душе, и за него все искренне переживали. Вскоре из кузова с квадратными глазами выполз Григорович и попросил закурить.

— Ух, этот слон ушлый, железками какими-то и щипцами с нашего дага осколки вытаскивал, капельницу поставил, у меня уже два осколка с ляжки вытащил, клеем заклеил и укол засадил, давайте, кто там следующий…

Короче, фельдшер оказался наиболее ценным приобретением за последние несколько часов.

Паша озадачился приготовлением то ли завтрака, то ли обеда из остатков сухого пайка и трофейных продуктов, принесенных из города, а я, взяв с собой связиста, поплелся искать своих начальников. Связист смешно переваливался из стороны в

сторону и постоянно почесывал свою заклеенную медицинским клеем филейную часть. Побродивши по скоплениям войск, среди грязного измученного люда, вернувшегося из города, мы обнаружили несколько палаток — по всей видимости, какую-то недавно развернутую медицинская часть. Возле палаток валялась куча носилок с ранеными и убитыми, кругом были разбросаны упаковки из-под шприцев, обрывки бинтов. На бешеной скорости подлетел БТР, с него спрыгнули бойцы в титановых касках-сферах и начали вытаскивать из внутренностей десанта раненых и убитых. Кругом носились какие-то люди в окровавленных белых халатах, делали уколы, ставили капельницы, затаскивали кого-то внутрь палаток. За палатками рядком стояли носилки, укутанные в блестящую серебристую пленку, из-под которой торчали грязные ноги, а иногда просто обрубки.

Из палаток постоянно кричали и матерились. Какого-либо смысла отдавать сюда нашего тяжелораненого не было. Наш вновь приобретенный доктор, как мне казалось, сделал все намного лучше. Поймав какого-то то ли контрактника, то ли офицера с медицинскими эмблемами на «песочке», выяснили, что скоро придет медицинский вертолет. Для отправки раненого нужна была справка формы номер сто. Когда я обещал ему несколько бутылок водки за содействие в отправке раненого, он презрительно посмотрел на меня и сказал, чтобы несли своего бойца сюда через час. Отправит он его так, без всякой водки. Мне стало стыдно, и мы, развернувшись, пошли к своему пункту временной дислокации.

Раненого вызвался отправить наш новый боец-фельдшер. Дагестанца погрузили на самодельные носилки. Я назначил старшим связиста и опросил остальных заполучивших осколки о желании эвакуироваться. К моей тихой радости, никто не захотел ни в медицинскую часть, ни на «Большую Землю». Как оказалось потом, большую роль в этом почти героическом поступке сыграл рассказ связиста об ужасах, творившихся в санитарных палатках. Группа сопровождения ушла, а я, забив на поиски начальства, похлебал бульона из тушенки, щедро приправленного луком, с удовольствием съел полкотелка пайковой каши и забрался в свой «командирский отсек». Хотелось проанализировать все случившееся с нами за время выхода, что-то осмыслить, что-то наметить. Однако мысли меня покинули, и я банальным образом заснул.

Разбудил меня Паша докладом о том, что раненого благополучно отправили, и готов горячий душ: все ждут, когда я помоюсь, чтобы потом помыться самим. Ополоснувшись и простирнув носки, я почувствовал, что усталость отступает.

Закутавшись в бушлат, присел на скамейку и бездумно закурил. Сумерки, как обычно, упали внезапно. В городе слышалась привычная стрельба, и неподалеку от нас бухала артиллерия. Нет, не буду я искать свое начальство, пусть думают, что хотят. Да и где оно, мое начальство? Может, все офицеры — мои начальники полегли где-то в неравном бою. Может, где-то совсем поблизости руководят действующими разведывательными органами. Но это все не мои проблемы, я мелкая сошка, командир маленького подразделения. Хотя, как мне кажется, не столь уж и плохо мое подразделение. Потери минимальные, воевали не так уж плохо. Есть, конечно, недостатки. Особенно чувствуется недостаток в средствах управления, а если проще, в средствах связи. Простой пример работы с неизвестным мне артиллеристом с позывным «Пучок». Работали с ним всего ничего, но результат в один подбитый танк — совсем неплохо. На данный момент приобрели фельдшера. Как он работает, уже убедились. Парнишка вполне профессионален. Крови не боится, дело свое знает. Разведчики, вернувшиеся с медчасти, рассказали, что медики по достоинству оценили работу фельдшера, и если бы не его своевременная помощь, то бойца можно было бы потерять. Тем более парнишка среди медиков абсолютно не растерялся: сам заполнил карточку формы сто и пополнил свою медицинскую сумку всякими нужными медикаментами и расходными материалами. Придется на следующие задачи брать его с собой. Хоть и не обстрелян, но время учит всему, походит — оботрется, а пока пусть побудет в боевом порядке рядом со мной и связистом. Интересно, что случилось с нашим Котельским? Выжил ли он в десанте БМП? Где он сейчас? Может, валяется внутри догорающей машины посреди разрушенных улиц. Может, лежит где-то на койке в палатках медчасти или уже эвакуирован в госпиталь в Краснодар или Ростов…

Котельский нашелся только через несколько месяцев, живой и здоровый. Тогда из города они вырвались чудом благодаря мастерству механика-водителя, сидевшего в те минуты за штурвалом бронированной машины. Котельского отправили первого января в Моздок, а оттуда уже в Краснодар. Выздоровев, он дослуживал свою срочную службу в Аксайской бригаде спецназа, где я его впоследствии и встретил.

Вырвались, все нормально, но было такое предчувствие, что мы вышли из города только для того, чтобы перекурить и снарядиться боеприпасами. Такое впечатление, что если бы нас встречал мой шеф, то мы бы уже снова ползали по стреляющему городу. Не буду никого искать и попадаться на чьи-то начальственные глаза, а то озадачат, и поползем мы на своем

брюхе незнамо куда, неизвестно для чего, с одной-единственной задачей: не вернуться и не мозолить своим видом чьи-то глаза.

Утром второго января, когда нормальный гражданский люд с мутными глазами интересуется друг у друга: «Как прошло первое? Да неужто это вытворял я?!», примчался наш направленец. На него было больно смотреть: весь грязный, с красными глазами, кисть руки перемотана грязным бинтом. В отличие от него, я, нормально вымывшийся, постиравшийся, в оттертой от грязи и крови «горке» выглядел чуть ли не франтом. Бойцы мои, рассевшись на скамейках, подгоняли под себя трофейные «лифчики», рассматривали принесенное из города оружие. Наверное, мой совсем не измученный вид вывел направленца из себя, и он, вызверившись, начал орать на меня самыми похабными словами.

Суть его воплей сводилась к тому, что мы негодяи, шкурники, прячемся здесь, пока «наши пацаны» гибнут в городе. Да ладно, мне к крикам не привыкать, а бойцы быстренько отошли подальше — так, на всякий случай.

Офицер поорал, поорал, наконец запал иссяк, и он вполне нормальным голосом поинтересовался, как мы вышли из города и что с нами случилось. Я попросил у него план города, достал свой с пометками и приступил к красочному описанию наших подвигов, демонстрируя трофеи. Мои пометки с тщательностью переносились на план начальника, один из автоматов, принесенный с выхода, начальник забрал себе. Успокоившись, он приказал нам готовиться к очередному выходу, записал в блокнотик мои требования и пожелания, выпросил еще один пузырь водки, прыгнул на свою броню умчался. Все-таки нашел нас, сейчас придумает задачу, согласует с кем-нибудь, подпишет бумажки, а может, и никаких бумажек не будет — пошлют просто так, очертив на плане кружок и ткнув в него карандашом, скажут: «Давайте, поработайте здесь».

Глава 5

В ожидании новой задачи я занялся с группой порядком передвижения в городе и отработкой некоторых вопросов по порядку захода в здание и досмотру помещений.

Приобретенный найденыш-фельдшер бегал за мной и связистом как привязанный, вопросов не задавал и вел себя вполне прилично. Пришлось его переодеть в новую «горку» и выдать ботинки, дабы своим видом и старинным хэбэ не пугал личный состав.

Садыков копался во внутренностях пожарной машины, вылезал на нас посмотреть, изредка стреляя у кого-нибудь сигаретку, и снова скрывался под капотом. Попозже он подошел ко мне и попросился сгонять куда-то недалеко. По его сведениям, поблизости был сборный пункт поврежденной техники, и он намеревался разжиться какими-то запчастями. На мой вопрос, на хрена ему это надо, он загадочно потупился и сказал, что скоро все всё увидят. Часа через два он вернулся на какой-то машине с парочкой чумазых замасленных бойцов и снова занырнул под капот.

Ближе к обеду за мной приехали и повезли меня на постановку задачи. Ничего нового, все как обычно: теперь нам предстояло установить наличие боевиков в районе улиц Ханкальская — Гудермесская в Октябрьском районе Грозного. В принципе, недалеко, однако в прошлый раз мы наблюдали, как из тех районов велся массированный огонь по нашей колонне, заходившей в город. На данный момент туда лупила артиллерия. Взаимодействие организовывать было не с кем, из всего, что мне удалось выбить, самым ценным приобретением были запасные аккумуляторы к радиостанции и новые переговорные таблицы. Выходить я запланировал в ночь, поэтому надо было ехать ставить задачи своему заместителю на подготовку и лично выяснять порядок выхода, через какие подразделения пойдем, согласовывать, утверждать и снова, наверное, в тысячный раз, предупреждать, что мы не духи. Со слезами на глазах я выпросил у шефа БТР и, выкинув водителя на сиденье командира, сам уселся за руль и дал по газам. Водитель, убедившись в том, что я не новичок в вождении бронетехники, моментально вырубился. Бойцы, увидев меня на БТРе-«восьмидесятке», радостно заорали и предложили технику не отдавать, а высунувшегося на крики водителя прикопать где-нибудь поблизости. Боец пробурчал, что таких прикапывателей он давил пачками, и юркнул обратно досыпать. Посадив пару человек на броню, я выехал в сторону дач

и центрального выезда-въезда из гарнизона летчиков. На выезде стояло несколько БМД и копошились десантники в касках, бронниках и надетых сверху «боевых выкладках». Пара бээмдэшек обрабатывала из пулеметов дачные домики, десанты вручную таскали бетонные блоки и, матерясь, орали нам вслед. Неподалеку на кольце должен был стоять обозначенный на штабной карте блокпост от мотострелков, держащий под контролем сразу две улицы с выездом на мост. Со стороны частных домов по нам влупило из чего-то стрелкового, за кормой прошуршала РПГшная граната. Я почувствовал себя неуютно и прибавил скорости. Вот он, пехотный блокпост, несколько БМП, загороженные бетонными блоками, навалы кирпичей и бумажных мешков с землей. Наводчик развернул КПВТ, дал на ходу несколько очередей в сторону домов, я выкрутил руль и, заложив сумасшедший вираж, вдавил тормоза. Встали удачно — за броней пехотинцев, мои разведчики посыпались вниз и залегли под колесами. Мотострелки начали орать на нас, обзывать клоунами и грозить всяческими карами. Я, пригибаясь, побежал искать командира. На этот раз мне повезло: обязанности командира блокпоста исполнял майор, встреченный нами в городе, в районе кинотеатра. Увидев меня, он недоуменно покачал головой и, перекрикивая шум стрельбы, произнес:

— Гляди-ка, выбрался все-таки, а к нам что приехал, не навоевался?

— Навоевался, снова вечером пойду, со своими впечатлений набираться, вы тут как? Как с города выбрались?

— Да кое-как выползли. Лейтенанта помнишь моего?

Я кивнул головой.

— Погиб Сашка, уже когда обратно возвращались, его в нескольких местах прошило.

Да, знакомства на войне весьма скоротечны: разговариваешь с человеком, а потом его в нескольких местах прошивает свинцом. Вроде говорили-то всего ничего, а теперь будет долго помниться выпускник Ленпеха.

Мотострелкам, выставившим блокпост, приходилось несладко: их методично обрабатывали с различных направлений, подвоз боеприпасов как на стрелковое, так и на пушки бронемашин был затруднен из-за непрекращающегося огня. Невдалеке, возле пятиэтажки с мозаичным фасадом и рисунком, изображавшим что-то времен СССР, стояло несколько подбитых БМП и пара тентованных грузовиков. Боевики заняли поблизости несколько домов и, обстреливая пехоту, постоянно перемещались, уходя от поражения огнем артиллерии. Майор позвал меня за собой, и мы, обогнув нос БМП, ползком подобрались к каменным

кирпичным завалам и мешкам с землей. Достав бинокль, я принялся осматривать окрестности, стараясь вычислить наиболее безопасную траекторию и маршрут выдвижения. Местность была открытая и скрытному передвижению никак не способствовала. Майор указал мне на один из подбитых грузовиков, возле которого валялось несколько трупов наших бойцов.

— Смотри, вон тот «урал», который боком стоит, в нем взрывчатки на пару сотен килограмм. Каике-то саперы ехали, взрывчатку планировали задействовать для подрыва инженерных сооружений боевиков. Как он не рванул еще, ума не приложу. Опасаюсь, ближе к ночи боевички обшарят его и напакостят нам. Грохнет, мама не горюй.

Я с интересом начал осматривать брошенную машину. Действительно, если задействовать все инженерные боеприпасы, то взрыв получится аховый. Я предложил майору самим опередить боевиков и подорвать все к чертям собачьим, столкнув автомобиль в сторону с дороги. Мысль майору понравилась. Теперь осталось обдумать все детали плана. Я же намеревался под это дело просочиться к частным домам и попытаться там затаиться со своей группой. Майор предложил имитировать наступление: для начала его блокпост ударит из минометов, обеспечив видимость подготовки наступления. Потом с блока выдвинется пехота и под прикрытием БМП доберется до поврежденной техники. Там придется попотеть и сдвинуть опасный автомобиль как можно дальше при помощи одной из БМП. Потом быстрый отход на блок, прекращение минометного огня, боевики попытаются вернуться на свои места. В этот момент можно будет и рвануть по проводам опасный груз. План для меня был удачен, так как позволял под всю эту шумиху вывести группу для дальнейших действий в обозначенный район.

Майор начал выходить по связи на свое командование, требовать минометчиков, арткорректировщиков и саперов. Я понаблюдав еще немного, распростился с майором и пообещал прибыть со своими, как только стемнеет. Выждали удобный момент и рванули назад к военному городку. За рулем уже сидел штатный водила. Створки люков предусмотрительно распахнули, а сами вцепились в броню. Назад неслись с бешеной скоростью и чуть не совершили ДТП с выдвигавшейся на блокпост небольшой колонной пехотинцев. Десантники на въезде опять начали орать на нас и материться. Когда же они к нам привыкнут и успокоятся?

Направленец, узнав о том, что мне для вывода группы необходим БТР, скуксился, однако ломался недолго, расспросил меня о плане вывода. Покачал головой и отпустил с миром.

Недавно виденный мною «босс», назвавший меня сиволапым,

так и не объявился, да и слава богу: направленец, тот хоть и орет, но с ним всегда можно что-то решить, и он в меру своих сил старается обеспечить меня всем необходимым, а этот только обзывался.

Разведчики к выходу были готовы, облачились в недавно приобретенные «обновки». В рюкзаки, помня прошлый опыт, взяли по минимуму, рассчитывая обзавестись продовольствием хап-способом. Медик к выходу был готов, помимо рюкзака нацепил на себя большую санитарную сумку, напялил на голову черную вязаную шапочку, подаренную разведчиками, и из общей массы ничем не выделялся.

Все-таки парочку человек, посеченных ранее осколками, пришлось оставить. Мало ли что может случиться, а скорее всего, что-нибудь неприятное случится по-любому; ребятки хоть и хорохорятся, но все-таки оставлю я их на охране в помощь водителю.

Закидав в картонную коробку несколько банок различных консервов и присовокупив пару бутылок водки на гостинцы пехотному майору, я забросил коробку в десант. Наводчик с вожделением вылупился на содержимое и сглотнул слюну.

— Эй, дядя, не обольщайся, если что пропадет, ты за своими пулеметами жить останешься и вылазить будешь только для того, чтобы на небо посмотреть…

Десантники, как обычно, были не в духе и встретили нас воплями и проклятьями. Мы тоже пожелали им доброй ночи и, довольные друг другом, расстались.

До блока понеслись, как обычно, с ветерком, водитель заложил вираж, мы вцепились в броню и ссыпались на асфальт за броней мотострелков. Майор встретил меня как старого товарища. Снова поползли к завалам. На блоке имелся ночной бинокль, и я снова принялся рассматривать окрестности, вспыхивающие желтыми бликами в призрачном зеленом свете бинокля. Подползла головная пара, начали совещаться. Майор обрадовался подаркам и пригласил меня за БМП. За кормой был натянут полог, разведен костерок из остатков какой-то мебели, на бетонном блоке накрыт импровизированный стол из консервов и бутылки водки. Я опрокинул один пластиковый стаканчик и дальше продолжать не стал — что-то не хотелось перед выходом туманить мозг. Прибывшие минометчики развернули за блоками позиции расчетов и готовились к открытию огня. Еще раз обговорили детали, майор скомандовал, механики-водители и наводчики-операторы кинулись по своим местам. Бойцы-мотострелки, испуганно переговариваясь между собой, начали собираться за каменными завалами, готовясь выскочить за броней

по первой команде.

Где-то в глубине города, ближе к Привокзальной площади, разгорался нешуточный бой, грохали выстрелы танков и пушек, стрекотали автоматические пушки БМПшек. Небо расцвечивалось привычной картиной. Еще раз обговорили все детали, приготовились. Мои бойцы вышли за блоки в готовности следовать за пехотой. С близлежащих домов начался обстрел блокпоста. Минометчики забросили мины в стволы своих минометов.

Через несколько секунд среди домов грохнули разрывы. Ударили пушки БМП. Темп стрельбы наращивался. Броня пыхнула солярой и задом выехала из своих бетонных капониров.

Все двинулись. Минометчики не переставая швыряли мины по домам. Ускорились, пехота уже бежала за бортами БМП. Пушки, развернутые в разные стороны, палили на ходу и с коротких остановок. Вот она, подбитая техника. Трупы наших убитых накануне солдат начали забрасывать наверх брони. Мы с майором, пригибаясь, подбежали к грузовику со взрывчаткой. Я подпрыгнул, уцепился за борт и заглянул вовнутрь: стандартные военные ящики, занимают полкузова. Майор повис на борту рядом со мной.

— Ни хрена себе, а у нас проводов раз два и обчелся, а если толкать машину дальше, то до блока нам вообще не хватит, что делать-то?

К нам побежал боец с сумкой минера на боку — видно, тот самый сапер.

— Товарищ майор, давайте я трубкой зажигательной все это дело подорву, у меня есть «зэтэпэшка» на триста секунд.

На том и порешили: за пять минут пехота успеет отойти к себе, а мы запрячемся в каком-нибудь домишке. Боец-сапер запрыгнул в кузов, что-то сделал там, выскочил, держа в руках моток тонкого фала. Фал он привязал к кольцу зажигательной трубки и намеревался выдернуть его, когда грузовик куда-нибудь затолкают. Планы менялись, как обычно, внезапно: черт знает, подойдут боевики или нет за тот короткий промежуток времени, пока горит трубка, но все равно рванет знатно. Один из офицеров пехоты забрался в «урал» и начал выкручивать руль. Одна из «бэх» разогналась и, врезавшись носом, смяла борт кузова и начала толкать грузовик по дороге. Пехотинцы неслись за броней со всей возможной скоростью. Боевики опомнились и начали поливать огнем пулеметов и автоматов бегущую пехоту. Броня огрызалась выстрелами пушек, бойцы палили по сторонам. Грузовик, толкаемый «бэхой», набрал приличную скорость, офицер, сидевший за рулем, выпрыгнул и, тяжело поднявшись,

прихрамывая, побежал к своим, под прикрытие бортов бронетехники. Фал в руках сапера натянулся, и боец со всей дури рванул его на себя.

— Отходим! — раздались истошные крики.

Пехота, огрызаясь, начала откатываться назад к своему блоку, минометчики снова начали сыпать минами. Мы ломанулись в какой-то переулок и попадали в канаву возле забора из сетки-рабицы. После того как я шлепнулся в какие-то отложения грязи и начал полушепотом проводить перекличку, мимо нас протопало человек пятнадцать, с криками и воплями умчавшихся в сторону поворота. Прекратив перекличку, я начал про себя отсчитывать секунды. Грохнуть должно было вот-вот. Криков мотострелков слышно уже не было. Мины еще кучно ложились где-то невдалеке от нас. Секунды тянулись, словно резиновые, меня даже начала бить мелкая дрожь в ожидании взрыва. Может быть, боец-сапер что-то неправильно сделал, или капсюль-детонатор выскочил при тряске, или еще что-то случилось. Пока я судорожно размышлял, грохнуло так, что заломило в ушах, в соседних домах посыпались стекла, и нас осыпало всяким мусором. На несколько секунд даже стало тихо, и был слышен только шум боя в центре города.

Надо было выбираться из этой канавы и пробираться в свой район, который нам обрисовали на карте. Отсюда совсем недалеко — надо пройти несколько проулков, пару улиц, и мы на месте. Плохо только одно: вместо полюбившихся нам больших многоэтажных зданий нам придется идти в районе частных домов. Полежали, осмотрелись, встали и пошли. Связист протянул мне тангенту. На связи, помимо нашего пункта управления разведкой, находился и майор, помогавший нам с выводом группы.

Осведомившись, как у нас дела, он пожелал удачи, пообещал всевозможную поддержку и ушел с частоты. Двигались очень осторожно, чуть ли не в полуприседе, вдоль заборов домов, частенько залегали и осматривались.

Возле одного из домов забрехали собаки, мы скоренько ретировались и упали за какой-то кучей песка. Из дома кто-то вышел, гортанный женский голос прикрикнул на собак, все успокоилось, и мы продолжили свое движение все дальше и дальше, приближаясь к району поиска.

Головной дозор остановился, сквозь далекие звуки выстрелов послушался шум подъезжающей машины. Где-то среди проулков заметались лучи фар. В нашу сторону кто-то ехал. Пришлось забраться в какой-то сарай в глубине старого неухоженного двора и наблюдать. По улице мимо проехало несколько автомобилей. Первым ехал ГАЗ-66 и тащил за собой на прицепе какую-то

пушку. За «шестьдесят шестым» ехала пара УАЗов и одна «нива». Автомобили остановились неподалеку от нашего укрытия. Наружу выскочило несколько темных фигур, в несколько секунд выставили забор, и грузовичок с пушкой заехал вовнутрь. Из кузова выпрыгнули еще люди и начали развертывать орудийную позицию. Боевики, выпрыгнувшие из других автомобилей, начали организовывать наблюдение и оборону. Несколько человек ушли в том направлении, откуда только что пришли мы. Ну что же, попробуем воспользоваться помощью минометчиков с блокпоста. Я залез под развернутую замкомгруппы плащ-палатку, достал план и засветил фонарик, минуты две прикидывал координаты. Слава богу, еще на посту я на всякий случай перерисовал у пехотных минометчиков их плановые цели, которые они пристреливали, готовясь к ночной вылазке, так что ориентироваться было просто. Под плащ-палатку просунулся связист и тихо-тихо забубнил в тангенту. Мотострелки с блокпоста были на связи. Майор быстренько просек ситуацию и посоветовал нам валить куда подальше, потому что за мины и точность их попадания он не ручался. На все про все он дал нам ровно пять минут. А покинуть гостеприимный сарайчик мы не могли: рядышком шарахалось охранение духов, и нас могли заметить.

Надо было что-то решать: ситуация создалась патовая. Кипрачев и Ежов обшарили сарайчик и со всей осторожностью выломали несколько гнилых досок. Можно было лежа протиснуться. Один за одним мы стали ползком выбираться наружу и отползать в чахлый садик, под деревья. Последним выполз Паша. К сараю, услышав шум, начали приближаться боевики, о чем-то вполголоса переговариваясь. Первая мина грохнулась рядом с сараем, разметая его в клочья. На головы посыпались щепки и комья подмерзшей земли. Боевики на позициях возле пушки заорали. Вторая мина прилетела прямо в машины, стоявшие возле двора. «Ниву» перевернуло набок, уазики нещадно посекло осколками. Мы рванули с положения лежа дальше, в безопасные дворы. Третьей миной накрыло орудийный расчет боевиков. Разбираться, что там произошло, как-то не хотелось. Хотелось уйти подальше: минометчики мотострелков «играли концерт» по полной программе и указанный мною квадрат обрабатывали методично и не жалея боеприпасов.

Сгинуть всей группой под своим дружественным огнем не очень-то хотелось.

Головной дозор на бегу с размаха влетел в какой-то дворик. Ежов, бежавший впереди, споткнулся и свалился в канаву.

Понарыли посреди сада всяких канав, нормальным разведчикам пройти невозможно. Канава оказалась полнопрофильным окопом, с перекрытиями и ходами сообщения. Запрыгнули в окоп. Начали осматриваться. Позиция отрыта очень удобно. Фронтом окоп выходил на сетчатый забор, сквозь который прекрасно, даже в темноте, просматривалась широкая улочка. Можно вести огонь по наступающим вдоль улицы подразделениям, а потом по ходам сообщения отходить в глубь сада. Рядышком с окопом добротный двухэтажный дом красного кирпича. Подведены какие-то трубы, то ли газ, то ли вода. Где-то в глубине через незастекленные окна виден отсвет мерцающего синего огонька. Кто-то есть. Или мирные жители, решившие не покидать свой недостроенный дом, или какое-то дежурное подразделение противника. На крыльце показалась плотная мужская фигура. Точно боевик. В руках какое-то оружие. Незнакомец спустился с крыльца, крадучись отошел от дома и начал вслушиваться в минометные разрывы, гремевшие совсем неподалеку. Пехота разошлась не на шутку, разрывы начали приближаться. Незнакомец рысью бросился к дому, что-то крича на ходу. На крыльцо выскочило еще несколько человек. Первый что-то быстро залопотал, остальные, прислушавшись к разрывам, все, как один, бросились к занимаемому нами окопу. Мы их сюда не приглашали и заняли место первыми. Тесниться тут не собираемся.

Бегущие очень хорошо были видны на фоне неба, вспыхивающего росчерками трассеров.

Мои бойцы уже давно были готовы открыть огонь и ждали только команды. Бежавших к окопу боевиков расстреляли почти что в упор. Звуки выстрелов скрыл грохот разрывающихся мин. Боевики скорчились в паре метров от нас, так и не добежав до укрытия. Пришлось вызывать блокпост мотострелков и просить прекратить огонь. К моему удивлению, наши друзья пехотинцы огонь уже прекратили, а кто обстреливал район, где находились мы, им было неведомо. Какие-то доброхоты из наших федералов засыпали район поиска минами. Вот так всегда: сколько все ни согласовывай, все будет наперекосяк. Да и откуда им знать, что здесь, кроме боевиков, шляется моя неприкаянная разведгруппа, надеющаяся благополучно вернуться в пункт временной дислокации.

Пара мин грохнула по домику, обрушив один угол и тщательно отделанный фасад с колоннами. Потом, уже через несколько месяцев, служа в другой части, я, странствуя со своей ротой по подгорьям и горным районам республики, начал различать постройки частных городских домов в Грозном и в селах. В Грозном дома обычно строились по более европейском

типу, в один-два этажа, в селах дома строились с большим внутренним двориком с навесами с боков и с мужской и женской половиной, более мусульманского типа.

Доброхоты-минометчики (а может, и артиллеристы) перенесли обстрел куда-то в глубь квартала, и мы, выпрыгнув из окопчика, обшарили убитых боевиков и решили досмотреть дом, устоявший под взрывами. Ежов с Кипрачевым по отработанной схеме нырнули в дверной проем. Через несколько минут выглянул Еж и знаками показал: чисто.

Первый этаж был более-менее достроен, постелены дощатые полы. Второй этаж имел только кирпичные стены и полы, усыпанные опилками. На первом этаже на просторной кухне стоял стол с остатками какой-то еды и горела газовая печка, которую уходившие боевики поленились выключить.

А вот из кухни куда-то вниз, в подвал, вела хорошая деревянная лестница. Головная пара осторожно начала спускаться вниз. Раздались какие-то крики, однако выстрелов не последовало. Пришлось самому спуститься вниз. В подвале было намного теплее и светлее от тех же самых газовых горелок. Кипрач и Еж держали под прицелом несколько сгорбленных фигур, забившихся в угол и прикрывающих головы руками. Какие-то старые, грязные, седые мужики в обносках. На вид совсем не чеченцы. Увидев меня, они зашевелились и, с боязнью косясь на автоматы, начали нести какую-то чушь.

На боевиков не похожи, скорее всего, какие-то бомжи или рабы, впахивающие на своих хозяев.

Так оно и оказалось: мужики были местные, из русских. Проживали себе спокойно до войны, трудились кто где. Перед началом войны уехать не успели. Во время бомбежек потеряли кто родственников, кто жилье. Их всех, по одному, кого откуда, повыдергивали боевики и заставляли рыть окопы, строить завалы в городе, изредка кормили всякой дрянью, кого-то просто так пристрелили, кто-то сам умер или попал под бомбежку или удары артиллерии. Боевикам они были нужны как бесплатная рабочая сила, нашим властям они были не нужны вообще. Поговорив немного с бедолагами и успокоив их, я выдернул одного наиболее смышленого и начал расспрашивать про то, где они работали. Мужик по образованию оказался в прошлом архитектором и вполне толково указал на моем плане, где и какие работы они выполняли. Указал несколько мест, где копали окопы, завал делали в основном ближе к центру города. Получалось, в нашем районе поиска оборона носила очаговый характер. Ближе к центру, если судить по рассказам бывшего архитектора укрепления, посерьезней. Мы и сами видели, как

оборудованы дома для ведения боя в городе. Значит, есть несколько колец обороны. Что же, тактика вполне оправдывающая себя. Боевики перед вводом наших войск спокойно обстреливают колонну из заранее подготовленных мест и укрытий. Спокойно уходят в другой район, отрабатывают там и снова уходят по заранее отработанной схеме. За каждый сектор обороны отвечает какой-нибудь полевой командир, действующий в тесном взаимодействии со своими соседями. Найденные нами мужики толком никого не могли назвать, так как их постоянно перебрасывали с одного места на другое. Они и нынешних своих «хозяев» толком не знали. Одного из них, по всей видимости, старшего, звали Ризван, и этот дом вроде бы принадлежал ему. Больше полезной информации выудить не удалось. Мы пообещали мужикам не трогать их и не расстреливать. Пусть идут себе с богом на все четыре стороны. Однако найденыши никуда идти не пожелали и сказали, что пересидят ночь здесь, а потом посмотрят по обстановке. Среди запасов боевиков нашлось кое-что из съестных припасов и вооружения. Пистолет-пулемет местного производства, гордо именуемый «Борз», меня ничуть не удивил, хрень еще та. Наш старый добрый АПС намного лучше. А вот пояс с камуфлированными подсумками и удобными плечевыми лямками с кармашками под гранаты мне очень понравился. Свой старый «лифчик» афганского варианта я отдал связисту, а сам в ожидании ночного ужина и чая, приготовлением которых занялся Паша, принялся примерять обновку. Попозже «разгрузки» войдут в моду, их будут выменивать у МВДшников, шить сами. Частные фирмы начнут шить всякие «Выдры» и «Тарзаны», заламывая несусветные цены за сомнительного качества «товарец». Но такой разгрузки я больше ни у кого не встречал. И лишь в 2000 году, во Вторую чеченскую кампанию, такие «разгрузки» войдут в моду под названием «пояс тактический». Я же приобрел такую штуку совершенно бесплатно в январе девяносто пятого года благодаря его величеству случаю.

Паша рассортировал все найденные съестные припасы по степени их аппетитности и срокам хранения, кое-что распихал по рюкзакам разведчиков, из остального начал готовить ужин, нещадно эксплуатируя найденных нами мужиков.

Поужинали каким-то горячим варевом, запили домашними компотами и чаем. Мужики, получив от моих разведчиков пачку «Примы», с радостью курили, жадно затягиваясь и щурясь от удовольствия. Много ли надо человеку в таких скотских условиях. Поел, попил, покурил, бить тебя никто не собирается, вроде как бы и будущее немножко прояснилось — вот оно, счастье, и не надо других благ цивилизации.

Выйдя из дома и выставив секреты, я снова осмотрелся по карте и вышел на связь. На этот раз с пунктом управления связь была приличная, мотострелки тоже живо откликнулись. По связи я доложил свои координаты, по переговорной таблице попытался довести до начальства свои умозаключения по поводу организации обороны в данном районе города. Поняли меня или не поняли — плевать, главное, чтобы мой доклад отметили в журнале поступающих донесений и мы снова вернулись с задачи живые и здоровые. Тем более душу грело осознание хоть какого-то доброго дела, сделанного за эту войну.

Немного обмозговав и еще раз переговорив со штабом, я принял решение устроить в подвале дома базу и работать с нее, ведя разведку «на себя». Связь с прикрывающим нас блокпостом есть, домик и двор вполне неплохо подготовлены к обороне. Половина группы будет выходить на разведку окрестностей, другая половина — сидеть в резерве. Жаль, конечно, что у нас нет средств связи внутри группы — так бы выполнение задачи намного облегчилось. Свои размышления я поведал замкомгруппы. Паша, конечно же, согласился. Еще бы не согласиться: не надо идти куда-то в ночь, мыкаться по окопам и развалинам. Здесь есть хоть какая-то определенность. Обговорив еще пару деталей со своим заместителем, я взял с собой Григоровича, Ежова и Кипрачева. Кратко пояснил порядок действий. Нагрузились по минимуму. Ровно в час ночи вышли. На себя мы напялили, поверх горных костюмов, бушлаты боевиков, а Григорович водрузил на голову норковую шапку. Наглость — второе счастье, она нам уже пару раз помогала, думаю, и в этот раз не подведет. Пройдя пару домов, мы свернули в переулок, и тут меня словно стукнуло в голову. Я ЗНАЮ ЭТО МЕСТО!

Сейчас будет массивный кирпичный гараж с кирпичным забором, возле гаража высоченный тополь. Да, точно, вот он, тополь, вот он, гараж. Здесь, в этом переулке, жил один из наших старых знакомых, бывший сослуживец отца по сорок второй учебной дивизии. Прапорщик дядя Леша из службы артиллерийского вооружения, спокойный рассудительный мужик, любящий выпить и способный починить все на свете, от танковой пушки до утюга. Мы частенько приезжали к нему в гости. Интересно, что с ним сейчас, жив он или сгинул, а может, уехал в Россию? Сразу же захотелось узнать, но пришлось пересилить себя и двигаться дальше. Маршрут теперь стал более знаком, и тот домик, на плане обозначенный всего лишь маленьким квадратиком, был всего-навсего магазином через улицу. Магазин я обозначил как конечную точку маршрута, до которой планировал дойти. Дошли спокойно, без каких-либо

неожиданностей. Возле магазина обнаружили небольшое скопление военной техники. Два БМП, одна МТ-ЛБ и куча народа. Высовываться мы не стали и, притаившись за железной коробкой гаража-ракушки, принялись наблюдать. БМП были, скорее всего, из захваченных у нас. На броне сидели боевики в белых маскировочных халатах. Народ, толпившийся вокруг, что-то живо обсуждал. Надо было быстрее отходить на базу и давать координаты скопления бронетехники и боевиков. Мне опять стало до слез обидно: ну почему нам не дали еще одну радиостанцию? Сейчас вопрос наведения минометного огня и огня артиллерии занял бы всего пару минут. Мы находимся на прекрасной наблюдательной позиции. Местность я прекрасно знаю, уйти можем легко и красиво, и хрен когда они меня здесь поймают. Не они одни здесь местные. Все-таки память странная штука, ничего не помнил, и — раз! — все всплыло в памяти ярко и отчетливо. Все проулки и переулки, по которым мы бегали, играя в войнушку. Вспомнился даже тайный лаз под гаражами неподалеку от магазина. Можно было, не оббегая улицу по кругу, нырнув в старую канализационную систему, пробежать под гаражами и оказаться совсем на другой улице…

Площадка перед магазином огласилась криками, БМП завелись и упыхтели, волоча на жесткой сцепке незаведшийся тягач. Толпа, еще немного покричав, поплелась за техникой. Мимо нас прошло несколько человек, кто в пальто, кто в военном бушлате. У кого в руках автомат, у кого охотничья винтовка. Идут как на работу, скорее всего, в центр города — туда, где не прекращаясь гремит бой. Немного подумав, я скомандовал, и мы, поднявшись, последовали за ними, держась чуть поодаль и стараясь не попадаться никому на глаза.

Таким образом мы, пройдя, по моим расчетам, еще около километра, оказались на широкой перпендикулярной нашему движению улице. Толпа, за которой мы следовали, пропала из виду. Я попытался вспомнить, что же это за улица. Однако подлая память решительно отказалась сотрудничать. Григорович высмотрел табличку на одном из домов и объявил, что мы вышли на улицу Филатова. Ага, если вспомнить получше хотя бы план города, то, пойдя вправо, мы снова упремся в железную дорогу и дойдем до Комсомольского парка.

Скорее всего, боевики ушли в сторону проспекта Ленина и будут выдвигаться в сторону улиц Привокзальная и железнодорожного вокзала, где сейчас, по сведениям, сообщенным мне в штабе, ведут бои самарцы и майкопцы. Площадка перед магазином, скорее всего, служит сборным пунктом личного состава и техники перед отправкой на

выполнение задач. Надо все-таки добраться до своей базы и на сеансе связи дать координаты площадки для запланированных целей артиллерии. Вернулись мы на базу ровно в три часа ночи. Фельдшер, стоявший на «фишке» и носившийся по сторожевому окопчику, словно укушенный пчелой пес, радостно взвизгнул и доложил, что все без происшествий, радостным шепотом. Разведчики, свободные от дежурства, дрыхли в обнимку с автоматами и пулеметами. Найденные нами мужики валялись на полу и звучно храпели.

Паша не спал и, по всей видимости, страшно переживал, хотя виду и не подал. Времени было начало четвертого, и я решил послать на разведку местности вторую подгруппу вместе с Ежовым, уже более-менее знакомым с местностью. Разведчики проснулись, попрыгали на месте, разгоняя сон. К выходу были готовы через две минуты, так как спали в снаряжении, оставили только рюкзаки и ждали, пока Ежов попьет чая и покурит всласть.

Еще раз дав указания по поводу доразведки площадки возле магазина, я приказал также пройтись сначала в ту сторону, откуда мы пришли, досмотреть по возможности место, где боевики пытались установить пушку, а потом следовать по намеченному маршруту. Проводив подгруппу, я распинал связиста, мирно подремывавшего в уголку возле газовой горелки в обнимку с радиостанцией. Чудо чудное, диво дивное: связь на этом выходе меня бесконечно удивляла и радовала. Дав пункту управления координаты сбора техники и координаты предполагаемых маршрутов выдвижения боевиков к местам боестолкновений, я согласовал огонь артиллерии по запросу, вызвал на частоте мотострелков прикрывавший нас блокпост. Уставший надтреснутый голос связиста сообщил мне, что «Янтарь» спит, и спросил, будить его или нет. Интересно, как это удалось уснуть майору в такой суматохе; или он просто свалился от усталости? Меня самого постоянно омывали теплые волны сна, и я клевал носом. Чтобы не заснуть, вышел, сменил «фишку» и посмотрел на небо, еще даже не начавшее сереть.

Через час прибежала запыхавшаяся подгруппа и, с ходу влетев в окоп, заняла оборону.

— Паша, что у тебя случилось, давай не томи! — начал я дергать заместителя.

— Командир, спалились! Там духи на БТРе возле магазина стояли и еще какая-то толпа, у них там, оказывается, патрули еще ходят, так вот, какие-то чичи нас заметили, давай орать и палить по нам. Вроде оторвались, но тут где-то этот БТР поблизости гоняет, то ли нас высматривает, то ли выехать куда-то хочет.

— Да, ругать тебя сейчас бесполезно, да и смысла нет, давай

группу из дома всю сюда. И там, видел, в углу духовский РПГ-седьмой лежит и портплед с гранатами? Его тоже сюда тащи.

Через минуту я вгонял гранату в ствол в РПГ и скручивал колпачок. Где-то зарычал движок, нет, зарычало два движка, и на улицу вполз БТР-60, на котором, словно на базаре, восседала толпа боевиков. Они оживленно горланили, перекрикивая рев движков, и палили из автоматов по дворам. Никто даже не удосужился слезть с брони. Что-то это мне напоминало. Рассредоточив первую подгруппу в окопе, вторую подгруппу, увешавшую себя одноразовыми «Мухами», во главе с Пашей я послал на позиции, оборудованные с другой стороны дома. Как оказалось позже, Паша поступил намного лучше: обогнув со своей подгруппой дом, они повалив забор, перебежали на другую сторону улицы и залегли в дворе на противоположной стороне от наших позиций. А Кипрачева с пулеметом закинули на крышу гаража.

БТР и стреляющая толпа приближались. Я, привстав над окопом, поймал в механический прицел серо-зеленый дергающийся борт, показавшийся в рассветной мути между деревьев и вынырнувший из-за угла одноэтажного частного дома.

Граната бахнула реактивной струей и, чудом не задев деревья, впилась в корму.

— А-а-а-а-а! — заорали чеченцы и принялись лупить в белый свет как в копеечку.

По всей видимости, граната повредила один из движков. И БТР, вытягивая на одном, пытался проскочить простреливаемый участок. Вдогонку я послал вторую, но бесполезно, граната грохнула об угол дома. БТР показался весь в прямой видимости.

Моя подгруппа заработала из стрелкового, сняв несколько человек с брони. Водитель все же имел какой-то опыт и, выжимая последние силы из оставшегося движка, дал газу, проскакивая простреливаемую зону. Третью гранату я не успел никуда послать, хотя и целился под башню, чтобы хотя бы заклинить ее. Пашина подгруппа ударила с другой стороны одновременно двумя «мухами» — в нос и в левый борт. Третья граната прошуршала у нас над головами и разорвалась где-то среди крон деревьев. Кипрачев, встав в полный рост, расстреливал барабан своего пулемета почти что в упор по корчащимся на броне людям. И на этот раз нам повезло. У нас все целы, никто не ранен, мы уничтожили одну единицу вражеской бронетехники. Теперь я вспомнил, кого мне эти боевики, сунувшиеся на броне на узкие улочки, напомнили. Они напомнили мне нас самих и нашу колонну, так же расстреливаемую с разных сторон и с безопасных, заранее оборудованных мест.

Перегруппировались, досмотрели подбитый БТР. Старая, неухоженная машина, кое-как поставленная на ход. У убитых ничего интересного — стандартные наборы: автоматы, подсумки, магазины по карманам, гранаты и прочая чепуха. Но досматривать особо пристально времени нет, скорее всего, скоро здесь снова появятся боевики, надо прятаться.

Где-то через час, когда уже более-менее рассвело, к БТРу начали подходить какие-то люди, в том числе и женщины. Молча, без причитаний, убитых уволакивали. Я сидел в окопе, наблюдал за происходящим в бинокль и чувствовал себя как на раскаленной сковородке. Случайный взгляд в нашу сторону, и мы обнаружены. Однако все обошлось, жители пособирали трупы, уволокли оставленные нами без внимания автоматы и, не оглядываясь, разбрелись кто куда. Днем вести какие бы то ни было разведывательные действия было по крайней мере неразумно. Потихоньку перебрались в дом. Найденных нами «рабов» решили никуда пока не отпускать. Мало ли что может случиться, мужики и так забиты и запуганы. Попадут в руки боевиков и сдадут нас со всеми потрохами, а нам это ой как не надо, и так здесь находимся на птичьих правах.

Наблюдателей выставили на полуразрушенном чердаке; туда же и забрался связист.

«Найденыши», проснувшиеся от звуков недавнего боя, жались в углу и испуганно посматривали на нас. Вдруг мы озвереем и начнем вымещать свою злость на них?

Паша, занимавшийся хозяйственной деятельностью, недолго думая припряг «освобожденных» для различных работ. Кого-то заставил громоздить кирпичные завалы в широких коридорах дома, кого-то подрядил чистить картошку для завтрака. Я, разобрав трофеи, обнаружил несколько десятков противопехотных мин-«лепестков» ПФМок и пару ОЗМ-72. ПФМки были мне ни к чему, а вот ОЗМки вполне можно было использовать для выставления небольшого минного поля, дабы обезопасить подходы к своей цитадели.

Взяв в руки подкотельник с горячим чаем, я осторожненько поднялся на чердак к наблюдателям. Григорович равнодушно рассматривал окрестности в бинокль и смачно позевывал. Связист дремал в уголку, напялив на голову наушники. От моего пинка он проснулся, очумело помотал головой и включил радиостанцию.

На пункт управления на этот раз выйти не удалось. Зато наши друзья мотострелки живо отозвались. Проснувшийся «Янтарь» расспросил меня про обстановку и пообещал влупить по месту сбора техники боевиков, ежели группировочная артиллерия

игнорирует мои данные. Он поинтересовался, не собираюсь ли я обратно. В принципе, задача была выполнена и система обороны боевиков в этом районе более менее вскрыта. Можно и вернуться. Хотя если вернемся, то нам снова нарежут задачу, а того и гляди могут кинуть в центр города, а туда я как-то не очень стремился. Здесь, хоть и шастают боевики на БТРах, все равно как-то поспокойнее. Переговорив с начальником блокпоста, я побегал по частотам, послушал переговоры, доклады о «двухсотых», «трехсотых». Кому-то приходилось несладко, намного хуже, чем нам. Погибала целая бригада на вокзале, но я об этом как-то не задумывался. Попозже, когда мы уже работали в Ленинском районе города, события тех дней стали более-менее известны, но какого-либо отпечатка почему-то не оставили — видно, сильно был занят делами своего маленького подразделения и спасением своей шкуры и своих подчиненных. Задумываться над бойней в районе железнодорожного вокзала я стал намного позже, уже через несколько лет, когда началась Вторая чеченская, а так все было недосуг.

Изредка коротким «чш-ш-ш» снайпер привлекал мое внимание и подавал бинокль. По улицам сновали люди, женщины и мужчины. Несколько раз заметили передвигающиеся группки боевиков. Проехал ЗИЛ и остановился неподалеку от нашего пристанища. Подбежали женщины и несколько мужиков. Из грузовика начали вытаскивать раненых, обмотанных бинтами, кого-то грузили на носилки, кто-то, опираясь на помощников, выпрыгивал из кузова сам. Возле подбитого нами БТРа скопилась небольшая кучка боевиков, о чем-то переговариваясь. Осматривали повреждения, махали руками. Подъехал трактор, зацепил подбитую бронемашину и уволок куда-то в глубь двора, возле которого заглох БТР. Мне стало интересно, что с ним хотят сотворить. Я от любопытства осторожно вылез на плоскую крышу, украшенную по углам маленькими башенками. Отсюда стало видно лучше. БТР затолкали внутрь садика и начали маскировать его снятым штакетником и прочим мусором. Скорее всего, крупнокалиберный пулемет снять не смогли и решили устроить неподвижную огневую точку. Мои догадки вскоре подтвердились. Несколько мужиков с пилами принялись спиливать верхушки и ветки деревьев, закрывающие сектор обстрела башенным пулеметам. Все-таки надо было нам сотворить что-нибудь мерзопакостное с пулеметами, чтобы боевики не могли их использовать вновь. Однако не догадались. Придется ночью совершать вылазку и уничтожать огневую точку или при обстреле артиллерией с Ханкалы попытаться дать целеуказание минометчикам мотострелков. Сейчас разрывы грохали где-то

неподалеку от нас, в районе улицы Черноглебова, и обстрел улицы в нашем районе, а конкретно по скоплениям выявленных сепаратистов, мог навести тех на мысль, что где-то поблизости находится артиллерийский корректировщик. Да и мало ли что, вдруг они прослушивают наши рабочие частоты, и раньше времени вскрывать свое местоположение перед противником мне не хотелось. Приходилось просто ждать и наблюдать, фиксируя направления передвижения и количество вооруженных людей. Оставив наблюдателей, я спустился вниз. Надо было продумать порядок связи с людьми, находившимися на чердаке. В случае какой-либо опасности им некогда будет бегать вниз, да и перебежками можно случайно обнаружить себя. Ну почему в обнаруженных нами трофеях нет никакой завалящей радиостанции? Жаль, очень жаль. Зато нашелся длинный моток капроновой бельевой веревки. Пришлось размотать веревку и привязать к ложке, которую засунули в пустой казан и закрыли крышкой. Веревку протянули до наблюдательного поста. Я в двух словах объяснил Григоровичу основы «водолазной» азбуки, сколько раз и в случае чего надо дергать фал. Проверили, немудреная сигнализация работала исправно. Ложка глухо звенела в казане. Можно и позавтракать. Паша сварил большую кастрюлю картошки и приправил ее тушенкой. Позавтракали. Меня потихоньку разморило; отдав указания замкомгруппы, я прилег на матрас в углу и мгновенно задремал. Проснулся я часа через два. Разбудил меня фельдшер.

— Товарищ командир, вас Паша наверх зовет, там случилось что-то.

Ну конечно, глупо было надеяться на то, что ничего не случится и мне со спокойной душой дадут выспаться. Пришлось осторожно, по стеночкам, ползти наверх, на чердак, по деревянной лестнице. К дому с двух сторон приближались боевики. Приближались не планомерно, а просто досматривали местность. Одна группа приближалась по одной улице, другая группа двигалась навстречу ей по перпендикулярной. Встретиться они должны были минуты через две. Группа боевиков, двигавшаяся по улице, на которой подбили БТР, свернула к нашему дому. Может, просто посмотрят окопы в саду и пройдут мимо?.. Однако нет, двигались вполне планомерно в дом. Еще несколько минут, и они досмотрят двор и войдут внутрь. Видимо, это те самые боевики, у которых в этом доме находится база, которую мы нагло используем в своих целях, забыв все правила приличия и наплевав на имущественное право законных хозяев. Везти перестало. Боевики обнаружили трупы своих соратников в саду и начали их осматривать. Сейчас до них дойдет, что

смертельные раны нанесены не осколками от минометных боеприпасов, а огнестрельным оружием. Наверняка решат тщательно досмотреть дом. А тут мы сидим и блаженно улыбаемся во всю пасть. Перспективы встречи не радужные. Пришлось в срочном порядке вызывать минометчиков с блокпоста.

«Янтарь», на мое счастье, отозвался моментально, лишних вопросов задавать не стал: я еще держал тангенту в руках, когда в воздухе засвистели мины. Начало грохать совсем неподалеку от нас. Пара разрывов посреди улицы. Меня попросили навести и дали дымовой. Я, как мог, начал корректировать. Мины одна за другой начали хлопать вокруг домика. И тут, как обычно, внезапно подключилась артиллерия с Ханкалы. На перекрестке улиц ужасно грохнуло, с дома, стоявшего возле самого перекрестка, волной взрыва снесло крышу, по всей улице начало вышибать стекла. Боевики, подходившие к дому, попрыгали в окопы и затаились. Я попросил минометчиков прекратить огонь. Мины сыпаться перестали, а вот артиллеристы продолжали бесчинствовать, перенося огонь все дальше и дальше, в районы улиц Филатова и проспекта Ленина. Начинало твориться что-то непонятное. «Янтарь» со связи пропал и не отзывался. Боевиков тем временем на улице начало прибывать. Я отметил еще несколько группок, передвигавшихся перебежками вдоль улиц. Где-то в отдалении послышался рев техники и автоматно-пулеметная стрельба. Какое-то подразделение федеральных войск вело наступление вдоль параллельных улиц. Мне даже показалось, что среди грохота и свиста слышатся крики «ура». Фантасмагория времен Великой Отечественной?..

Вроде бы о наступлении на этом участке меня никто не предупреждал. Да и вообще меня мало о чем предупреждали, не велика птица. Но неизвестное подразделение наших войск может ведь спокойно в пылу сражения разнести нашу «базу» к чертям собачьим, а нас самих, приняв за боевиков, банально перестрелять. Да и как-то не хотелось нам лишаться столь уютного убежища. Стрельба все приближалась. Боевики перестали мельтешить и сгруппировались в домах и дворах, почти что напротив нас.

Минут через двадцать бой переместится к нам, и, чувствую, придется что-то предпринимать. Группа разместилась по всему дому, я назначил огневые точки и распределил сектора обстрела; оставалось только ждать. Самим ввязываться раньше времени в бой и обозначать себя на местности не имело смысла. Связист и фельдшер развалились рядышком со мной на крыше и зыркали по сторонам. Так как у связюгана были свои задачи, фельдшер

прикрутил стартовые заряды к гранатометным выстрелам, скрутил колпачки и был в готовности действовать по моим командам. При приближении федералов неподвижная огневая точка, сооруженная боевиками из подбитого БТРа, вступит в перестрелку, поэтому будет крайне необходимо ее нейтрализовать и уничтожить. Стрелять я буду с удобной позиции, БТР хоть и замаскирован, но для меня башня прекрасно просматривается. Если удастся, то я с первого выстрела снесу эту башню к чертям. Расстояние нормальное, граната успеет взвестись, да и промахнуться весьма затруднительно. Но пока еще не время: будем ждать, вслушиваясь в отзвуки выстрелов и крики. В ожидании время тянется, как резина. Я уже достаточно перенервничал и в нетерпении вскидывал трубу гранатомета на плечо, целясь в механический прицел в башню. Сколько можно ждать! Впечатление, что боевики, организовавшие засаду напротив нашего дома, тоже начали нервничать. То и дело на дорогу посреди улицы выбегали фигурки, всматривались куда-то и вновь ныряли во дворы. Бой переместился сперва куда-то вправо от нас. Немного затих. Я с облегчением перевел дух. Однако зря. Бой внезапно возобновился совсем рядом. По улице пробежали фонтанчики от пуль. Неподалеку от нашего убежища начали грохать разрывы от подствольных гранат. Пришлось чуть высунутся и наблюдать через бинокль за дальним концом улицы, где разгорался с новой силой огневой контакт. Ага, вот, заметил!..

Приближенные диоптриями бинокля фигурки бойцов, перебегающие и палящие из автоматов внутрь дворов и по домам. Сзади на небольшом удалении виден БТР-«восьмидесятка». Интересно, кто же здесь ведет наступление, какая из частей федеральных сил? Почему «Янтарь» не выходит на связь? Может, он смог бы прояснить ситуацию и сориентировать меня в сложившейся обстановке. Только я подумал про пехотного майора, как связист начал дергать меня за штанину и совать мне в руки наушники с тангентой.

На связи был пункт управления разведкой. Связь была архихреновая, просто никудышная.

Кто со мной говорит, я так и не понял. Корреспондент попытался передать мне какие-то сведения, постоянно пропадая с частоты. И пока я разбирался, что к чему, заработал КПВТ боевиков. Сунув готовую к применению гранату в руки фельдшеру, я схватил гранатомет и, привстав, поймал цель в прицел. Чуть задержав дыхание, открыл рот и нажал спуск.

Б-б-ба-ах. Граната ушла и, проскользнув между деревьев, грохнула прямо в башню, разметав набросанные на нее ветки.

Еще не отойдя от хлопка выстрела, я быстро присел на колено и заорал фельдшеру:

— Вторую давай, х…и рот открыл!!

Боец испуганно встал на колени и начал запихивать выстрел в ствол. Все, шпенек на гранате вошел в паз. Готово. Я снова подскочил. Еще выстрел. Еле успел упасть. В кирпичный парапет крыши застучали пулеметные и автоматные очереди. Кирпичная крошка запорошила мне глаза. Там, где стоял БТР, что-то грохнуло, и в небо поползол столб черного жирного дома. Надо отдать должное: боевики быстро сообразили, откуда был подбит их бронеобъект, и начали интенсивный обстрел дома с различных точек. Высунуться наружу и отвечать своим огнем не было никакой возможности. В кирпичный парапет прилетела пара гранатометных выстрелов. Один из участков парапета снесло. Связиста присыпало кирпичами и цементной крошкой. Он привстал на колени и начал бешено махать головой, держась за уши. Наверняка контузило. Надо смываться с этой крыши, иначе нас тут закидают гранатами из подствольников и добьют из одноразовых «Мух». Ползком, схватив за ремень радиостанцию и напялив на себя наушники, я подобрался к выходу и сполз на лестницу. Бросив радиостанцию подоспевшему Паше, я снова выбрался на крышу — помогать фельдшеру затащить потерявшего сознание связиста. Только мы втащили его на лестницу и отдышались, в крышу снова что-то грохнуло, и лестница под нами проломилась. Я даже рот не успел открыть, как вместе с деревянной лестницей грохнулся на второй этаж. Сверху на меня одновременно грохнулись фельдшер со связистом. В глазах закрутились звездочки, в голове неприятно загудело. Вдогонку мне на голову приземлился какой-то деревянный обломок. Чуть было не отключился, однако сдержался и потихоньку начал приходить в себя. На спину больно давило чье-то колено. Пришлось, перекрикивая грохот и шум взрывов, обматерить бойцов, взгромоздившихся на мою многострадальную спину. Подскочивший Паша раскидал обломки лестницы и помог всем троим перебраться в комнату. Связиста положили в уголок. У меня носом пошла кровь, и пришлось утереться рукавом горки. Фельдшер в мгновение ока вытащил из сумки какой-то ватный шарик и попытался засунуть мне его в нос. Так как кровь не унималась, пришлось подчиниться и дышать сквозь цементную пыль одной ноздрей. Оставив фельдшера заниматься связистом, я подполз к окну, выходившему на улицу. Удалось выглянуть одним глазом и сразу же нырнуть под защиту кирпичного парапета. Меня обстреляли с нескольких сторон. Если бы я разевал рот еще минуты две, то меня бы продырявило с

нескольких направлений. Снова пришлось пожалеть об отсутствии такого простейшего прибора наблюдения, как труба разведчика. Высунул и наблюдай себе спокойно, не беспокоясь о сохранности своей собственной головы.

Как удалось заметить, стреляли по нам не столь уж и прицельно, просто создавалась высокая плотность огня по объекту, то есть по нашему домику. Плотный огонь велся еще минут пять. Потом стал постепенно стихать и перемещаться в глубь дворов. На этот раз на окопы возле нашей «базы» никто не покушался. Боевики отходили куда-то в глубь улиц.

Как только боевики прекратили обстрел, на улицах послышались бессвязные крики и матерщина. Где-то совсем поблизости ревела боевая техника. Подошло какое-то подразделение федеральных войск. Высовываться и показываться на глаза своим пока не имело никакого смысла. Наши могли в горячке боя, приняв нас за боевиков, просто перестрелять, особо не заботясь о том, кто мы такие.

Связист благодаря стараниям фельдшера пришел в себя и тихонько блевал в уголку, покряхтывая и непрерывно стеная. Фельдшер подполз ко мне и, не обращая внимания на мои протесты, запихнул мне в ухо ватный тампон, смоченный какой-то вонючей жидкостью.

По лестнице заполз очумевший Паша и помотал из стороны в сторону головой, обрызгав меня каплями крови. Моему заместителю рассекло осколком бровь и досталось кирпичной крошкой по глазам.

— Нормально на низу все! — прокричал он мне на ухо. — В подвале вообще все тихо, стены непробиваемые, но на первом этаже планировочка нарушена!..

Паша поморщился и попытался зажать пальцами рассеченную бровь. Подскочил фельдшер и, несмотря на словесные угрозы, довольно ловко смахнул куском ватного тампона кровь и, зажав голову старшего сержанта под мышкой, из какого-то тюбика выдавил бесцветную жидкость, заклеил рану и, получив чувствительный удар в фанеру, откатился в сторону.

Теперь предстояло показаться на глаза своим и дать себя опознать. Иначе через некоторое время начнется зачистка, и нам может не поздоровится.

Проблему решили просто: мои бойцы, пошептавшись между собой, начали ни с того ни с сего громко орать: «„Спартак“ — чемпион, „Спартак“ — чемпион!».

На улице неизвестные федералы для проформы постреляли по сторонам, не понимая, откуда идут крики, потом криками предложили нам выйти наружу и показаться.

Самому идти ужас как не хотелось. Но пришлось, пересиливая себя, встать и спуститься на первый этаж. Поставив задачу наблюдать за мной и всеми моими передвижениями, я повесил свой РПК-С на грудь и, задрав руки вверх, заорал:

— Иду-у-у, смотрите, иду-у-у!..

Выйдя из дома, я, перепрыгивая груды мусора и окопы, побрел к сетчатому забору, слегка задрав руки вверх, крича во все горло и ожидая пули то ли от своих, то ли от боевиков.

Часть вторая

Глава 6

Возле закопченного БТРа-«восьмидесятки» стояла группка бойцов в касках и черных бронежилетах. Увидев меня и услышав, все дружно повернули стволы в мою сторону. Кто-то очень нервный с перепугу выстрелил. Пули вспахали землю буквально в нескольких сантиметрах справа от меня. Пришлось остановиться и заорать:

— Идиоты, а если я тоже перенервничаю и начну по вам палить?

— Б…, ты кто такой грозный? — заорали мне в ответ.

— Свой я, лошадь недавно в овраге доел, к вам пришел…

Неизвестные бойцы заржали, и мне позволили подойти. Неизвестные оказались бойцами из какой-то части Внутренних войск. Командовал ими моложавый капитан в камуфляже без бронежилета и в каске-«сфере». Узнав, кто мы такие, он взял с собой пять человек бойцов и двинулся со мной — осмотреть наше убежище и удостовериться в том, что я его не обманываю.

Осмотрев нашу «базу» и выслушав мой краткий рассказ, капитан поухмылялся, недоверчиво посмотрел на гражданских мужиков и сказал, что здесь рядышком, на перекрестке улиц, они выставят блокпост, и поэтому мы можем в случае чего обращаться к ним.

Минут через двадцать мои бойцы уже вовсю общались с ВВшниками, делились сигаретами и нехитрыми солдатскими сплетнями. Бойцы Внутренних войск себя называли очень круто — «бешеной ротой капитана Королева». Скорее всего, Королев и был тот капитан, который приходил вместе со мной на досмотр нашего убежища.

Я почему-то никогда не желал, чтобы мое подразделение называли «бешеным» или «диким». Мне было бы по душе, если бы мою группу называли «специалистами» или как-нибудь еще; название «бешеные» как-то отдавало махновщиной и неуправляемостью. Может быть, так меня приучили в училище или на первом месте моей службы, но о вкусах не спорят.

Минометов и какой-либо артиллерии у представителей Внутренних войск не было. Я попытался было найти командира, того самого капитана, однако бесполезно. Необходимо было согласовать порядок выхода с вновь организованного блокпоста, маршрут возвращения, сигналы взаимного опознавания, вопросы взаимодействия и поддержки. Однако все было без толку. Какого-либо командования и управления подразделением я не обнаружил. Рота растянулась на пол-улицы. БТРы стояли вдоль

улиц, повернув стволы пулеметов в направлении близлежащих дворов. Какой-либо организации блокпоста я так и не увидел. Личный состав шарахался по домам, вышибая двери и разбивая окна. На броню стали загружать всяческую утварь, ковры. Изредка раздавались автоматные очереди и крики. Как же теперь выходить ночью на ведение разведки? Что будет, если «бешеные королевцы» начнут очередное наступление сами по себе? Поднявшись на крышу «базы», я обнаружил своего радиста, мирно посапывающего в обнимку с радиостанцией. Фельдшер доложил, что ничего страшного со связистом не произошло: дня два покружится голова, походит сонный и вялый, но не помрет и дар связной речи не потеряет. Пришлось, проявив человеколюбие и заботу о подчиненных, отобрать станцию и самому выходить на связь. Отозвались только мотострелки на перекрестке; недавно у них был бой, их атаковали со стороны лесополосы и частных домов, потом через них проходила колонна Внутренних войск, поэтому «Янтарю» было не до нас. Бравый майор лично переговорил со мной, был весел и уверен в собственных в силах; уверив меня в том, что я по первому запросу смогу получить любую поддержку, он отключился. Ну что же, при такой непонятной и быстроменяющейся обстановке поддержка «старых знакомых» была очень кстати, несмотря на полнокровное и боеспособное подразделение, находившееся рядом.

Сейчас заниматься какой-либо разведывательной деятельность не имело абсолютно никакого смысла. По дворам и проулкам шныряют бойцы «бешеной роты» — кто знает, какая у них задача. Командир подразделения не захотел иметь с нами никакого дела. Видимо, посчитал нас трусами прячущимися от боестолкновения в удобном и защищенном домике. Мои разведчики на претензии бойцов Внутренних войск наплевали и к запасам продовольствия в подвале никого не допустили.

Ну что же, будем отдыхать и ждать ночи: может быть, что-то прояснится и удастся наладить взаимодействие и какие-нибудь отношения с подошедшим подразделением.

Необычайно вкусно отобедав, я обошел свои маленькие «владения», еще раз указал, куда и в случае чего кто должен бежать, и, широко зевнув, завалился спать в подвале.

До самого вечера ничего не происходило. Где-то в центре города шли бои. ВВшники на перекрестке улиц неподалеку сооружали блокпост, жгли костры, куда-то стреляли. Оказалось, когда я спал, приходил капитан Королев и выяснял, кто подбил замаскированный во дворе БТР боевиков. Узнав от моих бойцов, что это сделал я, он вознамерился переговорить со мной и что-то выяснить. Однако Паша наотрез отказался меня будить. Вечером

я все-таки добрался до капитана и вкратце переговорил с ним.

Роты его батальона находились неподалеку, на соседних улицах, организовывали блоки и зачистку районов. Королеву удалось продвинуться дальше всех, и, по моему представлению, рота была немного в отрыве от основных сил. Связь с основными силами батальона была устойчивая, однако полностью отсутствовала артиллерийская поддержка.

Капитана это мало волновало. Боевой дух его подразделения был на высоте, сам ротный хотел с рассветом двинуть дальше вперед и к обеду достичь улицы Филатова. То, что мы там уже были минувшей ночью, показалось ему бредом и бахвальством. Однако мое предложение провести ночную вылазку в близлежащие районы он воспринял с энтузиазмом. Но, как оказалось, доверял он мне мало, поэтому выдвинул встречное предложение: выделить с десяток человек, которые пройдутся вместе с моей группой.

Лишние люди в слаженной группе мне не были нужны абсолютно, тем более район уже знаком. Однако от предложения капитана отказаться не представлялось возможным. Немного поразмыслив, я принял решение работать уже не группой, а разведывательным отрядом. Из своих я задействую только половину группы под своим командованием. Паша со своей половиной останется на базе. Я со своими разведчиками пойду в головном дозоре и связующем звене, ВВшники пойдут в основном ядре и тыловом дозоре.

Королев, выслушав мои предложения и немного подумав, одобрил и сперва даже вознамерился идти сам, однако потом опомнился, вызвал своего заместителя — немолодого и уставшего старшего лейтенанта — и приказал ему отобрать с десяток наиболее подготовленных бойцов для ночного рейда. Заместитель Королева выслушал и, спокойно кивнув, удалился. Договорились встретиться через час у бронетехники на организованном блокпосту. Я поплелся к себе готовиться к выходу, втайне мечтая о горячем душе возле кузова нашего КамАЗа и почесываясь. Почему на войне так часто хочется помыться?

Ох, как мне это не нравится. Сидели бы себе спокойно, потихоньку разведывали, а потом бы и ретировались обратно на Ханкалу, так нет же — доблестный капитан Королев вывел свою роту прямо на нас и не собирается на этом останавливаться. Скорее всего, командование группировки, учитывая новогодний опыт ввода войск, решило зачистить близлежащие районы, дабы в последующем, выставив блоки и заставы, обеспечить входящим колоннам прикрытие и поддержку. Конечно же, меня об этом никто предупреждать и не собирался, да и вообще, знают ли о

моем существовании?

Вряд ли, иначе, если бы что-то согласовывали и знали о том, что в районе работает разведгруппа, доблестные ВВшники при ведении наступления запросили бы информацию, поступавшую от нас, и вовремя воспользовались бы нашими услугами.

Хотя они, в принципе, и без нашей активной помощи (подбитый мною БТР они как-то в расчет не брали) довольно неплохо продвинулись в глубь района. Того гляди, на следующий день Королев действительно выведет свою роту на улицу Филатова, а там рванет через Сунжу на площадь Шейха Мансура — штурмовать дудаевский дворец.

Все неплохо, но, сидя в подвальчике и набивая барабан пулемета патронами, я все время мучился вопросом: почему рота батальона Внутренних войск, оторвавшаяся от своего батальона особого назначения, так просто взяла с наскока под контроль целую улицу и перекресток? Боевики ведь были вполне в силах устроить ловушку в тесных проулках и заросших деревьями дворах. Достаточно вспомнить колонну мотострелков и десантников возле кинотеатра «Россия». А ловушка, устроенная батальонам адыгейской 131-й бригады в районе Привокзальной и железнодорожного вокзала? По-моему, и сейчас там гремит бой. Нет, не может все быть так просто. Хрен с ним, с убежищем-базой, но, пожалуй, в ночь на задачу я выведу всю группу. А домишко с хорошим подвалом мы себе еще найдем.

Под вечер смутные сомнения меня окончательно доконали. Паша, бурчавший что-то себе под нос, распихивал «трофейные вкусности» по рюкзакам разведчиков и выпинывал на улицу наиболее рьяных «королевцев», желающих немедленно занять покидаемый нами дом.

Очухавшийся связист, страшно зевая и рискуя порвать рот, вызывал поочередно пункт управления разведкой и «Янтаря». Никто не отзывался, отсутствие связи начинало отдавать нехорошей тенденцией. В голову мне взбрело, что наше везение кончилось и надо ожидать чего-нибудь неприятного.

Несмотря на предложенный мною боевой порядок, ВВшники решили идти немного в отрыве от нас и по другой стороне улицы, держа на расстоянии прямой видимости наш тыловой дозор. Схема проведения ночного поиска, предложенная мною днем, поломалась окончательно.

Когда мы, выстроившись в боевой порядок, тихонько выдвинулись, наши вновь приобретенные «взаимодействующие» еще немного поорали друг на друга и, оповестив криками «Э-э-эй, подождите!», пошлепали вслед за нами.

Немудрено, что через полчаса мы потеряли следующих за

нами бойцов из роты Королева. Паша, следующий в тыловом, подбежал ко мне и доложил, что сзади нас никто не идет и абсолютно никто не отсвечивает. Пришлось разворачивать группу и пускаться на поиски отставших. Скорее всего, головной дозор следующей за нами группы потерял моих разведчиков из виду и свернул в первый попавшийся переулок. Стрельбы и криков в последнее время слышно не было, значит, будем надеяться, что все благополучно.

Однако, вернувшись метров на триста назад и обшарив пустынные проулки, мы так никого и не обнаружили. Ну вот, славно провели ночной поиск — потеряли целую группу из десяти человек. Сворачиваться и выдвигаться обратно к роте капитана, который и так не слишком нам доверял, как-то не хотелось. Хочется верить в то, что потерявшиеся развернулись и тем же путем вышли обратно на блоки своей роты. Дальше рассуждать не пришлось. В направлении блоков раздалась бешеная автоматно-пулеметная стрельба.

Группа по моей команде залегла вдоль какого-то бетонного забора. Надо было обезопасить себя хотя бы с одной стороны. С другой стороны улицы, не замечая нас, с бешеными воплями промчалась группа боевиков и растворилась среди дворов. Недалеко от нас, прямо за забором, заработал миномет. Роту капитана Королева методично и со знанием дела обстреливали, отрезав от основных сил батальона. В ушах начало звенеть, и рот разодрала безудержная зевота. Надо же, рядышком идет бой, а меня тянет позевать. Судя по раздававшимся вокруг крикам и стрельбе, мы очутились посреди боевого порядка дудаевцев, ведущих бой с ротой Внутренних войск.

ВВшники огрызались огнем и занятых позиций сдавать не собирались. Сейчас поддерживать их огнем было бы большой ошибкой с нашей стороны. Во-первых, обнаружим себя на местности, во-вторых, нам в суматохе боя достанется не только от боевиков, но и от своих. Второе предположение начало тут же сбываться: несколько мин со страшным грохотом плюхнулись за забором, накрывая вражеский миномет, взрывной волной наклонило бетонную плиту надо мной, и пришлось, встав на карачки, по-собачьи отбегать в сторону, дабы не быть погребенным под рухнувшей стенкой.

Подполз Паша и полукриком-полушепотом и общедоступной жестикуляцией изобразил пантомиму: «Командир, а не пора ли нам отсюда съе…вать?». Естественно, пора; если бы не потерявшиеся ВВшники, мы уже давно бы вышли к району поиска и были бы вдалеке от этой заварухи. Теперь оставалось выбрать момент и «взять ноги в руки». Посмотрим, что сделают боевики:

если отступят под минометным обстрелом, то пропустим их и подтянемся к своим. Однако боевики поступили совсем не так, как ожидал я. Несколько фигурок из дворов и с другой стороны улицы очень резко начали перебегать в ту сторону, откуда велся обстрел. Позже я понял такую тактику: проще прижаться к атакуемому подразделению — тогда поддерживающие минометы рискуют накрыть позиции своих войск. Ну, раз так, значит откатываемся назад, и как можно быстрее в глубь квартала. Пропустив еще с десяток перебегавших боевиков, мы резко поднялись и бегом, пригибаясь и лавируя, пытаясь сохранять боевой порядок, покинули негостеприимный квартал. Почему-то меня совсем не глодала совесть о воюющих без нас представителях Внутренних войск МВД Российской Федерации. Может быть, это и по-скотски, но в данный момент своя рубашка ближе к телу. Отбежали достаточно и упали передохнуть. И тут мне в руки сунули тангенту, и я услышал «Янтаря».

Мотострелки были неподалеку от нас, буквально через квартал, — выставили новый блокпост, немного повоевали и запрашивали, как у нас дела.

Немного поразмыслив, я попросил «Янтаря» остаться на связи и озадачил связиста вызвать пункт управления. Как всегда, то ничего, то все подряд на связи. Не прошло и двух минут, как я беседовал со своим офицером-направленцем. Ему было глубоко наплевать на нас: в городе, в центре, шли нешуточные бои, и он недолго думая дал нам команду на выход. Кто нам будет обеспечивать эвакуацию и прикрывать огнем, его, как обычно, не волновало. Отключившись, я снова вызвал мотострелков и предложил им через полчаса встретить гостей. Обговорили сигналы опознавания, я указал приблизительное направление, откуда собираюсь выйти. Дорога заняла намного больше времени, пришлось пережидать в сточной канаве артиллерийский обстрел. Утро мы встретили на блокпосту. Я вылез из десанта БМПшки, протер заспанную физиономию и тут же наступил на кого-то из своих разведчиков, разлегшегося на брезенте, покрывшегося инеем и при этом мирно похрапывающего. Я залез на броню и осмотрелся по сторонам. Над городом висел смог. Тучи висели очень низко и смешивались с дымом, поднимающимся снизу. Картина обилием красок не баловала: все серое, черное, грязно-белое, тусклое и невыразительное. Из башни высунулся грязный боец в скособоченном шлемофоне и какой-то фуфайке. Словно жаба, распластавшись на башне, сполз ко мне и, усевшись у моих ног, дернул меня за штанину «горки».

— Э-э, фули встал, тут чичи стреляют, вчера снайпера́ двоих сняли…

Я присел и вытянул ноги. Боец стрельнул у меня сигарету, с наслаждением прикурил и, ковыряя язвы от герпеса возле губ, начал почесываться и бубнить что-то себе под нос.

Появился откуда-то мой замкомгруппы с чашкой дымящегося чая, в другой руке держа открытую банку тушенки, накрытую сверху куском лепешки. Паша протянул мне «завтрак», недобро зыркнул на рассевшегося возле меня наводчика, спросил, когда мы отсюда свалим, и убыл дальше — проверять личный состав и оружие. Съев пару ложек, я отдал банку бойцу, жадно вцепившемуся в нее, а сам, прихлебывая горячий чай, закурил.

К обеду мы были возле своего КамАЗа. Садыков и оставленные мною разведчики за все время нашего отсутствия хлеб даром не ели. Невероятно, но благодаря усилиям проныры-водителя пожарная машина была поставлена на ход. Каким-то образом Садыков ухитрился даже поменять пробитые колеса. Не ходившие на выход разведчики рассказали, что водила совсем не спал, все время торчал то под капотом, то под машиной. Куда-то уходил, взвалив на плечо сумку с инструментами, появлялся с какими-то своими земляками, подъезжал на каких-то машинах, — в общем, суетился как заведенный.

В вышестоящий штаб идти совсем не хотелось, да и вряд ли я там услышу что-то хорошее. Надо им — пусть сами приезжают, не вспомнят о нас — ну и слава богу.

Вода в баках была, в кузове было натоплено. Чистим оружие, дозаряжаем магазины, а потом мыться и стираться. Я чуть ли не кожей ощущал грязь на всем теле и ползающих по швам бельевых вшей. Только задумался об этом, и меня аж передернуло. Расставили скамейки и принялись вычищать и отскребывать нагар. Откуда-то сбоку возник Садыков и попытался что-то спросить. Мне было до того лениво, что я отослал его к замкомгруппы. Водитель поморгал красными от недосыпа глазами и, отозвав в сторонку Пашу, начал ему что-то втолковывать. Через несколько минут Паша подошел ко мне.

— Павел, делай что хочешь, только без косяков. У меня голова пухнет.

— Командир, я тогда на пожарке с татарином отъеду и пару стволов трофейных возьму?

— Паша, мне пофиг, что ты и куда возьмешь. Стволы эти на нас не висят, и мне параллельно. Если продашь их и спалишься ФСКшникам, я тебя сам расстреляю и отмазывать не буду.

Паша сделал лошадиное лицо и, хмыкнув, полез в кузов за стволами. Интересная ситуация: лет через пятнадцать меня за такое деяние бы уже или посадили, или долго и упорно таскали бы по прокуратурам. А тогда, будучи лейтенантом, я спокойно

доверял сержанту и абсолютно не переживал ни о чем. Как потом выяснилось, стволы предназначались для многоходовой комбинации по обмену имущества на имущество. Кому-то надо что-то предоставить для отчета, у кого-то есть то, что интересует нас, и так далее.

Наш походный душ за то время, пока мы шлялись, значительно усовершенствовался. Появилась съемная крыша, на борту кузова присобачили вешалку. Красота, да и только.

Тщательно вымывшись, я набрал горячей воды в неизвестно где приобретенный тазик и, забравшись в теплый кузов, уселся на лавочку и принялся отстирывать нехитрое обмундирование, намыливая щетку от химкомплекта куском хозяйственного мыла и яростно надраивая куртку и брюки. Отстирал «горку» и до того разошелся, что послал еще за водой; за час я перестирал все, что у меня было, включая и исподнее. Сполоснулся еще раз и, оставшись в одном полотенце вокруг бедер, уселся в своем командирском «уголке», достал тетрадку и начал писать отчет, сверяясь с картой. Разведчики последовали моему примеру (некоторые даже добровольно) и начали грандиознейшую стирку, распотрошив все запасы мыла и воруя друг у друга химщетку.

Подъехала наша «пожарка», из кабины вылез Паша и вытащил свернутую в тюк плащ-палатку. Увидев мою высунувшуюся из кузова морду, Паша радостно помахал рукой, позвав кого-то на помощь, передал тюк и, нырнув в кабину, выволок еще один.

Интересно, чем там разжился мой «замок». Оказалось, заместитель мой провернул вполне удачную сделку: в первом тюке лежало штук пятнадцать новеньких РД-54, перевязанных веревкой. Во втором тюке — несколько коробок с мылом, коробка с какими-то желтыми пластиковыми бутылками, несколько пачек хлопчатобумажных военных носков, большой отрез портяночного материала. Разогнав сбежавшихся посмотреть на добычу разведчиков, Паша начал все сортировать по ящикам, каждому из разведчиков выдал по рюкзаку, потом, достав из глубин ящика ножницы, начал нарезать портянки, тихонько напевая себе под нос.

Все-таки я правильно назначил своего заместителя еще и внештатным старшиной: я и сам тяготею к любой обеспеченческой деятельности, да мне все как-то недосуг. А Паша постоянно что-то выменивает, собирает, сортирует — отличный прапорщик из него получился бы со временем. Да только сержант Озернов по окончании службы абсолютно не видит себя в Вооруженных силах Российской Федерации.

Подошел фельдшер, облаченный, как и я, в одно лишь полотенце, и, зябко поеживаясь и мостясь поближе к печке,

доложил о проведенном им телесном осмотре и о состоянии наших легко раненных. Я благосклонно выслушал эскулапа, подставил свою голову и уши для осмотра, для проформы поматерился на него. Ругался я беззлобно, бойчишка себя вполне проявил на своем первом выходе, ну, иногда «тормозил», но в пределах нормы, и каких-либо затруднений свои поведением не создавал. Фельдшер в процессе разговора пожаловался на то, что, как бы мы ни стирались и ни уничтожали бельевых вшей, их победное наступление неминуемо и надо принимать какие-то решительные меры.

Проблема была еще та. Мелкие насекомые, ползающие по швам обмундирования, намного неприятнее боевиков: те хоть и противные, но, по крайней мере, не кусают до почесухи. По словам фельдшера, он видел где-то неподалеку специальную машину для «прожарки». В принципе, вариант неплохой: можно договориться с владельцами «волшебной машины» и прожарить свои шмотки, однако одним днем сыт не будешь, черт знает, сколько мы будем еще здесь обретаться. Уничтожим «бэтээров» один раз, походим пару деньков, не почесываясь, а потом снова законтактирует кто-нибудь из бойцов с «разносчиками», и все начинай сначала. Может, когда высохнет белье, сходить на разведку и умыкнуть автомобильчик? Идея неплохая, однако авантюрная, сейчас такая машинка — насколько помню, называется она ТДА (термо-дезинкфеционная аппаратная), — скорее всего, на вес золота и обеспечивает уничтожение вшей и баню лицам гораздо более значительным, чем мы. С баней и помывкой вопрос решен положительно, воды у нас вдоволь, запасы солярки пополняются благодаря Садыкову. При воспоминании о Садыкове у меня в голове зашевелились мысли и стали выстраиваться в логическую цепочку. Если ушлый ефрейтор выполняет в моем маленьком подразделении роль «замполтеха» и на боевые задачи не ходит, пусть озадачится решением этой проблемы, благо голова у него работает неплохо. Кликнули водителя, который, поддавшись модным веяньям чистоты, отстирывал на улице какое-то свое бельишко. Фельдшер был озадачен рассказать Садыкову во всех подробностях, что представляет собой аппаратура ТДА, а водитель должен будет соорудить нечто подобное, но более компактное и не занимающее много места в кузове. Однако фельдшер сам не знал, как устроена «жарящая» машина. Он попытался что-то изобразить, пуча глаза и вращая руками. Садыков, открыв рот, послушал, а потом сплюнул за борт:

— Что ты тут машешь ластами своими, так бы сразу и сказал: вошебойку надо.

— Ну да, точно, вошебойку, — заулыбался фельдшер.

— Фигня вопрос, сегодня к вечеру сбацаю, я тут уже кое-что втарил для этого дела, сварка нужна только. Товарищ лейтенант, я сгоняю на «пожарке» в пехоту?.. Там у ремонтников у меня друганы, у них в МТОшке сварка и другие прибамбасы есть.

Я милостиво разрешил, гадая, как поедет в пехоту водитель? Неужто голяком? Интересно посмотреть!.. Однако Садыков достал из кабины какой-то старенький спортивный костюм, напялил сверху грязную куртку от танковой робы и был таков.

Камуфляж и трусы с тельняшкой высохли быстро, и я, с наслаждением одевшись во все чистое, вышел из своего командирского уголка в часть кузова, которую занимали мои разведчики. Бойцы устроили возле печки что-то вроде сушилки: натянули по всему кузову веревок, развесили форму и в чем мать родила сидели на лавочках вокруг теплых баков с водой, греясь и делясь впечатлениями о прошедшем выходе.

На улице с другой стороны кузова тоже натянули брезент и поставили лавочку и столик.

Паша и два освобожденных от выхода разведчика что-то кашеварили на чудном аппарате — помеси паяльной лампы и какой-то треноги. Заместитель, одетый в маскировочный халат на голое тело, рассматривал какие-то банки с закрутками и пакеты с крупой, добытые в гостеприимном домишке. На обед приготовили суп из тушенки с картошкой и макаронами, приправленный какой-то пахучей зеленью из банок, рисовую кашу с той же тушенкой и соленые огурцы. На третье Паша приготовил крепкий чай с вареньем, изъятый у запасливых боевиков. Вместо хлеба бойцы напекли лепешек. Короче, обед удался.

Сыто развалившись на скамейке, я бездумно покуривал и подбивал итоги. Итак, оружие почищено, магазины перезаряжены, бойцы осмотрены, накормлены, форма выстирана, личный состав вымыт. Да я просто расчудесный командир! Я расчувствовался, восхваляя сам себя, и сыто рыгнул. В принципе, и здесь жить можно. Эх, только начальство бы нас не трогало и не посылало на «случки» с незаконными вооруженными формированиями.

То, что сейчас в городе гибли сотнями наши бойцы и офицеры, горела техника, рвались мины и артиллерийские снаряды, меня ничуть не волновало. Может, где-то и как-то затрагивало, ведь там где-то были и мои одноклассники по училищу, земляки, да и просто хорошие люди. И все это происходило в паре километров от нас, но я пока жил одним днем или даже, вернее, одним часом: мне и моим бойцам сейчас хорошо, ну и слава богу!

Мои самовосхваления вознеслись куда-то в небеса, и я самым хамским образом задремал, лежа на лавочке, однако потом закоченел и перебрался в свой командирский отсек. Попытался при свете автомобильной лампочки что-то написать в отчете, однако сон снова сморил меня, и я, свалившись на спальник, продрых до самого вечера. Разбудил меня заместитель, бесцеремонно тряся за плечо.

— Паша, если ты меня будишь просто так, без причины, получишь по ушам. Если ты надыбал своему командиру чашку натурального кофе и сигару, то я тебя прощаю. Если…

— Садыков приехал, какой-то агрегат приволок, — буркнул сержант и от греха подальше выскользнул из отсека.

Черт, мои давние сибаритские мечты о сигаре и кружке натурального кофе снова отдвинулись в далекое будущее, хотя жутко интересно, что за агрегат соорудил предприимчивый татарин-«зампотех».

Бойцы собрались вокруг диковинного агрегата, состоящего из квадратного жестяного куба, сорокалитрового алюминиевого бидона и каких-то приваренных труб.

— Отвалите, дятлы, дайте командиру покажу, — ругался Садыков, отпихивая любопытных.

Все гениальное просто: в жестяной куб, умыкнутый также на разрушенном аэродроме, он вварил кучу болтов, символизирующих вешалки, и впаял трубу, соединенную с бидоном, какой-то краник сбоку, присобачил крышку на защелках от снарядных ящиков.

Бидон, по образу наших «банных баков», прошивала насквозь труба, выходящая наружу. Плюс с боку в бидон был впаян штуцер — неизвестно для каких целей. Агрегат впечатляющий. Во мне тут же проснулся дух естествоиспытателя: необходимо тут же проверить, как эта конструкция функционирует в рабочем режиме. «Зампотех» тут же пояснил, что наша доморощенная ТДАшка может эксплуатироваться в двух режимах — с паром под давлением и просто в режиме «жарки». Рассказывая и поясняя, водитель залил в бидон воды, отсоединил шланг подкачки шин от КамАЗа, приладил его к штуцеру на бидоне, раскочегарил паяльную лампу и направил протуберанец синеватого пламени в трубу в бидоне. Через пять минут водила завел автомобиль и подал воздух в бидон. Жестяной бак затрясло, как в лихорадке, и даже, как мне показалось, стало немного пучить.

— Щас ебанет, — сказал кто-то из разведчиков, и бойцы предусмотрительно отодвинулись подальше.

— Не ссыте, селяне, — успокоил зрителей Садыков и показал, для чего нужен краник на кубе.

Пар мощной струей ударил в замерзшую землю и чуть было не ошпарил изобретателя.

В режиме жарки куб быстро нагрелся и источал тепло на несколько шагов.

На холостых проверили, теперь пора загрузить аппарат работой. Ради чистоты эксперимента пожертвовали формой самого Садыкова, аккуратно постиранной и развешенной в спальнике кабины. Водитель скуксился, но под напором общественности снова завел аппарат. Форму развесили внутри бака, так, чтобы не касалась стенок. В режиме пара обработка прошла успешно; прожарили, откинули пышущую жаром крышку, и Садыков куском проволоки, изогнутым в виде неопределенного интеграла, вытащил свои шмотки и развесил их остужаться на борту. Через пять минут под фарами КамАЗа проводилась тщательная проверка швов на предмет наличия бельевых вшей.

Победа! «Зампотех» со своей задачей справился на отлично! Садыков, почесав голову, объявил, что помимо вошебойки он еще, оказывается, изобрел стиральную машину. Ну, или ему так кажется, что изобрел. Недолго думая сметливый татарин залил в бак воды по самые края, настругал туда мыла, снова подал воздух и завел паяльную лампу. Вода в баке забурлила, через полуприкрытую крышку бака поперла пена. Вот так дела: хотели вошебойку а получили еще и стиралку, правда, непонятной конструкции, не полностью автоматическую, да и со сливом проблемы, но нам и такая пойдет. За два часа прожарили все свои шмотки и спальники. Садыков, довольный собою, решился отстирать свой грязный и замасленный бушлат, пришедший в состояние «куска мазута» во время реанимационных мероприятий с пожарно-водовозной машиной. Наметив план дел на завтра и неизбежный поход к начальству, я все-таки дописал отчет, нарисовал пару схем, поинтересовался у Паши, когда личный состав подгонит под себя новые рюкзаки, и позевывая заснул. Сквозь сон я слышал выстрелы артиллерии, какой-то грохот и чей-то дружный хохот.

Пришлось наорать на личный состав, не выходя из кузова. Бойцы расползлись по своим местам, прихихикивая и что-то обсуждая. Я втянул носом тонкий аромат мыла, исходивший от бушлата, и снова заснул. Ночью просыпался, выходил, проверял дежурившего разведчика, курил, смотрел на пылавший город, ежился и снова залезал в теплый кузов.

С утра я поинтересовался причиной столь безудержного ночного веселья. Паша хмыкнул и заорал во весь голос:

— Татари-ин, подь сюды, командир зовет! И бушлат свой прихвати…

Приплелся водитель, держа в одной руке что-то наподобие детского пальтишки расцветки хаки. Присмотревшись, я сам не сдержался и расхохотался. Садыков все-таки отстирал свой «кусок мазута» и, прожарив его в пару, решил недолго думая высушить его в режиме «жарки». Результат превзошел все ожидания: непостижимым образом бушлат скорчился до детских размеров и теперь больше напоминал чистенькое детское пальто, нежели предмет обмундирования бравого «зампотеха». Посмеявшись над водителем, я озадачил Пашу по поводу подгонки и укомплектования РД и подготовки к занятиям по порядку передвижения в городе и досмотру зданий. Сам же я собирался все-таки найти свое начальство, доложить о результатах выхода и ждать следующей задачи.

Как же мне неохота туда переться. Занимался бы потихоньку со своей группой, никого не трогая и никуда не стремясь. Есть какая-то уверенность, что в верхах пока не до меня.

Однако надо идти. Повесив на шею автомат и сложив в новенький РД бумажки с отчетом и схемами, я потихоньку дошел до пятиэтажки, обогнул ее и еле успел отскочить в сторону. Откуда-то сбоку из подъезда грохнула автоматная очередь, раздались какие-то матюги и вывалилась тройка бойцов, мутузящих друг друга и орущих пьяными голосами.

Вот идиоты, чуть не завалили меня и совершенно не жалеют об этом, продолжая пьяные разборки.

Обойдя голосящую троицу, я двинулся дальше и снова чуть не лишился жизни: из-за пятиэтажки вынырнул на бешеной скорости БТР, и я еле успел отскочить в сторону.

Вот дела: вернулся живой-здоровый с задачи, только уши побаливают, а тут за несколько минут меня чуть не пристрелили и чуть не раскатали в лепешку.

С брони на меня кто-то заорал, я ответил так же лапидарно и приготовился двигаться дальше, но БТР остановился, с него спрыгнул какой-то военный и поспешил ко мне.

Я приготовился или врезать в морду, или обняться с неизвестным. Может, из знакомых кто меня опознал, или решили просто наказать за дерзость. Оказалось, ни то и ни другое.

Оказался наш начальник. Я попытался доложить ему о результатах и достать бумажки, но он уныло махнул рукой и рассказал, что сейчас реально как-то и не до меня: в центре Грозного дела обстоят сейчас из рук вон плохо. Несколько мотострелковых батальонов чуть ли не полностью уничтожены, на улицах боевики расстреливают в упор из гранатометов боевую технику, — в общем, сущий бедлам.

Закончив рассказ, он с удивлением посмотрел на меня и

поинтересовался, с какой это стати я такой чистый и умытый.

Пришлось рассказать о том, что у нас налажен свой быт и существует теплый душ, вошебойка и она же стиральная машина, а с города разведчики на своих горбах вытащили запасы различных вкусностей; а если начальство попытается претендовать на мой подвижный пункт временной дислокации, водовозку и остальное имущество, я поступлю самым адекватным образом, то есть сожгу все к чертям, ибо ничего из этого имущества на мне не висит, а содержать штаб и еще кучу прихлебателей я не намерен. Начальство оскалило зубы, попыталось что-то сказать, однако на то оно и начальство, чтобы думать и принимать решения. А данный офицер был далеко не дурак.

— Слушай, ну а мне-то помыться-постираться дашь?

— Даже носки новые выделю и экипаж с БТРа помою, — улыбнулся я.

— Да и хрен с ними, что я, обо всех должен печалится? — выпалил в сердцах офицер-направленец. — Поехали к тебе, у меня, кстати, пара пузырей в десанте лежит, да и я там накладные выписал вам на паек…

Через два часа наш непосредственный начальник, чистый и умиротворенный, восседал возле печки в полотенце, обернутом вокруг бедер, и жадно внюхивался в аромат, исходивший от котелка с вареной картошкой, щедро заправленной жареным луком; рядышком примостилась банка с домашним лечо и стопка самодельных лепешек.

— Эх, блин, хорошо-то как у тебя! Молодцы, классно обустроились. А мы, как чушки, в кунге в спальном живем, грязища, блин, не помыться, не постираться, такая вонища стоит от грязных носков…

Мы выпили по колпачку от мины, наполненному водкой, и мой начальник начал жадно поедать картошку, все что-то рассказывая с набитым ртом. Я посоветовал ему поспать и вообще остаться у меня заночевать, благо место в моем отсеке было.

— Посмотрим, — сказал направленец с набитым ртом, — может, действительно у тебя заночевать? Хоть высплюсь. Точно, сейчас экипаж домоется, отправлю их в управление, пусть скажут, что я с тобой работаю, а с утра заберут. У тебя есть что с трофеев для показухи начальникам?

Я откинул плащ-палатку, которой прикрывал кровать-раскладушку, вытащил из-под нее ящик, откинул крышку.

— Вот, плюс у бойцов в кузове ящики…

Направленец аж чуть не поперхнулся и вытаращил глаза:

— Ух, ни х… себе, возьму пару-тройку стволов, и в отчете

исправь, там, где писал, сколько чего захвачено, на будущее прибережем…

Тут он увидел мою вновь приобретенную поясную разгрузку, открыл рот, но, посмотрев на меня, печально хмыкнул и предложил выпить еще. Потом он заснул, завалившись на мою кровать, а я пошел проводить занятия. Экипаж БТРа помылся и «прожаривался», сидя возле «вошебойки» и неспешно беседуя с Садыковым. Парни отмылись, наскоро постирались в комбинированной чудо-машине, предприимчивый водила уже затеял какую-то меновую торговлю и что-то обговаривал с водилой «восьмидесятки».

— Пацаны, как шмотье высохнет, езжайте обратно, передайте, что майор работает с нами, обрабатывает полученные сведения и сортирует трофеи…

— Понятно, — кивнул один из бойцов, по всей видимости, старший. — Товарищ лейтенант, мы здесь еще у вас чуть посидим, пообсохнем, а то к штабу ехать неохота. У нас вчера из-за одного полковника сто двенадцатый бэтэр чехи сожгли, сегодня еще герои найдутся — то в дачи захотят на заставы выехать, то в город прорваться. У нас с нашего взвода почти народу не осталось.

Да, каждому свое. Может, и неизвестный мне полковник рвался помочь кому-то и погубил БТР, может, все это от безысходности, может, от глупости, а может, от понуканий какого-нибудь более «высокого» начальства. Бойцы с БТРа по-своему правы: приедут попозже — глядишь, и не пошлют куда-нибудь под пули. А как бы неплохо было заиметь свою бронемашину: можно было бы выдвигаться в район ведения разведки своей маленькой колонной, встав у кого-нибудь на блокпосту, работать уже с «базы». Да и радиостанция дополнительная на БТРе есть. Эх, мечты, мечты. А может, попытаться провернуть аферу!

Меня начало распирать от нахлынувших мыслей, и я, присев на скамейку, закурил и крикнул суетившимся возле импровизированной кухни бойцам, чтобы принесли чаю.

Принесли горячий чайник, и я знаком показал на экипаж.

— Угостите пацанов, а то уже замерзли на воздухе.

Дежуривший по кухне боец сначала вопросительно посмотрел на меня, потом, поджав губы, принес еще три кружки и одну кружку с вареньем.

— Угощайтесь, мазута, — гордо процедил он и с видом, полным достоинства, удалился под брезентовый полог.

Бойцы на «мазуту» не обиделись и с удовольствием стали прихлебывать чай.

— Пацаны, а вы бы у меня не хотели остаться? — как бы невзначай спросил я сразу у всех.

Естественно, хотели: воды завались, душ горячий, чаем поят — можно и остаться.

Я кликнул замкомгруппы и озадачил его вытащить из кузова все ящики с не нужными нам трофеями. Ящики расставили передо мной. Ну что же, зрелище вполне впечатляющее.

План по экспроприации бронеобъекта был основан на зрелищности, наглости и надежде, что когда-нибудь здравый смысл какого-нибудь начальника возобладает над эмоциями.

Экипаж попил чаю и быстренько одевался в чистую и парящую на свежем воздухе форму.

Я отобрал для проведения задуманного мероприятия Григоровича, Ежа и Кипрачева, к старой испытанной гвардии добавил обкатанного в боях фельдшера. Залез к себе в отсек, забрал накладные, привезенные направленцем, сунул опять в РД отчеты и схемы.

Через пятнадцать минут мы с похабными песнями, угибаясь от комков грязи, летевших из-под колес, прибыли к штабу группировки. Меня опознали и начали на меня орать. Переждав визги и слюни, я набрал воздуха в легкие и во всю мочь заорал:

— Товарищ полковник, разведывательная группа…

Полковника перекорежило, он, глядя куда-то мне за спину, встрепенулся и, выпучив глаза, зашипел на меня, призывая к молчанию.

Из-за моей спины вышла группа каких-то солидных военных. Начальник, сделав деревянное лицо, попытался изобразить строевой шаг и подойти к одному из них, самому представительному, одетому в добротный камуфляж десантного образца без каких-либо знаков различия. Пришлось развернуться и, сделав придурковатое лицо (дабы никого не смутить своим разумением), пожирать глазами начальство. Начались какие-то разговоры, и я попытался улизнуть, но не повезло: на меня обратили внимание, и пришлось обстоятельно докладывать, стараясь говорить спокойно и сдержанно. Неизвестный начальник кому-то кивнул, и один из сопровождающих подсунул мне под нос летный планшет с план-схемой и карандашик. Я прямо по пластику планшета провел несколько штрихов, обрисовав обнаруженные позиции боевиков и места нанесения артиллерийских ударов, доложил, сколько уничтожили боевиков, немного приврав; естественно, упомянул про подбитый БТР. На меня высокое начальство посмотрело скептически. Надо было идти ва-банк, и я, решившись на отчаянный шаг, замахал своим бойцам, восседавшим неподалеку на броне. Григорович, Еж,

Кипрачев и фельдшер вытащили из десанта ящики с трофеями, подтащили и бухнули прямо под ноги начальству.

Показушный вариант дал свои результаты. Высокопоставленные чины начали с удовольствием копаться в трофеях, забыв про меня. Незнакомый мне начальник отошел в сторону с группкой каких-то не менее видных чинов, что-то обсуждая. За начальниками, словно привязанные, ходили высокие сумрачные парни, все на одно лицо, облаченные в горные костюмы и стандартные нагрудники-«лифчики». Скорее всего, офицеры-спецназеры из аксайской бригады. Меня за рукав в сторону дернул какой-то незнакомый худощавый полковник и попросил снова указать, уже на его карте, позиции боевиков и маршруты передвижения, он же знаком подозвал к себе моего полковника и, пока я рисовал, о чем-то вполголоса с ним беседовал. Покончив с картой, я, переминаясь с ноги на ногу, ждал окончания разговора, пытаясь вслушиваться в начальственный полушепот. Как я понял, в разговоре краями коснулись меня и моей группы. Начальник кивнул мне, я подошел, отдал карту и пояснил, что направленец будет с утра, сейчас он с моей группой на рекогносцировке и организовывает взаимодействие с мотострелками.

Направленца немного поругали за самодеятельность, расспросили меня, в каком районе Грозного я проживал в юности, позадавали какие-то совершенно дурацкие вопросы и отпустили с богом. И вот тогда я решился и задал вопрос про БТР. Мой начальник вылупился на меня, раскрыл рот, попытался, наверное, заорать, но, взглянув на другого полковника, наверняка представителя Генштаба, выпустил воздух через все отверстия, предназначенные для этого, и махнул рукой:

— Забирай, только ремонтируй сам как хочешь, заскочи к комендантским и предупреди, что машина прикомандирована временно к тебе.

Пришлось, сдерживая радостную лыбу, покивать головой и, быстренько откозыряв, ретироваться. Не успел я добежать до БТРа, как меня окликнули.

Ч-ч-че-ер-рт, сейчас все отменят или какую-нибудь задачу поставят.

Звал меня представитель Генштаба. Задачи он мне никакой не поставил, а просто попросил завтра заехать за ним и отвезти к себе в расположение — он хочет посмотреть, как мы живем, и там, на месте, озадачить меня по поводу нашей дальнейшей «работы». Направленцу благосклонно разрешили подождать начальство у меня.

Операция по завладению БТРом прошла успешно, но вот куда

нас направят в следующий раз? Только бы не в центр…

Помотавшись по складам, я с боем, с криками и с вручением незамысловатых подарков все-таки получил причитающееся мне продовольствие. Заехали к комендачам. Извещать о том, что БТР теперь у нас, было абсолютно некого. Бойцы из экипажа что-то передали на словах своим сослуживцам, забирать им было абсолютно нечего — все их незамысловатое имущество валялось в десантных отсеках «восьмидесятки».

Направленец так и не просыпался, и я решил его вообще не беспокоить. До вечера прозанимался с группой, провел следственное мероприятие с водителем, которого притащили за шиворот два хмурых небритых дядьки-контрактника. Садыков пытался снять фары для пожарной машины с какого-то автомобиля, но был уличен и пойман.

Контрактники, решив слупить мзду с бойца, повелись на слезные увещевания и не стали бросать незадачливого воришку в зиндан. Магарыч решили снять с командира подразделения, то есть с меня. Вопрос был вполне решаем и дипломатическими путями.

Но и силу показать тоже стоило. Сержант Озернов, долго не задумываясь, двумя хлесткими ударами методично повалил обоих на землю. Вырвавшийся из цепких объятий Садыков, радостно заверещав, добавил несколько ударов ногами. Прекратив избиение окриком, я приказал подвести контрактников к себе. Взрослые небритые мужики сплевывали кровищу и угрюмо смотрели на меня, жутко матерясь. Паша украдкой влепил каждому по пендалю, заставив их замолчать.

Я объяснил, что люлей товарищи контрактники получили за то, что избили моего бойца. А в нынешней боевой обстановке это не есть хорошо, так что пусть все знают, что своих бойцов, даже попавшихся на воровстве или других неблаговидных поступках, мы в обиду не дадим и накажем своими силами. Ну а теперь можно и приступить к конструктивному диалогу. Не желают ли доблестные контрактники получить что-либо взамен, дабы замять инцидент в зародыше?

Контрактники открыли рты и начали обдумывать. Конечно же, желали!

Водки я им не дал — у самого мало оставалось. И тут же предприимчивый Садыков предложил им помыться в нормальной горячей воде и избавиться от бельевых вшей.

Солдаты недоуменно покосились и пожали плечами: такой поворот событий их явно поставил в тупик. Сначала фары попытались скрутить, потом морду набили, а теперь помыться предлагают. И тут Садыков начал впечатляющую демонстрацию:

затопил нашу мобильную баню и в несколько минут споро развернул душевую кабинку.

Минут через двадцать я наблюдал совершеннейшую идиллию и взаимопонимание.

Контрактники-гости, вымывшись и завернувшись в одно на двоих армейское синее одеяло, выданное Садыковым, пялились на стиралку-вошебойку, пыхавшую паром, живо обсуждали недостатки в конструкции и пытались что-то доказать водиле, защищавшему свой инженерный талант. К ночи контрактники ушли, отпросив с собой Садыкова.

«Зампотех» вернулся только под утро, часов в пять, с красными от сварки и недосыпания глазами, с новыми фарами для «пожарки» и еще какими-то железяками в полиэтиленовом мешке.

Поспав буквально с часок, Садыков взял себе в сопровождение одного вооруженного разведчика, попросил у меня ракет для чейнджа с «властителями водяных гидрантов» и убыл за водой. Оказывается, на насосной станции был установлен график заправки, но хитрый татарин договорился с кем-то там и приезжал на заправку раньше всех и не стоял в очередях.

Часов в семь проснулся направленец и в ужасе начал собираться, мечась по командирскому отсеку, кляня меня за то, что я его не разбудил, и обвиняя во всех смертных грехах, в том числе и спаивании непосредственного начальства.

Я посоветовал ему не торопиться, а принять душ и позавтракать, ибо я лейтенант «прошаренный» и все необходимые движения в сторону начальства сделал еще вчера, заполучив в свое распоряжение БТР с экипажем и сдав все трофеи и отчетную документацию. Сделав страшные глаза, я с ужасом рассказывал, как требовали направленца всякие генералы, а я, бедолага в ничтожнейшем звании лейтенанта, смог отстоять горячо любимого всеми моими бойцами и мной лично майора.

Закончил описание своих подвигов тем, что неизвестный генштабист решил сам лично прибыть к нам и не тревожить направленца.

Майор выслушал меня, спросил, не вру ли я, потом, обозвав меня евреем, побежал в душ, предусмотрительно раскочегаренный дежурным разведчиком. Стараешься, стараешься, и в результате тебя обзывают евреем — вот она, благодарность от вышестоящего штаба. Ну ладно, пора ехать.

Глава 7

БТР выплеснул из-под колес приличную порцию грязи, его немного понесло юзом, я чертыхнулся и отвесил подзатыльник водителю. Водила повернулся ко мне, сверкнул стеклами очков-консервов и проорал:

— Дык все нормально, командир, я всегда так торможу…

Вчерашний полковник сидел в курилке возле калитки с каким-то мужиком и что-то показывал ему на карте в планшете.

Спрыгнув в жирную грязь, я побрел к полковнику, раздумывая, чем нам грозит его визит, что это за мужик рядом с ним, облаченный в серо-камуфлированный костюм и обвешанный гранатами, пистолетами, автоматами, как новогодняя елка.

Полковник, увидев меня, даже привстал и, игнорировав мое уставное приветствие, поздоровался за руку. Незнакомец зыркнул на меня из-под черной шапочки, натянутой по самые брови, и сделал вид, что снова изучает карту.

Полковник-москвич расспросил меня о состоянии группы, отдельным пунктом упомянул боевитость и бесстрашность нашего направленца, который, судя по моему рассказу, не вылазил с наблюдательных пунктов, выискивая наиболее удобные пути вывода разведчиков в тыл боевикам. Представленный мне как майор Осипов незнакомец сухо кивнул и даже не привстал, сложил карту в летный планшет и молча начал слушать полковника. Из пространной речи я понял только одно. Товарищ майор и его подчиненные будут работать с нами. Задача стояла именно та, которой я опасался. Мы попремся в город. Что будет делать Осипов и его подчиненные, мне не довели, видно, не моего ума дело. Просто обеспечиваем вывод в указанный район, обеспечиваем огневую поддержку, организуем базу и ждем выполнения задачи, в дальнейшем обеспечивая эвакуацию. Задача как задача, вроде бы и ничего сложного. Ну, а если с другой стороны посмотреть? Может получиться ситуация, в точности повторяющая ту, что произошла с ВВшниками, когда они вздумали организовать совместный разведывательный отряд.

В группе худо-бедно налажено управление. Боевой и походный порядок отработаны, а мне большего и не требуется. Сейчас же предстоит работать с незнакомым подразделением. На словах можно обговорить все, но никогда не помешает отработать все это дело на практике и немножко потренироваться. Если боец начнет размышлять в ходе огневого контакта, за кем и куда он бежит и что ему дальше делать, то толку никакого уже не будет. Разведчик должен делать все на автомате хотя бы несколько

первых минут боя и, вынеся свою тушку из-под прямого огня и заняв позицию, уже вслушиваться в команды и наблюдать за своими напарниками. Тут же придется заново ломать установленный порядок и что-то придумывать, обсуждать и решать. Да и пойдет ли майор Осипов на какое-либо взаимодействие и согласование?

Полковнику вытащили из десанта кусок автомобильного сиденья под задницу, майору досталась грязная подушка, я, полувысунувшись из люка, устроился на командирском месте.

Надеюсь, что наш направленец привел себя в порядок и изображает бурную деятельность, иначе может предстать перед начальством в нелицеприятном виде. Ну ладно, не мне учить старого опытного майора. Поехали…

Все было нормально: лишних людей возле КамАЗа не наблюдалось, группа крутилась неподалеку, то рассыпаясь, то перестраиваясь в различные порядки.

Направленец сидел на стульчике, мирно попивая чаек, и с интересом рассматривал план города. При виде полковника, неловко спрыгнувшего с брони, он степенно привстал, вразвалочку подошел и не торопясь представился.

Из-за кабины выглянул заспанный Садыков, увидев полковника, округлил глаза и юркнул обратно.

Высокий гость осмотрел наше подвижное жилище, поудивлялся конструкции душа и вошебойки, задал парочку вопросов. Понятно, ничем помочь он нам не может, да и не его это забота. Каким бы ни был начальник спокойным, доброжелательным и сочувствующим, он все равно начальник, да тем более из Москвы; задачу он подкинет даже не раздумывая, а вот согласовать, обеспечить всем необходимым — это уже проблемы местных боссов, да и мои личные.

Разведчик, дежуривший на импровизированном ПХД[8], поставил стол, застелил его чистой плащ-палаткой и поплелся греть на гибриде паяльной лампы и печки чайник.

Начальство и майор Осипов расселись за столом, разложили карту и план города. Начали совещаться. Как и говорилось раньше, я со своим подразделением выполнял роль боевого обеспечения майора и его группы. Мне показали, куда надо выдвинуться и в каком районе развернуть базу; дальше уже не наша проблема, дальше мы просто сидим и ждем в готовности поддержать огнем и обеспечить эвакуацию. Действовать предстояло чуть ли не в самом центре города, недалеко от так называемой «Минутки». В основную задачу меня не посвящали, да и не очень-то хотелось ее знать. На мой вопрос, сколько в районе боевиков, где находятся наши войска, как будем

взаимодействовать и с кем, кто поддерживает, никто не ответил. Осипов посмотрел на меня как на некое глупое неразумное существо и хмыкнул в бороду, полковник помекал, сказал, что разузнает что-нибудь в оперативном управлении, и недолго думая возложил эту задачу на нашего направленца. Меня отослали подальше, дабы я не мешал своими вопросами. Прихватив план-схему города, я пошел в сторону своей группы, пытаясь по памяти вспомнить район.

Однако ничего не вспоминалось, кроме нескольких красный кирпичных девятиэтажек. В пору моей юности их почему-то называли грузинскими, а почему — я так и не понял, да и как-то этот вопрос меня тогда абсолютно не волновал.

Увидев меня, группа залегла, ощетинившись стволами. Знаком руки я подозвал Пашу.

— Ну как, позанимались?

— Да есть немного, командир. У нас задача наклевывается, что ли?

— Паша, наклевывается еще одна безумная скачка по подвалам и чердакам, сейчас будем тренироваться в стрельбе с брони и в действиях при обстреле и засаде на колонну, пешком не пойдем, выдвинемся всем куяном, со всем шмотьем и машинами…

Через пятнадцать минут разведчики усаживались на броню, определялись места, сектора наблюдения и прочее и прочее. Потренировавшись с полчаса в составе группы, я слез с брони и пошел озадачивать водителя подготовкой к предстоящему маршу.

Московский гость напился чаю с вареньем и не спеша беседовал с двумя майорами. Увидел меня и благосклонно махнул рукой, подзывая к себе.

— Завтра, в девять утра, машина подвезет майора Осипова с его группой, заодно подъедет ваш офицер с необходимыми для вас данными и еще раз проинструктирует. Вы, кстати, как решили выдвигаться?

— Товарищ полковник, я думаю, поедем колонной. КамАЗ и «пожарку» я заберу с собой, выдвинемся до блокпоста, который более-менее близко к району, а оттуда уже пойдем в пешем порядке до места организации базы…

— Не боишься, что твои машины на марше пожгут? Техники и так уже положили немало.

— Не-е-е, я боюсь, что кто-нибудь здесь на них лапу наложит, да тем более мало ли что, вдруг, не дай бог, кого-то подстрелят — не нести же потом на руках. А расстояние, да еще по городу, будет приличное, да и пайки и боеприпасы все меньше тащить.

— Хорошо, я поставлю задачу, чтобы необходимые данные по

войскам подготовили и передали тебе с утра. Будет возможность — подыщем блокпост поближе к району и попытаемся с ними связаться, а пока давай, отвези нас обратно к штабу…

Пришлось снова запрыгивать на БТР. Водитель затормозил так же, как и утром, и полковник чуть не улетел под колеса. Попрощались с направленцем, пообещавшим выяснить все данные, которые были необходимы для задачи, и ловко прятавшим за пазухой горной куртки две бутылки водки. Осипов же сухо кивнул и, ловко спрыгнув с БТРа, скрылся среди палаток.

— Слышь, а кто это такой? — спросил я у своего майора.

— Да вроде Василия Петровича, с которым вы перед Новым годом работали, такой же…

— А что с Петровичем, выбрались они из города или нет?

— Без понятия, но, скорее всего, вряд ли: или чеченцы сожгли, или свои же из танков со страху расстреляли. Нет от него ни слуху ни духу. Ну ладно, давай, почапал я к шефу, люлей получать за то, что у тебя заночевал. Вот, чувствую, визгов-то будет…

Майор вздохнул и, аккуратно спустившись в зимнюю грязь, высоко задирая ноги, поплелся к штабу.

Заехали в комендантский взвод, водитель заправил полностью оба бака, я заодно поругался с каким-то непонятным начальником, который грозился отобрать БТР обратно.

Наплевав на все угрозы и крики, мы поехали обратно. На душе скреблись кошки.

Лучше бы мне самому поставили задачу, чем идти еще с кем-то абсолютно неизвестным на непонятную мне вылазку.

Остаток дня я провел в разъездах по группировке, пытаясь выяснить методом расспроса хоть что-нибудь о наших подразделениях в районе «Минутки». Выяснить удалось ужасно мало, да и сведения были противоречивые. Кто-то рассказывал, что там бьется пехота; фельдшер, побывавший в медицинском отряде и общавшийся с ранеными, утверждал, что там воюют десантники и танкисты. В общем, дело ясное, что дело темное. Нет никакой уверенности, что завтра обстановка прояснится: мало ли что нарисовано на штабных картах, на местности все может быть совсем по-другому.

Вечером, чтобы заглушить все свои терзания и переживания, я устроил строевой смотр.

Ну что же, все чистые, морды сытые, и головы у всех лысые. Инициатива обрить головы налысо принадлежала заместителю. После того, как я увез московского гостя, Паша смекнул, что работать мы опять будем с кем-то. А так как не знал, с кем и как они будут одеты, для подстраховки и чтобы различать своих в

любых ситуациях самолично обрил весь личный состав наголо и побрился сам, оставив лишь маленький куцый чубчик.

Обматерив Пашу за ненужную инициативу, я поплелся обривать свою голову. Однако полностью заголять макушку не пришлось: у Садыкова нашлась ручная подстригательная машинка, и с ее помощью мне укоротили прическу до нескольких миллиметров, оставив такой же «модный» чубец. Теперь я почти ничем не отличался от своих бойцов, да, может, оно и к лучшему.

Оружие после занятий вычищено и смазано, магазины и барабаны перезарядили, рюкзаки десантника под завязку забили боеприпасами. Фельдшер уже несколько раз перебирал свою сумку, то вытаскивая, то засовывая обратно различные медикаменты и принадлежности. Потом медик начал атаковать Пашу, требуя, чтобы тот выдал ему плащ-палатку. Озернов вяло отбрехивался и требовал разъяснений: на хрена козе баян, а фельдшеру плащ-палатка? Боец оказался настырным и начал что-то рассказывать. Паша покивал головой, видимо, одобрил замысел, и они вдвоем скрылись в недрах кузова. Как оказалось, плащ-палатка нужна была для изготовления носилок. К обычной палатке пришили парочку брючных ремней, прокололи несколько дырок по краям, вдели веревку, и носилки были готовы. Для испытания внутрь тут же забрался заместитель, и разведчики начали таскать старшего сержанта сперва вчетвером, потом вдвоем. Выходило совсем неплохо. Дай бог, чтобы в ней действительно не пришлось кого-нибудь таскать.

К Садыкову пришли в гости его давешние друзья, у которых он пытался своровать фары.

Контрактники опасливо взглянули на меня, учтиво поздоровались, так же с опаской посмотрели на Пашу, а потом попросили налить им воды в большой молочный бидон.

У них в батальоне с водой была напряженка, и ремонтный взвод, где они служили, заботился об обеспечении самих себя водой. Воды было вдоволь, пусть берут — не жалко.

Водитель о чем-то переговорил с ними и подбежал ко мне.

— Тщ-щ-щ лейтенант, нам телик нужен? Ихняя пехота теликов с города навезла, как напьются, так расстреливают. Ремонтники несколько штук себе хапнули, до дома они их вряд ли довезут, а так поделиться готовы…

— А что они хотят за телевизор?

— Да ничего, попозже придут еще с одним бидоном за водой, заодно и телик принесут…

— Слышь, а он хоть что-нибудь ловить-то здесь будет? Телецентр-то вроде как еще не у нас, да и антенны нету. И где мы электричество достанем? Может, у них еще и агрегат есть?

— Да они говорят, телики маленькие, типа автомобильных — от аккумулятора работают. А смотрят там первую, вторую и еще какую-то местную хрень, а антенну пусть вон связист сделает, он же должен шарить.

— Ну давай, пусть несут, может, новости какие посмотрим…

Связист, озадаченный изготовлением антенны, почесал лысую голову и удалился.

Через сорок минут мы смотрели на экране маленького цветного телевизора новости.

Дикторы несли какую-то хрень, позируя на фоне полуразрушенной казармы летчиков и сообщая, что они находятся чуть ли не в центре города, показали колонну десантников, лихо восседающих на броне, потом начали показывать раненых в госпиталях и прочую не касающуюся нас ерунду. Переключились на другой канал, посмотрели какой-то американский боевичок. Глаза у меня начали слипаться, и я, озадачив Пашу проконтролировать своевременный отбой, полез в свой командирский отсек и благополучно заснул без всяких сновидений. Странное дело: в книжках я раньше читал, что сон солдата на войне чуток и тревожен, часто мучают кошмары и души убиенных врагов. Я же спал как сурок, абсолютно не реагируя на внешние раздражители, душа убиенного мной чеченского БТРа меня абсолютно не беспокоила.

С утра меня разбудил Садыков и, жутко зевая, сообщил, что душ готов, КамАЗ заправлен и по телевизору скоро будут утренние новости. Личный состав еще спал: я вчера назначил подъем на семь часов утра, рассудив, что никчемная спешка перед выездом на задачу абсолютно не нужна. Вчера подготовились полностью, все перепроверили по нескольку раз, оружие и боеприпасы готовы, так что пусть солдаты-матросы еще похрючат в теплом кузове.

Господи-и-и!!! Черт побери, как бодрит-то горячий душ на утреннем морозе!

Быстренько помывшись и понежившись под теплыми струями, я, клацая зубами, оделся, набросил поверх «горки» бушлат, вышел из кабинки и обошел кузов. На ПХД дневальный уже выставил на стол чайник со свежезаваренным чаем, тарелку с лепешками и банку с вареньем.

«Барство какое-то», — подумал я и с удовольствием принялся прихлебывать горячий чай, закусывать лепешками с вареньем и просматривать различные телепередачи как развлекательного, так и информационного характера. Того и гляди начну требовать кофе в постель и свежие газеты…

Конечно же, в девять утра Осипов со своими людьми не

прибыл. Не прибыл он и в десять, и в одиннадцать. Мы уже давно свернулись, закрепили все имущество в кузове, народ расселся на броне и начал подремывать. Ехать за кем бы то ни было, а уж тем более за неприветливым Осиповым, я не собирался. Нам сказали, приедут в девять, вот и будем сидеть ждать. Дай бог, в штабе все передумали и переиначили, так что, может быть, останемся на месте.

Связист развернул 159-ю, пообщался с Пунктом Управления разведкой и вопросительно посмотрел на меня. Я сказал ему, чтобы он не сворачивался и был все время в дежурном приеме. Ожидание — что может быть хуже! Я уже от нечего делать несколько раз перестроил колонну, потренировал личный состав в спешивании в различных ситуациях, посадил на пожарную машину пулеметчика с РПК-Сом, потренировал Садыкова и разведчика, который был назначен водителем на вторую машину.

Решив, что, если к четырнадцати часам никто не подъедет, я поставлю задачу Паше на приготовление обеда, я, емко зевнув, растянулся на матрасе, расстеленном на броне, и принялся созерцать лениво бегущие облака. Погода, на удивление, была ясной и не дождливой.

Осипов подъехал к часу дня на чихающем выхлопами ГАЗ-66. Вылез, недовольно осмотрелся и позвал меня к себе. Ну, все-таки майор, что тут поделаешь, пришлось не спеша подойти.

Даже не поздоровавшись, он начал мне высказывать всякие неприятности:

— Ты почему за нами не приехал? Мне пришлось бегать, машину искать!

— Да я как-то и не собирался, мне задачу поставили здесь ждать, а вы должны были приехать к девяти, вот я и жду…

— Чем ты слушал, лейтенант, тебе что, с утра не сообщили, что ты должен приехать и забрать меня и мою группу?

— Я на связи с девяти утра, и мне никто ничего не сообщал. Кстати, мой начальник обещал данные по району и по взаимодействующим, поддерживающим подразделениям дать. Он ничего не передавал?

Осипов злобно зыркнул и полез за пазуху. Достал из-под серо-черно-синего плащевочного костюма целлофановый пакет и протянул его мне.

— На, смотри, это тебе твой майор передал. Сам подъехать не может, там у них какая-то заварушка ночью была…

Пара листов с планом района: несколько «синих яиц», обозначавших, видимо, скопления боевиков и занятые ими дома, несколько «красных прямоугольничков» — по всей видимости, наши блокпосты с указаниями номеров частей; на обратной

стороне частоты и позывные да пара фамилий. Негусто, однако, но, в принципе, и это хлеб, будем пользоваться тем, что есть.

Прибывший майор начал разворачивать бурную деятельность и сперва попытался ссадить с брони весь мой личный состав. Из кузова «шишиги» начали выпрыгивать здоровенные мужики, облаченные в такие же плащевочные костюмы, увешанные различным вооружением и подсумками.

Разведчики мои приказания Осипова самым наглым образом игнорировали, тупо улыбались, слушая команды незнакомого майора, и абсолютно не двигались с места.

— Они что у тебя, совсем неуправляемые? — начал орать он на меня.

— Вполне управляемые, но только мной. Да и с какой стати они должны с брони ссаживаться и перелазить в КамАЗ?..

— С той, что на БТРе поедут мои люди…

— Не-е-е, не поедут, — ответил я и тоже забрался на БТР, на свое командирское место.

Осипов выругался весьма нецензурно и приказал своим забираться обратно в кузов «шишиги». Потом подошел к броне и начал на меня орать:

— Ты разве не понял, что у меня бойцы более опытные? Твои при первом обстреле полягут, мои парни и Афган прошли, и Осетию….

— Да мне какая разница, что они прошли. Мои едут на своей броне, и не надо на меня орать…

— Лейтенант, может, ты хочешь по-правильному? Сейчас я свяжусь с группировкой, и этот БТР отдадут на задачу мне, и…

— Ага, давайте по-правильному, товарищ майор. Заодно сообщите, что я жду выписку из приказа на задачу, также карты, мне необходимо время для принятия решения, ну, все как положено по-правильному. Заодно выясните, кто мой оперативный офицер, где мой второй радист и многое другое, как раз времени пройдет не меньше суток. Пока оперативное дело на нас заведут, пока данные со всей группы соберут…

Осипов еще немного порычал, потом пообещал мне всевозможные кары после возвращения с задачи. Я ему мило улыбнулся и посоветовал поставить «шестьдесят шестой» за БТРом.

У майора запал, видимо, кончился, и он молча полез в кабину. Через три минуты мы тронулись.

Десантники, дежурившие на въезде возле дач, как обычно, весело поматерились на нас и помахали нам вслед автоматами. Проехали развилку и объехали знакомый блокпост, гостеприимно встречавший нас пару деньков назад. Двигались очень медленно,

так как пристроились в хвост какой-то большой колонны гусеничной бронетехники. Часть машин перед нами свернула налево, в сторону Гикаловского, и мы немного ускорились. По правому борту, недалеко от съезда с дороги, пара домов была разрушена чуть ли не до основания, у нескольких отсутствовали крыши и были повалены стены. Паша жестом показал мне на них и на валяющиеся неподалеку перекрученные взрывом железяки, даже отдаленно не напоминавшие остов автомобиля. Да, было дело, и совсем недавно, а такое впечатление, что черт знает когда. Иногда встречалась наша сгоревшая бронетехника, возле некоторых машин валялись трупы. Огромная эвакуационная машина БРЭМ, зацепив тросами сразу две БМП, натужно ревя дизелем, вытаскивала подбитую технику на дорогу. Всей колонне пришлось объезжать по обочине.

Оглянулся назад: вроде у нас все нормально. В кабине «шишиги» я ясно рассмотрел насупленную физиономию майора. За «шестьдесят шестым» шла красная «пожарка» — водовозка, на крыше которой разлегся разведчик с пулеметом, с интересом крутивший по сторонам головой. Наш «дом на колесах» мирно переваливался с боку на бок, словно огромная утка. Все на месте, все целы, едем потихоньку. Хорошо было бы доехать до блокпоста и не потерять машины, а то где же мы будем жить и что мы будем пить?

Колонна, идущая впереди нас, стала постепенно редеть, броня и машины по несколько штук за раз сворачивали на какие-то улицы. Вскоре перед нами осталось всего три МТ-ЛБ, облепленных мотострелками, и два крытых «урала». Может быть, они едут туда же, куда и мы, тогда будет совсем чудесно.

Без неприятностей не обошлось. Когда проезжали завал из бетонных плит, блоков и щебенки высотой метра в три, наваленный почему-то прямо на дороге, с правой стороны, откуда-то из окон полусгоревшей пятиэтажки по первой «маталыге» ударили из гранатомета. Граната прошла прямо над броней и врезалась в завал, осыпав осколками пехоту. Если бы выстрел был осколочный, то мотострелкам пришлось бы несладко.

«Твою мать, сейчас ударят по крайней машине, чтобы запереть нас в этом бутылочном горле!» — только и успел подумать я, быстро оглядываясь.

КамАЗа сзади не было! Я успел заметить только «пожарку», сдающую назад, и разведчика, лупящего из пулемета по окнам.

Мотострелки, вместо того чтобы увеличить скорость и проскочить простреливаемый участок, спешились, залегли у обочины и начали отстреливаться. Боевики нас не заперли, это

сделали мы сами. Размышляя, я с удивлением обнаружил, что уже, пригибаясь, выглядываю из-за носа БТРа, а мои бойцы рассредоточились за броней и стреляют каждый по своим секторам.

Григорович отполз в сторонку от всех, не торопясь пристроился за каким-то блоком из завала и уже кого-то выцеливал в окнах.

Люди майора Осипова выскочили из кузова и разлеглись цепочкой за своим автомобилем. Ко мне, пригибаясь, подбежал майор, плюхнулся на одно колено, поводил стволом автомата по сторонам и шумно выдохнул.

Он даже рот не успел открыть, когда я, перекрикивая шум выстрелов КПВТ, заорал на него, наплевав на всяческую субординацию:

— Майор, какого х… ты свою «шишигу» назад не отогнал, сейчас ее подобьют, и она нас запрет, мы же на фоне этого завала для нохчей как в тире — стреляй не хочу…

Странное дело: в боевой обстановке Осипов показался мне совсем другим.

Он заржал, показывая желтые прокуренные зубы, и заорал мне на ухо:

— Ой, хамишь, летеха, хотя сейчас сделаем! Твой-то КамАЗ ловко свернул за завал еще при первом выстреле, и «пожарка» за ним сдала, сейчас сделаем…

Майор, пригнувшись, побежал к своим, держа автомат стволом в сторону стреляющих домов. Видно, у бойцов Осипова действительно имелся немалый опыт. Человека три, привстав, начали длинными очередями лупить по торцу здания и по окнам. Водитель, пригнувшись, стрелой юркнул в кабину и очень быстро начал сдавать назад. Как только он отъехал, в стрельбу включились остальные. «Шишига» под прикрытием юркнула за насыпь. Ко мне подбежал один из людей Осипова, невысокий плотный боец возрастом, скорее всего, далеко за тридцать.

— Командир, наш сказал, давайте тоже отходить потихоньку. Я с той стороны завала уже был, там чисто, хотя они его поднять могут, скорее всего, он где-то заминирован.

— Как поднять? В воздух, что ли?

— Ага, взрывом. Засада-то вполне грамотная, да и пехоту надо оттаскивать, что-то они увлеклись.

А ведь боец Осипова прав: если сейчас грохнет, то нас накроет камнями и бетоном, и хрен нас раскопаешь. Пришлось скрепя сердце послать Кипрачева к мотострелкам, яростно поливавшим окна из стрелкового и пулеметов МТ-ЛБ. Кирпич под нашим прикрытием в несколько огромных прыжков достиг

крайнего транспортера и нырнул за броню. С гребня завала по домам открыли стрельбу переместившиеся люди майора. И через пару минут я понял, что стреляем только мы. Боевики прекратили огонь и отошли.

Я дал команду прекратить огонь и осторожно выглянул из-за брони. Пехота постреляла еще немного и принялась наблюдать.

— Чисто-о-о! — заорал сверху Осипов.

Я задрал голову. Майор лежал наверху, прямо надо мной, между каких-то каменюк и рассматривал противостоящий дом в бинокль.

— Отошли они! — прокричал он мне и помахал рукой. — Твой боец, водила камазовский, молодца — провода подрывные порвал все на хрен, тут с этой стороны домишки, там наверняка подрывник сидел. Мы туда тоже для острастки лупанули…

Вроде пронесло. Приказав Паше заново выстроить колонну в прежнем порядке и осмотреть личный состав, имущество и оружие, я в сопровождении связиста, осторожно осматриваясь по сторонам, побрел к мотострелкам.

Кто командовал ими, я так и не понял. На мой крик: «Кто командир?!» — ко мне вразвалочку подошел какой-то паренек в песочном бушлате и лихо сдвинутой на затылок каске.

— Я командир, что орешь?

— Здоро́во, я с БТРа, моя колонна за вашими транспортерами идет. Как у вас, потери есть?

— Старший лейтенант Романов, — представился мотострелковый командир и пожал мне руку. — Есть трое раненых, да вторым выстрелом, когда «мэтэл» цепануло, механа глушануло, сидит сейчас, зевает, как рыба…

— Слушай, вы куда выдвигаетесь? А то мне в район Минутки надо, поближе к Сайханова, там вроде блокпост наш стоит…

— Ага, туда едем, только там не блок, а ротный опорный пункт. Там сейчас не пойми какая хрень творится, как в Сталинграде: то духи наверху, а наши внизу, то наоборот. Уже вроде, говорят, оттуда Дворец недалеко. Мы блоки вроде выставляем, нас то обратно выбьют, то своя артель накроет — хрен что поймешь.

— Мы за вами пристроимся, ты не против?

— Да нет, конечно, всегда пожалуйста, сейчас с ранеными разберемся и двинем.

Я пошел к своим и послал к мотострелкам на помощь своего медика. Раненые были не тяжелые, и смысла отправлять их в группировку пока не было. Мало ли что может случиться на обратном пути, а так бойцы более-менее в здравии. Старлей Романов решил отправить раненых попозже — с большой

колонной и нормальным прикрытием. В дороге переждали еще один обстрел; на этот раз воевали неизвестные нам десантники, небольшими группами перебегающие между домов. БМДшки, задрав стволы, лупили по верхним этажам. Наша колонна решила не ввязываться. Обойти место обстрела не было никакой возможности, поэтому пришлось спешиться, отогнать машины на безопасное расстояние и залечь. Помогать огнем или советом не имело никакого смысла: десантура знало свое дело туго, и бой постепенно затухал где-то между домов.

Ехать-то всего ничего, а такие проблемы. В конце концов мы все таки добрались до ротного опорного пункта, оборудованного в большом двухэтажном П-образном доме.

Вокруг дома было оборудовано несколько укрытий, БМП загнаны в импровизированные капониры. При подъезде к опорному пункту Романов, видимо, связался со своими, и никаких неприятных случайностей не произошло. Навстречу нашей колонне выбежала небольшая группа пехотинцев, человека три с одноразовыми гранатометами, пара человек с пулеметами, пара с автоматами, залегли, направив в нашу сторону стволы. Гранатометчики изготовились к стрельбе с колена.

Старший лейтенант что-то проорал выбежавшим, согнал своих с брони, мотострелки выставили «живой коридор», ощетинившись стволами.

БМПшки в укрытиях повели стволами в нашу сторону. Техника быстренько заехала во внутренний дворик. Посреди детской площадки были вырыты перекрытые щели, оборудована минометная позиция. Выбитые окна заложены мешками. К нам подбежал какой-то бравый военный и начал заруливать механиками и водителями, расставляя технику. Наш КамАЗ и «пожарка» приткнулись к самой стене дома, БТР поставили возле выезда и сразу же назначили наводчику сектор обстрела. Бравым военным, который заруливал расстановкой автомобилей и брони, оказался старший техник роты — пожилой прапорщик, похожий на матроса Лучкина из старого доброго советского фильма про негритенка Максимку. Ему бы еще серьгу в ухо, и сходство было бы полнейшее.

— А вы кто такие, пожарники, что ли? — с усмешкой глядя на машину, начал он меня расспрашивать.

— Ну вроде как да, хотя если тебя беспокоят лишние несколько тонн воды, так мы уедем, — съязвил я в ответ.

— О, это дело, а то мы до колодца в соседних дворах постоянно с боями прорываемся, такие гости всегда в радость…

Взаимопонимание было достигнуто в течение пары минут. Подошел Осипов и начал расспрашивать, где находится

командир. Втроем мы спустились в подвал дома, прошли извилистым коридорчиком и ввалились в довольно просторное помещение, более-менее расчищенное от хлама и освещаемое тусклым дневным светом через подвальные окошки, полузаложенные мешками. В углу дымила печка типа «буржуйка», возле которой на корточках сидел то ли солдат, то ли офицер в черном танковом комбинезоне и с наслаждением курил, пуская дым в приоткрытую заслонку.

— Юра, — обратился к нему техник, — тута гости к нам, неплохие гости — у них воды целая машина, да со второго батальона Романов к нам с людьми пробился. Чую, наступать снова попрем!

Ротный чертыхнулся и, встав с корточек, подошел к нам.

— Здорово, мужики. Вы ежели к нам, то гостям, да тем более с водой, а она сейчас на вес золота, мы завсегда рады. Ежели дальше поскачете, то не советую: тут буквально через два дома от нас третья рота нашего батальона взводный опорный хотела выставить — так чичи броню пожгли, а людей уже два дня вытащить оттуда не можем, кроют, падлы, со всех сторон. Так что не советую, мы тут на самом передке…

Осипов схватил командира за рукав комбинезона и поволок в уголок, от меня подальше, — наверное, опять объясняет про свою суперсекретную задачу, боится, наверное, что я его духам сдам.

Ожидая конца разговора, я присел на роскошное кожаное кресло, абсолютно не гармонирующее с убогой обстановкой подвала, и с удивлением осмотрелся. М-да-а-а, обстановочка еще та. Сырые подкопченные кирпичные стены, кое-как очищенный от мусора бетонный пол, одну из стен занавешивает роскошнейший красно-коричневый ковер, который протыкают насквозь куски арматуры, торчащие из стены. На арматуринах развешены в живописном порядке автомат, нагрудник, бронежилет, каска. Вдоль стен стоит пара приличных кожаных диванов, видно, из одного с креслом комплекта. Парочка огромных деревянных кроватей, застеленных красивыми пушистыми пледами. Посредине кухонный стол, застеленный плащ-палаткой, с какими-то бумажками, полевым телефоном и радиостанцией, от которой куда-то через окошко наверх уходила антенна. Рядышком роскошный стол, наверняка из какой-нибудь ценной породы дерева, пожженный в нескольких местах, на котором сиротливо стоит солдатский котелок и валяется нераспечатанный пакет со «спиртовым» хлебом. Убогость и роскошь в одном флаконе…

Ротный переговорил с майором и подозвал меня к столу с картами и бумажками. На его схеме данных было гораздо больше, чем на той, которую мне передали из разведывательного

управления. Я быстренько достал свою, вынул из-за пазухи карандаш и начал переносить обстановку, одновременно вслушиваясь в пояснения, где у духов какая огневая точка, как лучше пройти и еще много чего полезного. Договорились, что миномет с опорного пункта будет прикрывать нас по запросу огня, вызвали командира минометного расчета. Пришел совсем молоденький щуплый солдатик в непомерно больших сапогах, бушлате-ватнике и шапке-ушанке с развязанными ушами. Несмотря на весь свой комичный вид, солдат был довольно серьезен: бегло осмотрел схему, поинтересовался у меня маршрутом выдвижения, вытащил из сержантской сумки, болтавшейся на боку, свою схему огней и, аккуратно развернув, расстелил ее на столе.

При виде схемы, предоставленной командиром расчета, я про себя тихонько ахнул и еле успел поймать челюсть. Схема, исполненная от руки и, скорее всего, перерисованная с плана ротного, была выполнена настолько мастерски и с любовью, что с первого взгляда было и не понять, типографская это распечатка или народное творчество. Все значки позиций, огневых точек были вычерчены мастерски, с соблюдением всех пропорций, аккуратно подтушеваны. Все подписи — как по линеечке, каллиграфическим почерком. Вот и доверяй после этого внешнему виду солдата. Боец достал из планшета артиллерийскую линейку, начал отмечать на своем плане цели, достал блокнотик, принялся что-то считать.

На все вопросы Осипова он никак не реагировал и вопросы задавал только мне. Видно, принял меня из-за бритой башки за своего — такого же солдата-срочника. Общаться с таким было сущее удовольствие, особенно когда рядом злился Осипов, а ротный мотострелков, сидя в кресле, тихонько посмеивался и делал вид, что изучает карту. Обговорили порядок запроса огней и расстались, вполне довольные друг другом.

Ротный пригласил нас прогуляться по его опорному пункту и с крыши провести небольшую рекогносцировку маршрута выдвижения.

На улице где-то неподалеку была слышна стрельба и уханье гранатометных выстрелов.

— Опять наших долбят, и связи никакой, — покачал головой мотострелок. — И огонь бы запросить артели, чтобы за подвижным огневым валом к ним добраться да вытащить, да наверху боятся то ли своих, то ли мирных положить, а пацаны там уже второй день как в ловушке. Пытались к ним прорваться, да без толку, своих пятерых на ледник в подвале положили. Теперь вон, когда Леха Романов прискакал, может, что-то и

придумаем.

Старлей Романов помахал нам из окошка и проорал:

— Юре-ец, мы правое крыло заняли — своих в левое перемести. А минут через двадцать подгребайте, у меня водяра есть…

Группа Осипова сидела на бетонных блоках вокруг своей «шишиги», осматривая снаряжение и оружие и с удивлением наблюдая за моими разведчиками.

Пока я знакомился с местным командованием, Павел развил бурную деятельность.

Возле КамАЗа мешками огородили небольшой уголок, где развернули пункт хозяйственного довольствия и начинали готовить поздний обед. Творческая натура моего заместителя была не лишена некоторого показушного эффекта, и поэтому Паша лично облачился в белый фартук, который, скорее всего, переделал из самодельного маскхалата, и кашеварил на паяльной лампе. Увидев меня, он сделал театральную паузу и прокричал так, чтобы слышали все:

— Командир. на первое что сегодня готовить: борщ или лапшу?

— Давай лапшу, — ответил я, помня о том, что борщ нам готовить совершенно не из чего, а вот мука для изготовления лапши и куриные бульонные кубики у нас имеются.

Местный ротный с удивлением уставился на меня.

— Ни хрена себе у вас разносолы! Может, у тебя еще и баня с собой имеется?

— Бани нет, а душ горячий имеется, да и стиралка с вошебойкой тоже есть. Сейчас осмотримся, и можешь без проблем заходить постираться и душ принять…

— Да ну, кончай прикалываться, какой на хрен душ! А постираться я бы не против, да где это все сушить?

— В вошебойке, конструкция позволяет. Так что, если хочешь, приходи, я команду дам, чтобы раскочегарили. Только солярки накапаешь, а то у нас водогрейки на соляре работают, — немного слукавил я: солярки своей всегда жалко, если рядом есть чужая.

— Ну-ну, — он недоверчиво покачал головой, пытаясь понять, шучу я или нет.

— Садыко-о-ов! — заорал я.

— Я здесь, товарищ лейтенант, — высунулся из какого-то окошка водитель.

— Ты там что делаешь, опять земляков нашел?

— Ага, нашел, — заулыбался татарин.

— Разверни душ, к нам в гости местный командир придет помыться-постираться, солярки он даст…

— Сейчас сделаю, — проорал татарин и, выпрыгнув из окошка, побежал к КамАЗу.

— Ты что, серьезно? — спросил ротный-мотострелок, с удивлением уставившись на меня.

— Конечно. Можешь своих офицеров, прапорщиков помыть, мы не жадные. Только учти — порядок за собой, ну и соляра, соответственно.

Через несколько минут подошел старший техник. Услышав про солярку, насупился, но когда ему объяснили, для чего, пообещал отлить сколько надо и первым испробовать душ.

Через второй этаж поднялись на чердак. На крышу ротный посоветовал не вылезать: постоянно стреляют, и все наблюдение ведется с чердака, обзор вполне приличный, да и более-менее безопасно. Два бойца, сидевших в наблюдении, занимались тем, что выдалбливали кирпичи из стенки кусками арматуры.

— Эй, соколы мои, вы что тут вытворяете? — поинтересовался ротный.

— Тащ-щ капитан, окошки на одну сторону только, слева да справа не видать ни хрена, а сегодня с утреца Мурый с биноклем пристроился, так снайпер духовский ему чуть хавальник не подпортил. Мы щас кирпичей понавыбиваем, дырок наделаем — и смотреть можно, да и ствол просунуть…

— Мурый, ты чего это подставляешься? И так один мужик в своей деревне, убьют тебя — кто девок-то портить будет? — спросил капитан сопящего бойца, ловко орудующего арматурой.

Солдат хрюкнул и пробурчал:

— Не, не убьють, я сам ихнего снайпера выщеплю, а то оборзел уже…

Осмотрели местность: мы с Осиповым побегали от одного окошка к другому, выбирая наиболее оптимальный маршрут. Я вызвал Ежа и Кирпича и озадачил их внимательно изучать местность, так как они, по обыкновению, пойдут первыми. Предстоял нелегкий разговор с Осиповым, и, пока бойцы, взяв у меня бинокль, ползали по чердаку, я отвел майора в сторонку и напрямую спросил, как пойдем.

Мне предложили высказать свои варианты. Вариант у меня был один, и очень простой.

У моей группы задача вывода и обеспечения, поэтому мы пойдем первыми отдельно от группы майора, сами по себе. Так как решили выходить в ночь, то видимости, соответственно, не будет никакой, тем более под вечер погода испортилась и с неба посыпался мелкий снежок. Надо обдумать вопрос связи между группами в таком случае.

Для вывода группы Осипова в район выполнения задачи

лучше всего подходит тот дом, в котором второй день в осаде сидят мотострелки из третьей роты. Если добираемся к ним ночью без проблем и боестолкновений, то там, осмотревшись, если позволит обстановка, устроим базу.

Майор со своими бойцами будет пока ждать у пехоты, а мы, осмотревшись и оценив обстановку, вернемся и проведем всех по уже разведанному маршруту.

От того дома до района Осипова идти совсем ничего, местный миномет уже не сможет нас прикрывать: как объяснил боец-минометчик, какие-то углы и здания не позволяют, — но все равно оттуда работать будет намного проще, да и вряд ли боевики сообразят, что осаждаемый дом используется как база для подразделения супер-пупер-спецназеров-диверсантов, или кем там является Осипов со своей командой. Если мой вариант не удается, отходим под прикрытие своего огня и пытаемся выбрать и разведать другой маршрут.

Мой вариант Осипову понравился: так он, конечно, меньше будет подставлять своих. Но все-таки видно, что майор был опытным воякой: в моих рассуждениях он кое-что уловил и, немного подумав, задал вопрос:

— Ты, лейтенант, я так понял, побаиваешься с нами общим отрядом идти, типа майор может управление перехватить да скомандовать что-нибудь не то?

— Ну и это тоже, а с другой стороны, я со своими — сборная солянка, а у вас псы войны, если в какой огневой мешок попадем, то потерь-то намного меньше будет, а то, может, и нас и вас расколбасят, а так только нас…

— Логика у тебя какая-то непонятная: ты же так больше рискуешь и собой, и своими.

Я не ответил и пожал плечами. Смысла не было рассказывать, что я считал, что если я пойду сперва одной своей группой, то буду рисковать гораздо меньше; но это сугубо мое личное мнение.

Осипов поразмышлял и предложил мне взять в группу парочку его бойцов, чтобы хотя бы кто-то из его группы знал маршрут. Скрепя сердце пришлось согласиться. Оставив головную пару еще понаблюдать, мы спустились вниз во дворик. Солярная печка-«водогрейка» уже гулко гудела, а с ПХД доносился запах жареного лука. Мои разведчики, рассевшись в линейку за КамАЗом на рюкзаках, оборачивали неподвижные части оружия бинтами и готовили маскхалаты. Оно и правильно: снежок не прекращался, и маскировка никогда не помешает.

Группа майора на сухом спирту разогревала банки с тушенкой и кашей и с завистью поглядывала в сторону моих

бойцов. Пришел капитан — командир роты, с цветастым полотенцем через плечо и с солдатскими тапочками под мышкой.

Из душа вылез довольный красномордый техник и счастливо ухнул.

— Лейтенант, продайте свой душ, я вам за него одну вполне целую БМП отдам и трофейный КПВТ на ваш БТР, новенький, в смазке еще…

— Не, не продается. Чертежи и технологию продать, конечно, можем, а душ нет. А ты, кстати, нашу стиралку-сушилку видел?

— Хорошая конструкция, воздух вовремя главное стравливать. Я вашему водителю-татарчонку клапан давления подарил, он говорит, как на Ханкалу вернетесь, он присобачит. Ух-х-х, а чем пахнет-то так завлекательно?

Прапорщик с удовольствием потянул носом. Капитан, устав слушать своего зампотеха, не выдержав, оттеснил его в сторону и нырнул за занавески душевой кабинки.

— У-у-у-у, мля, как хорошо! — раздалось через пару минут. — Михалыч, отдавай им две БМП на хрен, все равно при наступлении пожгут…

Расположились мы в подвале у ротного за большим столом в кожаных креслах. Романов принес несколько бутылок водки, мои разведчики принесли большой бачок с аппетитно пахнущей лапшой, банку с помидорами, несколько луковиц, лепешек и сковородку с гречневой кашей. Местный ротный выставил несколько банок с рыбными консервами, техник Михалыч достал откуда-то из загашников большой шмат копченого сала и шинковал его тонкими ломтиками.

Я опрокинул пару колпачков водки и больше не стал: мне предстояло выходить со своей группой в два часа ночи, и голова должна была быть ясной. Осипов последовал моему примеру.

Мотострелки прикончили пару бутылок и на этом решили закончить. Пили чай, вели неспешные беседы; войны, по общему молчаливому согласию, старались не касаться, вспоминали свои военные училища, гарнизоны на большой земле, недобрым словом помянули политику. Капитан Юра ради хохмы притащил японский двухкассетник и негромко, для фона разговора, врубил какую-то музыку. Это была старая панковская группа «Сектор Газа», которую мы любили слушать еще в училище, будучи курсантами.

Панки весьма комично пародировали какую-то русскую народную сказку, перемежая скрипучие речитативы популярными песенками. Посмеялись вдоволь. На песенке «Все зае…о», которую техник Михалыч объявил гимном своего батальона, начался обстрел.

Местные суетились мало, у них все давно было отработано. Ротный не торопясь накинул поверх комбинезона бронежилет, надел каску и спокойно выбрался наружу. Я же на всякий случай поторопился — мало ли что. Рядом со мной, пригнувшись, чтобы не задеть головой какой-нибудь потолочный выступ, семенил Осипов. Моя группа уже в полной готовности, с рюкзаками за спиной, засела возле стены дома, бойцы Осипова сидели возле «шестьдесят шестого».

Садыков бегал возле своих машин и умолял Аллаха, чтобы боевики не начали стрелять минами. Капитан Юра предложил мне со своими занять позиции возле торца одного из домов и наблюдать, а в случае чего валить всех подряд: вряд ли нас обстреливает кто-то из федеральных войск. Группе Осипова предложили спуститься в укрытие и быть в резерве. Мужики повозмущались, но под давлением своего командира цепочкой спустились вниз.

Два солдата, залегшие за блоками возле БМП, нам весьма обрадовались. С нами, как объяснили они, было немного повеселее. Приказав не стрелять попусту, я забрался на броню и постучал по крышке люка. Высунулся наводчик, увидев меня, сразу же спросил:

— Братан, есть чо закурить?

Каждому свое: тут бой разворачивается, а бойцу абсолютно пофиг — ему курить охота.

— Есть, конечно, — успокоил я его. — Ты там один? Открой командирский, я залезу…

Открылся командирский люк, и я стрелой влетел на командирское кресло, плюхнувшись сразу на задницу и даже не задев его ногами, прижимая левой рукой автомат к груди.

Да, недаром нас взводник в училище гонял — мы с моим напарником курсантом Валей Руденко на дальневосточном морозе влетали на места командира и наводчика за девять секунд, причем в зимнем камуфляже, увешанные снаряжением, лопатками, фляжками.

Одарив наводчика сигаретой, я сразу приник к окуляру прицела, всматриваясь в местность.

Наводчик, сдвинув шлемофон на затылок, блаженно курил, немного отворачиваясь в сторону и выпуская дым в сторону десантного отделения.

— Я на себя «чебурашку» переключу, — сказал я бойцу и щелкнул тумблером.

— Ага. А ты что, тоже из наводчиков али механов?

— Да я и наводчик, и механик, что на «бэхе», что на «бэтэре»…

— Круто, — спокойно согласился боец.

Так за весь бой в нашем секторе никто и не появился. Минут через пятнадцать-двадцать стрельба стихла. Я посидел с наводчиком, поговорили о жизни, рассказали по паре забавных случаев на стрельбах, пока не поняли, что бой прекратился.

Глава 8

Проснулся я ровно в половине второго. Меня разбудил Паша, сам зевавший во всю пасть.

— Командир, кофе и сигара!

— Паша, уважай мою должность и звание, а то сейчас дам в лоб прикладом и заставлю искать реальные кофе и сигару…

— Так реально вот кофе, а вот сигара, — Павел протянул мне большую фаянсовую кружку, источавшую небесный аромат, и большущую сигару, свернутую из цельного табачного листа.

Сон как рукой сняло. Передо мной действительно стояла кружка с горячим кофе и лежала сигара.

— Это где же вы умудрились так разбогатеть?

— Да татарин тут земляка какого-то нашел, привел его, в душе искупал, вшей потравил, вареньем угостил. А парнишка, оказывается, на муллу где-то в медресе заграничном учился, да что-то у него не срослось, он обратно вернулся и в армию пошел. А кофе он с собой таскает: у арабов еще пристрастился пить. Он же, кстати, сам его и варил.

— О как бывает! А сигара откуда?

— А сигару мы выменяли у этих «серых», с которыми работаем: у них сапер ихний сигару курил, так мы им ужин сварганили с их продуктов, а они нам сигару задарили…

Ох, красота — подымить сигарой и попить кофе, причем сваренный весьма искусно и со знанием дела…

Притушив сигару и спрятав в нагрудный карман, с кружкой кофе я выполз на улицу.

Группа была уже готова и сидела вдоль стены дома в походном порядке.

Связист подошел и доложил, что связь с местными подразделениями есть, а с Центром — когда как, то пропадает, то появляется; в городе идут бои, и эфир постоянно забит переговорами, целеуказаниями и криками о помощи. Подошли люди Осипова, идущие с нами: один здоровенный бородатый пулеметчик, в лапах которого ПКМ выглядел игрушкой, и еще один боец с автоматом и одноразовым гранатометом за спиной.

Пулеметчика я поставил рядом с собой и связистом, автоматчика отдал Паше в тыловой дозор. Проверились, пересчитались, я дал последние указания, перекинулся парой слов с Осиповым, который уже построил свою группу в полной готовности. Проверили поочередно связь со всеми, подтянули маскхалаты и двинулись…

Головная пара, сперва обогнув торец опорного пункта,

двигалась крадучись вдоль стены соседнего дома, потом взяли немного вправо и пошли ближе к щербатому тротуару. Смысл маневра стал мне понятен через несколько шагов. С противоположных домов на фоне серых стен крадущиеся белые фигуры были отчетливы видны. Жидкий снежок продолжал сыпаться с неба, засыпая наши следы. Пять минут движения прошли нормально, без происшествий. Где-то недалеко за домами раздалось несколько автоматных очередей и гортанные крики, за несколько кварталов от нас начали работать танки. Скорее всего, били по той самой «Минутке», где-нибудь в районе моста. По направлению нашего движения из-за домов взлетела осветительная ракета. Плюхнулись на землю, положив под себя оружие. Неизвестные одной ракетой не ограничились, и в небо взлетела целая серия различных цветов. Лежать на сыром стылом асфальте и ждать как-то не очень приятно, но ничего не поделаешь: засветиться самим на половине маршрута и попасть под огонь неизвестно с каких окон тоже не очень приятно, поэтому придется пережидать. Но, как оказалось, осветительные ракеты — это не самая большая неприятность.

Из переулка между пятиэтажек выбежало человек пятнадцать непонятной принадлежности: то ли федералы, то ли боевики. Заняли позиции вдоль стены, вполголоса переговариваясь между собой. О чем говорят и на каком языке, из-за гремящих в округе выстрелов было абсолютно не слышно. Ни пошевелиться, ни сдвинуться, ни подать какой-либо знак группе не было никакой возможности; оставалось надеяться на то, что у моих разведчиков хватит выдержки и терпения переждать появление незваных гостей.

Неизвестные, немного полежав и отдышавшись, поднялись и снова бегом отправились по своим делам, обогнув дом и нырнув в следующий проулок. Кто это был и что они делали в этом районе, так и осталось неясным. Да и черт с ними, мы идем по своей задаче, а они наверняка по своей. Они нас не заметили, и нет нам до них никакого дела. Переждав сполохи огня от ракет и полежав еще минуты три, я привстал на колено, осмотрелся и подал знак рукой головной паре. Еж и Кирпич привстали, поводили стволами в разные стороны и потихоньку, перебежками, двинулись дальше, постепенно наращивая темп движения. Понемногу перешли на легкий бег, почти что без остановок. Если будем двигаться не останавливаясь, то через десять минут будем возле того дома, где вторые сутки держит оборону взвод мотострелков.

Добежали — вот он, этот самый дом. Пятиэтажка, наполовину разрушенная артиллерийскими обстрелами. Один угол почти что полностью развален и представляет собой кучу строительного

мусора высотой в два этажа. Из-за обрушившейся стены видны темнеющие внутренности разгромленных квартир. Со стороны улицы возле дома стоят две БМП с сорванными гусеницами, носами в разные стороны. По всей видимости, боевые машины были подбиты в самом начале боя, и десант, спешившись, забежал в дом и занял оборону. С тактической точки зрения полуразрушенная пятиэтажка была очень невыгодным местом для разворачивания опорного пункта. Напротив точно такая же с пристройкой магазина по всей длине, оттуда можно без проблем обстреливать обороняемый дом с различных уровней. Рядышком на противоположной стороне, через перекресток, одна из тех самых «грузинских» девятиэтажек. Если бы мотострелки на скорости проскочили простреливаемое место засады и выскочили к девятиэтажке, то оказались бы в более выгодном положении, могли бы вести наблюдение на все стороны, не подпуская никого к себе, можно было бы держать под контролем перекресток и две улицы, простреливая их почти что на всю длину. Да и боевые машины можно было бы укрыть среди бетонных баррикад, наваленных во дворике дома.

Пока я размышлял, группа заняла круговую оборону, и дозор ползком и перебежками начал карабкаться по каменно-бетонно-щебеночному завалу вверх. Заходить со стороны улицы было намного опаснее, нас могли или перестрелять свои же, или обнаружить наблюдатели боевиков и также банальнейшим образом перестрелять.

Ежов и Кирпич совсем исчезли из виду среди каменных нагромождений. Пошло томительное ожидание. Вскоре спустился Кирпич и, подбежав ко мне, зашептал на ухо:

— Командир, здесь пехота, мы «фишку» их нашли. Боец какой-то невменяемый, надо идти смотреть.

Потихоньку я пополз за Кипрачевым, постоянно натыкаясь на камни и куски железа.

Посреди разрушенной комнаты, на диване, присыпанном строительным мусором, сидела какая-то нелепая фигура и покачивалась из стороны в сторону, тихонько подвывая себе под нос. Ежов затаился в углу комнаты, стоя на одном колене и держа фигуру под прицелом.

Мы обошли диван сбоку и приблизились к сидящему. Боец, накрывшийся с головой каким-то драным одеялом, то ли дремал, то ли находился в прострации: руки на автомате, лежащем на коленях, глаза закрыты, качается из стороны в сторону и что-то тихонько воет себе под нос. Я приблизился и поставил ногу прямо на автомат, во избежание каких-либо неприятностей. Боец дернулся, голова перестала мотаться из стороны в сторону. Я

приблизил свое лицо к нему и чувствительно шлепнул по щеке.

— А-а-а, су-у… — попытался что-то прохрипеть солдат. Но я ему быстренько прикрыл рот:

— Тиш-ш-ше, тише, болезный, мы свои, федералы, русские мы…

Кирпич подошел и прислонил ствол к голове невменяемого солдата.

— Не вздумай кричать, — напомнил я бойцу и осторожно вытащил из его рук ствол. Боец дернулся и затих. Я вынул из разгрузки фляжку с заветным «НЗ» спиртного и прислонил ее к губам солдата.

— Пей…

Боец дернулся, я зажал ему нос, он хрюкнул и начал глотать. Сделав два неуверенных глотка, присосался так, что пришлось отрывать.

— Ништя-як, — вполне вразумительно произнес он. — А закурить есть?

Ну вот, минуту назад это было невменяемое существо, а теперь просит закурить.

— За диван спрячься, — посоветовал я ему и протянул сигарету.

— Ага, — сказал боец и, не снимая с себя одеяла, завалился за спинку дивана. — Вы ежели свои, то ствол отдайте.

Я протянул ему автомат, солдат цапнул его и, накрывшись одеялом, прикурил.

— А вы кто? С нашего полка или еще откуда?

— Да еще откуда, здесь с вами будем воевать…

— Какой тут воевать. Валить отсюда надо побыстрее, пока всех не перещелкали. Нас человек восемь тут осталось, а вас что, всего трое, что ли?

— Да нет, побольше, скоро еще подтянутся. Ты давай докуривай, веди к своим, я «фишку» свою выставлю.

Кирпич по моему знаку нырнул через разлом и скрылся в ночи. Через пару минут подтянулась вся группа, я выставил своего наблюдателя. Местный боец удивленно рассматривал нас и хмыкал. Накурившись вдоволь и попив принесенной нами воды, он махнул рукой и повел нас через разрушенные комнаты и коридоры.

Прошли через пару захламленных коридоров и вошли в большой зал на первом этаже.

— Аптека здесь была, — пояснил сопровождающий боец.

В одном из углов я заметил несколько человеческих тел в различных, как будто застывших позах. Кто-то был закрыт плащ-палатками и одеялами.

— Все наши, — кивнул боец, — кого постреляли, кто от ран помер. Возле брони еще валяются — не подобрать никак.

Откуда-то из глубины зала появилась фигура еще одного бойца, медленно переставляющая ноги и волочащая за ремень автомат.

— Пискуно-о-ов, душара, мать твою, кого там притащил?.. — захрипел подошедший боец и, закинув автомат на плечо, направил ствол на нас.

— Товарищ лейтенант, наши это, на помощь пришли…

— А что ты, сука, с «фишки» ушел?

Пришлось в разговор встрять мне.

— Да успокойся, лейтенант, мы свои, федералы с Ханкалы, разведку ведем перед наступлением.

Лейтенант вздохнул, проматерился под нос и позвал меня за собой. Расположились мы с ним среди нагромождения кирпичей, возле вонючего костерка из обломков мебели.

— Странно, что вы без проблем прошли, да и этой ночью почти не стреляют — видно, поняли, что бояться нас нечего и брать с нас не хрен. Так, пугают иногда, чтобы мы не высовывались. Я бы бойцов сегодня увел, да бесполезно кого-либо уже расшевеливать: как зомби ходят, ползают, хрен что втолкуешь, вот Пискунов, видать, и прощелкал вас…

История обычная в эти январские дни. Поставили задачу и вперед выполнять, не получилось — да и хрен с вами, потом разберемся или других пошлем. Где артиллерийская поддержка, где взаимодействующие и поддерживающие подразделения — взводник не знал, и ему это уже давно было по барабану. Лишь бы выжить и сохранить в живых побольше своих подчиненных…

Лейтенанта клонило ко сну, он часто дергал головой, озирался по сторонам, речь затухала.

Помощи и внятных объяснений от него сейчас не добьешься; все, чем я мог ему помочь, — это уложить его спать. Так я и сделал. Лейтенант вяло поднялся, в несколько минут собрал своих оставшихся в живых подчиненных и убрел куда-то в глубь дома отсыпаться.

Пока не стало рассветать, надо отправлять Пашу за Осиповым и его людьми. Хотя, пока есть возможность нормально дойти и туда и обратно, можно придумать что-то гораздо получше.

— Свя-я-язь, давай мне «Бульвар»! — Таким был позывной ротного опорного пункта на улице Сайханова.

Подошел связист и протянул телефонную гарнитуру:

— Старший «Бульвар» на связи…

Переговорили. Капитан мою затею понял: с группой Осипова придет старлей Романов со своими людьми, подтащат

автоматические гранатометы и вьюки со «Шмелями», привезенные с собой с Ханкалы.

Группа распределилась по зданию, Ежов, взяв у меня бинокль, полез на верхние этажи с задачей во все глаза наблюдать за девятиэтажкой на перекрестке и по возможности отмечать на моем плане все обнаруженные огневые точки.

Паша, взяв с собой Григоровича и двух людей Осипова, скрылся в ночи. Будем надеяться, что все пройдет нормально на пути туда и обратно. Минут через сорок подполз радист и сказал, что «Бульвар» людей приготовил и ждет наших проводников. Значит, мои еще не дошли. Связист меня успокоил буквально минуты через три: все нормально, дошли, выдвигаются обратно с людьми.

Ночь прошла нормально. Где-то стреляли, и я вслушивался в ночь, надеясь, что стреляют не на нашем маршруте и не по нашим людям.

Постепенно начало светлеть, подполз связист и протянул мне кружку с горячим кофе.

— Ты когда умудрился сварить? — восхитился я, прихлебывая обжигающий напиток.

— Да друган нашего татарина наварил и в фляжку налил, уже готовый…

Самое то, чтобы не заснуть. Я отполз за бетонный блок, достал сигару и раскурил, стараясь заглушить волнение. Допив кофе, я затушил сигару, снова спрятал ее в карман за пазухой. В этот момент подполз связист и показал в глубь дома:

— Пришли и наши, и эти «серые», и пехота. АГСы притащили, пулемет крупнокалиберный, гранатометов кучу, ящиков каких-то.

Ну, все нормально, жить и воевать можно. Пойдем искать Осипова и Романова, согласовываться и договариваться, как будем работать и воевать дальше.

План, который я предложил, подвергся жаркому обсуждению, причем только со стороны Осипова. Романов, немного подумав, вытащил свой план, начал что-то прикидывать и размышлять. Пришлось немного осадить майора: его группа убывает на свою задачу, мы выполняем свою по его обеспечению. Никто не заставляет его вместе со своими бойцами участвовать в задуманной мной авантюре. Если мы выбьем боевиков с пятиэтажки с магазином напротив и попытаемся захватить девятиэтажку на перекрестке, мы займем вполне выгодную позицию и своими немногочисленными силами сможем контролировать часть двух улиц с перекрестком и подходы. Майор со своими бойцами может спокойно уходить на свою задачу под нашим прикрытием. Мотострелки могут спокойно

накопить силы и средства на ротном опорном пункте и выдвинуться в наш район. Меня поддержал Романов, внимательно изучавший свой план:

— Я думаю, действительно валить надо к девятиэтажке, главное, узнать, сколько там духов сидит. Если штурманем ее, будем королями ближайших кварталов…

Осипов недовольно побурчал и пошел к своим людям. Мы со старлеем потащились через разбитые комнаты наверх, на наблюдательную позицию к Ежову, по дороге обсуждая детали предстоящего штурма.

Ежов удобно расположился на крыше дома за кирпичным бортиком на шикарном матрасе и в тусклом свете наступающего дня рассматривал в бинокль окрестные дома.

Мы сели рядышком, старлей достал свой бинокль, я отобрал бинокль у Ежа. Да, действительно, девятиэтажка давала много преимуществ в тактическом плане; если займем ее, то очень выиграем. Осталось только до конца продумать детали и выяснить, сколько боевиков будет нам противостоять.

Ежов рассказал, что заметил перемещение групп людей через перекресток из района девятиэтажки в дом с магазином. В большинстве своем вооруженные стрелковым оружием и гранатометами. Посовещавшись, решили установить на крыше один АГС на углу, из него обстреливать улицу и перекресток, отсекать их при передвижении обратно к девятиэтажке. Еще на крышу решили затащить 12,7-миллиметровый пулемет «Утес» как подвижную огневую точку, вести огонь по стоящей напротив пятиэтажке и при отходе боевиков перемещать на угол и помогать огнем автоматическому гранатомету. При обсуждении деталей пришли к выводу, что командир взвода, оборонявшего дом, был прав.

Боевикам дом не нужен, обстрелы носят чисто предупредительный и сдерживающий характер, мотострелков не выпускают из дома, не давая им возможности уйти и действуя обстрелами на психику, морально подавляя пехотинцев. Боевикам самим ни к чему были лишние потери при штурме дома, абсолютно не имеющего никакого тактического значения в ведущихся городских боях. По словам лейтенанта, командира взвода, обстрелы всегда начинались часов в одиннадцать и длились до двенадцати, иногда до часу дня. В первый день боевики садили плотно, не давая высунуть носа, на следующий день плотность огня была уже намного меньше, дудаевцы выкрикивали какие-то ругательства, кто-то даже выскакивал из дома, выпендривался перед федералами, изображал какой-то танец наподобие лезгинки и сразу же скрывался.

Прибытие свежих федеральных сил в лице нас, пехотинцев Романова и суперспецов Осипова боевики проморгали, иначе подходившие подразделения попали бы под огонь еще ночью, на маршруте выдвижения. Спустились вниз. Времени до одиннадцати часов было еще много — распределить бойцов, все согласовать, запросить огонь минометов от «Бульвара» по близлежащим домам в целях не пропустить отход или подход дудаевцев вполне успевали. Перемещались по дому как можно скрытнее, чтобы себя не обнаружить раньше времени и не привести боевиков к не нужным нам выводам и решениям. Выдвигаться к девятиэтажке будем вдоль дома с магазином, если удастся оттуда выбить противника. Пристройка магазина помешает боевикам вести огонь с верхних этажей по бойцам, перебежавшим улицу, прижавшимся к магазину и двигающимся вдоль стены. Они их просто не будут видеть. Мои бойцы находились на тех позициях, на которые я их расставил, и только Паша развел костерчик из деревянных обломков и что-то готовил в нескольких котелках одновременно. Пришлось собрать всех на несколько минут и объяснить предстоящую задачу. Конечно, нам было бы проще работать ночью и тихо просочиться в девятиэтажку, но мало ли что может случиться за день. Могут боевики пойти на прорыв, нас может накрыть своя же артиллерия, а то, может, и задача изменится и нас возьмут и перекинут куда-нибудь на площадь Шейха Мансура вместе с майором Осиповым. Так что уж лучше выполнять ту задачу, какая есть, тем более детали отработаны, силы и средства для этого в наличии. Только бы не вмешались в наши планы вышестоящие начальники: на уровне исполнителей организация боевых действий, решение и согласование вопросов поддержки и огневого обеспечения гораздо действенней. Романов знает в лицо того, кого поддерживает огнем, и знает, куда, как и во сколько побегут мои люди, знает, что так же буду его прикрывать при перебежках.

Майор знает, что поддерживаю его я, со мной можно поругаться, я могу послать подальше, но я здесь, под рукой, а не на расстоянии нескольких километров, и меня можно увидеть вживую, а не услышать сквозь помехи эфира в телефонную гарнитуру радиостанции.

Глава 9

Обстрел начался ровно в одиннадцать часов, как по расписанию. Мы даже успели позавтракать, попить чаю и еще раз проработать все детали. Я даже немножко вздремнул среди каменного крошева и кирпичей на раскладушке, притащенной откуда-то из квартир. Меня разбудили автоматные и пулеметные очереди, возле дома несколько раз грохнуло — скорее всего, обстреливали из подствольных гранатометов. Я скатился с раскладушки и пополз на позиции к своим разведчикам. Боевики беспорядочно обстреливали дом и завывали во всю глотку:

— Алл-ла-а-а, алла-а-а…

Рядышком со мной оказался лейтенант — командир взвода.

— О-о-о, блин, одно и то же, достали уже…

— Давай отвечай своими, мы попозже вступим.

Мотострелки начали вяло отстреливаться короткими очередями. Где-то прошуршал над головой и грохнул гранатометный выстрел. Заболели уши, осыпало бетонной крошкой.

Темп огня с обеих сторон то нарастал, то снижался. Короткая передышка.

— Сейчас танцор выскочит, — пробормотал лейтенант.

Я оглянулся и, чуть привстав, осмотрелся. Григорович, отойдя вглубь зала аптеки, стоя пристроился за бетонным углом и, положив ствол СВД на какой-то выступ, что-то высматривал в прицел.

Из дыры в кирпичной стене магазина выскочил высокий чеченец в камуфляже и высокой норковой шапке. Поскакал, как чертик, взмахивая автоматом и беспорядочно паля в нашу сторону.

— Э-э-эй-й-й, ублюдки-и-и!.. — гортанно заорал он. Все, больше ничего не успел выкрикнуть и сплясать. Пуля калибром 7,62 миллиметра, попавшая в лоб, откинула его на стену магазина. Норковая шапка слетела с головы и покатилась по асфальту.

— Шапка моя-я-я! — проорал Григорович.

Минометчик с «Бульвара» не подвел: совсем неподалеку начали рваться мины. Грохнула дымовая, улицу начало заволакивать. Бойцы гранатометчики, кто сидя, кто с колена, начали обстрел магазина и дома по заранее намеченным секторам; слава богу, ширина улицы позволяла гранатам взвестись во время полета.

В работу включились пулеметчики и автоматчики, перенося

огонь с первого этажа магазина и выше.

Сердце ухнуло: ну все, пора! Я привстал на колено, надел ремень автомата на шею, так, чтобы можно было стрелять с одной руки, достал из подсумка гранату, разомкнул усики, вытащил кольцо.

— Группа, приготовиться… Все, пошли!..

Как только я проорал, сразу же стартанули Еж и Кирпич — нырнули в клубы дыма, паля на бегу по окнам. Я сорвался и скачками понесся через улицу, пронесся через дым, разжал пальцы, со всей силы зашвырнул гранату через крышу магазина и свалился под стену рядом с Кипрачевым, который, уже развернувшись, короткими очередями стрелял через разбитую витрину. Прямо мне на ноги плюхнулся связист и очумело закрутил головой. Ровно через минуту вся группа была в сборе. Двинулись вдоль стены, давая предупредительные очереди сквозь пробоины и проемы. С крыши нашей пятиэтажки заработал АГС, недалеко один за одним послышались разрывы. Гранатомет короткими очередями поддержал «Утес». Все понятно: боевики, не ожидавшие отпора, отходят к девятиэтажке, и их отсекают. Головная пара выбежала на угол, залегла и начала короткими очередями лупить вдоль перекрестка. Крики «алла-а-а» прекратились. Вместо воплей боевиков среди домов заметалось громкое «ур-р-ра-а-а!» — это бесновались мотострелки, которые группой выбежали из дома, пересекли улицу и на бегу стреляли по окнам близлежащих домов. Среди грязных «песочек» пехотинцев мелькали серые камуфляжи людей Осипова. Я выполз за угол: вроде чисто.

— Головняк, вперед, вперед, не останавливаемся…

Головная пара вскочила, пробежала метров тридцать, залегла углом. Кирпич целился из РПК-Са в девятиэтажку. Еж короткими очередями простреливал улицу. Как только головная пара упала, вперед рванули я, связист и Григорович. Только мы подбежали, головняк прыжками двинулся дальше. Так, своеобразной «гусеницей», мы всей группой без потерь добрались до внутреннего дворика дома и укрылись за гаражами. Пехотинцы, занявшие перекресток, простреливали улицы сразу в нескольких направлениях, подтащили АГС на станке и «Утес». Пулемет взгромоздили на кусок кирпичной стены, валявшийся на перекрестке, задрали ствол повыше и начали гвоздить над нашими головами.

Вроде все идет по плану. Пора чистить домишко. О господи, какой он высокий — девять этажей; а сколько же в нем квартир, интересно? Ох, чувствую, упаримся мы, но дело того стоит. Кинули дымы в дворик. Кирипч и Еж рванули, мы открыли

прикрывающий огонь по окнам. Головняк по одному забежал в подъезд. Высунулся Ежов и помахал рукой. Чисто.

Все, пошли остальные. Вся группа в подъезде. Половина группы мотострелков и вся группа Осипова полностью переместилась за гаражи, держа под контролем верхние этажи. Проверили два этажа — вроде нормально, никого. Подтянулся майор со своими, дело пошло гораздо быстрее. Бойцы Осипова все-таки были профессионалами. Прикрывая друг друга, крест-накрест выбивали двери, отбегали в ожидании взрыва, простреливали комнаты, бегло досматривали, в наиболее подозрительные квартиры забрасывали гранаты.

Все было чисто, а вот на крыше сидело несколько человек боевиков. Сапер из группы Осипова, первым вылетевший на чердак, попал под огонь и, раненный, откатился за трубы вентиляции. Сапер оказался в западне: боевики держали под прицелом входную дверь на крышу, не подпуская помощь. Осипов со своими попытался прорваться, но безуспешно: пули забарабанили в металлическую дверь, всем пришлось грохнуться на лестницу.

— Бутса, ты как? — заорал Осипов.

Невидимый нам Бутса прокричал:

— В плечо, хреново мне, сейчас отрублюсь, голову не поднять — мочат.

— Алла-а-а акба-ар! — заорали дудаевцы на крыше и опять принялись стрелять по двери.

Осипов повернулся ко мне. Я думал, он разорется, что потеряет сейчас сапера, и все из-за моих нелепых планов, однако он был, наоборот, спокоен и собран:

— Лейтенант, надо сапера вытаскивать, мысли есть?

Мысли были, причем не у меня, а у Кипрачева, и эту мысль он озвучил только что мне на ухо.

— Майор, скажи Бутсе, пусть под трубы закатывается как можно дальше и за будку: сейчас будет море осколков.

Осипов проорал мою просьбу в короткий промежуток между грохотанием очередей. Бутса ответил, что он уже за будкой и ему очень хреново.

— На счет пятьсот двадцать! — проорал я Кирпичу, и тот, махнув головой, вместе с Ежом прыжками умчался вниз. Я начал отсчет. На счет пятьсот двадцать на крыше гулко грохнуло пару раз. Пулеметчик Осипова толкнул ногой дверь, выкатился из будки и, упав, начал поливать очередями. Выскочили остальные. Три боевика валялись на крыше среди грязных луж, посеченные осколками и изрешеченные пулеметными очередями. Крыша была наша. Я свистнул своего фельдшера, тот выскочил на крышу,

забежал за будку и, подхватив раненого сапера, потащил его вниз по лестнице.

Итак, дом двухподъездный, скорее всего, боевики при зачистке выскочили через крышу и ушли во второй подъезд. Дудаевцы в соседнем подъезде нам абсолютно ни к чему.

— Ну что? — повернулся я к майору.

— Чистим, — махнул он мне и, повернувшись к своим, начал отдавать своим бойцам указания.

На крышу выбежал запыхавшийся Романов.

— Ну-у блин, лифт не работает, запыхался вусмерть, — короче, мы дом обошли, и там, с другой стороны, я две пулеметные точки замаскировал. Если они с подъезда попрут, прямо на пулеметы выйдут. Людей с третьей роты я с собой притащил…

При зачистке второго подъезда пришлось намного труднее: несколько групп боевиков засело в квартирах, пришлось их закидывать гранатами и отступать снова на крышу. У меня и Осипова было пока без потерь, у Романова пару человек посекло осколками. Сам старлей в суматохе боя получил царапину через всю щеку, поэтому злобно чертыхался на моего фельдшера, извозюкавшего ему всю физиономию медицинским клеем и зеленкой прямо на ходу.

Недаром все-таки люди Осипова были супер-пупер-спецами: притащили взведенный РПО «Шмель», привязали к нему зажигательную трубку с капсюлем-детонатором, подожгли и сбросили вниз, на лестничную площадку прямо перед квартирой, где засели боевики, сами же бегом выбежали на крышу. Грохнуло так, что нас подкинуло и повалило на грязный рубероид. Из окон полыхнули снопы огня. Раздались истошные крики заживо горящих людей. Да, термобарический заряд страшная штука. И тут Романов, сунувшись снова на верхний этаж, истошно заорал:

— Огнеметчики, приготовиться, залп по восьмому этажу-у-у…

На чердачную площадку вбежал один из людей Осипова и зашвырнул вниз, через лестничный пролет, еще одного «снаряженного» «Шмеля». Мы снова распластались на крыше. Опять оглушительно грохнуло.

— Сейчас побегут, суки! — проорал мне на ухо старлей. Так оно и получилось: боевики из подъезда выкатились нестройной толпой, стреляя в разные стороны, и тут же попали под огонь пулеметов. Мы тут же включились, расстреливая выбегающих с крыши. Часть людей Романова и группа Осипова начали зачищать подъезд сверху вниз. Через двадцать минут девятиэтажка была полностью наша. Потерь было немного: двое убитых у мотострелков третьей роты, у Романова несколько раненых, у

Осипова тяжело ранен сапер, у меня ни раненых, ни убитых, только Паше осколками посекло рюкзак и поцарапало руки. Теперь мы, благодаря удачно занятой позиции, контролируем две улицы и перекресток.

Около часа мы с Романовым расставляли людей, определяли сектора огня и наблюдения.

Майор увел своих на нижние этажи — готовиться к дальнейшему выдвижению.

Почему-то я им сочувствовал: мы свою задачу выполнили и готовы выполнять дальше, а вот им еще идти непонятно куда и зачем. Радисты развернули радиостанции, связываясь с вышестоящими штабами. Мои разведчики заняли два верхних этажа, и Озернов уже обследовал квартиры на предмет каких-либо очень нужных в хозяйстве вещей.

Результатом его поиска стали два живых раненых боевика, которых бросили свои при отходе. Раненые забились вдвоем в какой-то шкаф, и их проморгали при первом досмотре. Паша, услышав возню в шкафу, недолго думая повалил его дверцами кверху и сунул внутрь дымовую шашку, а попытавшихся вылезти боевиков вырубил ударом магазина в затылок. Пленных оттащили на крышу и привязали — потом допросим, а пока некогда.

Наконец-то все утрясли и заново согласовали. На Ханкале, узнав, что мы заняли дом, господствующий в городской архитектуре района, сперва начали ругаться, потом похвалили, немного расспросили про обстановку; я пообещал подготовить к следующему сеансу связи донесение и отключился. Интересно, сколько сейчас «звездных мальчиков», рвут друг у друга из рук трубки телефонов засекреченной связи, чтобы доложить об удачном штурме дома и установлении контроля в нескольких кварталах? Вспомнят ли о нас начальники, когда будут сочинять наградные? Может, даже к лучшему, что и не вспомнят, а то еще возьмут и нарежут какой-нибудь участок прорыва, и пойдем мы дальше развивать успех. Вместо начальства обо мне вспомнил мой заместитель. Паша залез на крышу и начал звать меня вниз. При взгляде на него было трудно удержаться от смеха. Павел наполовину напоминал египетскую мумию — без бушлата и горной куртки, с закатанными по плечи рукавами свитера и обмотанными бинтами руками от ладоней и выше локтей.

— Это фельдшерюга меня так обмотал, — пояснил он. — Да ничего, вроде руками шевелить можно. Он штук пять мелких вынул, остальное — царапины, через бушлат не прошли, вот только «горку» покоцало, дырок уйма…

— А чего звал-то?

— Да мы уже обустроились, склад тушняка нашли, ящиков пять, лапша китайская, колбаса конская, да боеприпасов килограмм на триста всяких — одних «Мух» выстрелов пятьдесят будет, шашки тротиловые, шнур детонирующий, мины всякие.

Ну что же, совсем неплохо. Особенно радовали известия о запасах продовольствия. Да и лишние боеприпасы никогда не помешают. Обороняться можно будет долго и упорно.

Группа расположилась одновременно в двух квартирах — в первом и втором подъезде на восьмом этаже, а чтобы не бегать через крышу, решили с помощью тротила пробить дыру в стене. Поэтому требовалась моя помощь, как человека более-менее имеющего представление о минно-подрывном деле. Ну что же, будем разбираться: стена кирпичная, значит, надо выбить несколько кирпичей, остальные потом можно будет просто расшатать. Эх, жаль, сапер из группы Осипова ранен, а то бы он сейчас подсказал бы что-нибудь умное. Ну ладно, попробуем вспомнить, чему я научился за свою недолгую службу в спецназе. Соорудим сосредоточенный заряд направленного действия.

Бойцы по моей просьбе притащили откуда-то глубокую металлическую тарелку и, обстругав, затолкали в нее две тротиловые шашки, сверху шашек и по краям обмазали пластитом. В днище тарелки пробили и расковыряли дырку, куда я вставил капсюль-детонатор с зажигательной трубкой. Работая над изготовлением мины, я попутно обучал бойцов, давая пояснения:

— Вот смотрите. Взрыв — это струя газов огромного давления, образовавшаяся при детонировании взрывчатого вещества. Струя идет по пути наименьшего сопротивления. Тарелка немного конусная, значит, взрывная струя должна пойти в этом направлении. Если сюда натыкать гвоздей, пуль и другой лабуды, да еще все это присыпать кучкой щебня, то вся эта хрень разлетится примерно в одинаковом направлении, образуя поражающий элемент.

В конце концов вышибной заряд направленного действия был готов, тарелку прилепили на стену, и я продолжал давать пояснения.

— Если у нас используется не электрический детонатор, а капсюль-детонатор и зажигательная трубка, очень короткая, то можно сделать простейшее таймерное или, как говорят гражданские, «часовое» устройство. Видите, конец зажигательной трубки срезан чуть под наклоном? Это сделано для того, чтобы было удобнее поджигать спичкой. Мы немного надрезаем огнепроводный шнур вдоль, потом обламываем спичку и засовываем так, чтобы серная головка лежала на зажигательной

смеси шнура. Теперь «часовой» механизм. Берем две простых сигареты, желательно не наших, а импортных, да посуше. Делаем на обеих несколько отметок, раскуриваем одну и просто смотрим и засекаем время, сколько будет сигарета тлеть до каждой отметки. Можем смотреть время по часам, можем считать вслух. Когда выяснили, сколько тлеет сигарета, берем вторую, раскуриваем и прилепляем так, чтобы, когда пройдет нужный промежуток времени, тлеющая сигарета зажгла головку спички, спичка, соответственно, поджигает огнепроводный шнур, и б-ба-а-ах-х-х! Все поняли?

— Ага, — раздались нестройные голоса.

Проводить временной замер тленья сигареты, конечно же, досталось тому, у кого были импортные сигареты. Паша, обладатель пачки красного «ЛМ», вздохнув, достал «табачные палочки» и начал производить нужные замеры. Покончив с опытной частью, он спросил разрешения и, прилепив тарелку к стене, раскурил самодельный «часовой механизм». Убедившись, что все идет как надо и сигарета тлеет вполне исправно, мы не торопясь покинули квартиру и на всякий случай спустились ниже этажом. Грохнуло даже не сильно громко, но все равно к нам на площадку прискакал Романов с парочкой бойцов.

— Это что у вас тут грохает?

— Да пойдем посмотрим, — предложил я ему.

Дырка в стене была вполне приличных размеров. Мои бойцы быстренько повыбивали расшатавшиеся кирпичи. Получился вполне приличный проход в квартиру в соседнем подъезде.

— Видал, как мы жилплощадь расширяем? — не удержался я, чтобы немного похвастать.

— Нормально, а вы чем так аккуратно, мы тоже так хотим!

Я откомандировал Пашу обучать мотострелков словом и делом, дав наказ быть поосторожнее. Вскоре по всему дому забахало. Пехота делала проходы не только в стенах, но и в потолках, чтобы быстрее перемещаться по этажам. Эх, недаром был написан Боевой устав сухопутных войск, ведь там все это расписано и разложено по полочкам.

Я спустился к Осипову, переговорил с ним о дальнейшем порядке действий. Хотя моя задача уже почти что выполнена, остается только ждать, может, все-таки потребуется наша помощь на дальнейших этапах выполнения.

Договорились о том, что группа майора пойдет в ночь, примерно к часу, мы проводим их до района, чтобы на всякий случай знать маршрут и в непредвиденных ситуациях не плутать среди домов, а бежать на выручку уже известным курсом. Наши связисты еще раз обговорили вопросы связи, договорились о

сигналах, если не будет возможности что-либо сообщить голосом, перепроверили переговорные таблицы. Осипов попросил меня позаботиться о его сапере и при первой же возможности отправить его в тыл. На Ханкалу они уже сообщили о своих потерях, и Бутсу должны были встретить.

С подрывных работ вернулся Озернов, тащивший на плечах мешок с рисом, а в руках державший пучок чеснока и чулок с луком.

— Командир, тут мне презентовала пехота фигни всякой, я сейчас буду плов готовить — к нему как раз все есть, даже морковка. Ихний старлей передал, что на плов подойдет со своими сувенирами.

Пока Паша занимался разведением костра и отмыванием большого бельевого тазика, который решил использовать вместо казана за неимением лучшего, я с Ежовым еще раз поднялся на крышу. Составил схему ведения огня своей группы, потом спустился вниз и осторожно обследовал подступы и пути отхода от обороняемого дома. Не мешало бы установить парочку минных полей в управляемом варианте, ну, или хотя бы несколько растяжек. Ладно, посмотрим, как очнется Бутс, может, он будет в состоянии дать пару дельных советов по минным полям. А пока выставим несколько простых растяжек.

Еж поставил несколько гранат среди узких проулков кирпичных гаражей, через которые можно незамеченными подобраться к подъезду; я выставил две растяжки в развалинах трансформаторной будки.

Когда я возился с булавкой, вставленной вместо кольца в запал, из-за гаражей, где копался Ежов, раздалось несколько очередей, грохнула граната, короткими очередями заработал ручной пулемет Ежа. Мне все-таки удалось аккуратно вставить булавку, не сорвав проволоку, я перепрыгнул растяжку и понесся в сторону стрельбы, стараясь прижиматься поближе к стенам.

Еж деловито разлегся за углом кирпичной стены и, выглядывая, посылал пару коротких очередей по невидимому мною противнику. Увидев меня, он перекатился на спину и показал четыре пальца, потом один загнул. Ясно: четверо, одного он привалил. Я оглянулся в сторону девятиэтажки: чья-то любопытная башка высунулась из оконного проема и тут же нырнула обратно. Уверен, что сейчас Григорович несется на крышу, сжимая в руках свою СВД. Эх, сейчас бы нам портативные радиостанции, такие, как в группе Осипова! Наблюдатель с крыши обрисовал бы ситуацию: куда движутся боевики, какие маневры предпринимают. Ну ладно, надеяться на снайпера хорошо, мечтать о радиостанциях неплохо, но и самим надо что-

нибудь предпринять. Махнул Ежу: прикрывай!

Еж вытащил из подсумка последнюю оставшуюся у него гранату и, размахнувшись, зашвырнул ее в проулок. Как только грохнуло, поднялся в полный рост и начал лупить длинными очередями. Я прыжком пролетел опасный участок и, споткнувшись, закатился под стену.

— Ежик, что там такое, по ком лупишь?

— Четверо, я только растяжку поставил и за угол зашел, слышу — гыркают. Выглядываю, а они растяжку уже снимают. Я с бедра успел дать, растяжка сработала, одного, по-моему, наглухо, второй раненый валяется, двое других по мне лупить начали.

— Слушай, они, по ходу дела, меня не заметили. Там дальше проходы есть — скорее всего, один будет с тобой пуляться, другой — обходить. Я пошел на угол…

Только я успел добежать до прохода и вжаться в стену, как рядышком со мной прямо из-за угла возникли две руки, сжимавшие коротыш АКС-У с нелепыми для такого маленького автомата длинными магазинами на сорок пять патронов, скрученными изолентой. Я, не дожидаясь, пока появится сам хозяин, сполз по стеночке ниже и, не выглядывая, так же выставил руки с автоматом вбок, за угол, и нажал спусковой крючок. Видно, ствол уперся прямо в живот боевику, и он даже не успел ничего понять: выстрелы были приглушены, значит, в прямо в упор. Не успел я даже приподняться, из-за того же угла, как чертик из табакерки, выскочил еще один боевик и, словно спринтер, рванул от меня влево, вдоль задних стен гаражей. Я толком и не успел прицелиться: боевик словно сломался пополам на бегу, покатился кубарем, немного подергался и замер. Видно, это был тот, который вел огневую и психологическую дуэль с Ежовым. Нервишки не выдержали, и он бросился вслед за своим напарником, совершавшим маневр обхода. Увидев смерть напарника, боевик понял, что он остался совсем один, и бросился наутек. Тут его и принял Григорович.

С дома подскочило несколько пехотинцев, распределились и, обойдя с двух сторон гаражи, досмотрели место огневого контакта. Один, застреленный мною в живот, лежит, закрывая вывороченные пулями внутренности руками, и уже не дышит. «Принятый» Григоровичем лежит с неестественно свернутой головой — снайпер, видимо, целился в голову, но попал в шею. За коробками гаражей лежал еще один обезображенный труп — этот баловался с растяжкой; ну что же, поделом — нельзя трогать взрывоопасные предметы. И еще один, раненый, пытался заползти в гараж через полуоткрытые двери, а тут как раз и мы подоспели. Этого посекло осколками: первый боевик принял на себя

основную массу, остальное досталось уползающему. Лежит, фыркает, что-то шипит пытается, поднять слабеющими руками автомат. Один из мотострелков подскочил, выбил ногой автомат и, схватившись обеими руками за железную створку, со всей силы хлопнул металлической дверью ворот, смяв голову боевика, как спичечную коробку.

— Какая прелесть, — произнес боец, наклоняясь, чтобы поднять автомат и обшарить карманы убитого.

Уверен на сто процентов: к нему тоже не будут во снах приходить души убитых им боевиков. А сели и придут, то, скорее всего, так же, словно тараканы, прихлопнутые дверью, будут изничтожены. Погибшие боевики все, как один, были подростками в возрасте от 15 до 17 лет. Скорее всего, разведка, высланная выяснить обстановку в районе обороняемого нами дома. Рано или поздно боевики прояснят для себя ситуацию — или через мирных жителей, прячущихся в подвалах, или ведением наблюдения, или еще как-нибудь. Однако уничтожение разведгруппы противника для нас плюс, пусть узнают о нас как можно позже, а там того и гляди подтянутся наши войска.

Глава 10

Несмотря на то, что плов вместо казана готовился в тазике и не хватало еще каких-то там специй, а вместо мяса была тушенка, уминали мы его за обе щеки. Выпили с Романовым по двести граммов водки, наелись до отвала и, сидя на трофейном диване, щурясь от едкого дыма костерка, разложенного в углу комнаты, курили: я с удовольствием пыхал сигарой, старлей смаковал «Приму». Осипов к нам не поднялся, хотя за ним посылали несколько раз. Тогда мы послали ему и его группе с посыльным несколько котелков ароматного рассыпчатого плова. Посыльный вернулся с большим пакетом подсолнечных семечек, исправным радиоприемником на батарейках и портативной радиостанцией.

По станции меня тут же вызвал Осипов, извинился, сказал, что очень занят, передал благодарность за плов и сказал, что станция пусть будет у меня.

Связист тут же был озадачен настроить радиоприемник на какую-нибудь приличную радиостанцию с музыкой повеселее. Посидели, потрепались за жизнь, решили спуститься вниз на пару этажей — проверить раненых. Час назад раненым тоже передали несколько мисок с пловом, а Романов выделил бутылку водки; разрешили выпить тем, кому это не противопоказано медицинскими показателями.

Спустившись вниз, мы услышали переливы баяна: неизвестный баянист весьма мастерски играл очень знакомую мелодию, и нестройный хор голосов выкрикивал слова песни, тоже чертовски знакомой.

— О черти! — восхитился Романов. — Они же доктора Албана поют!

Действительно, я вслушался и распознал слова песни:

— Итс май лайф, ту-ту-ту, итс май лайф, — вопили голоса бойцов.

— Блин, наверное, пузыря водки им много было, — предположил я, и мы вошли в квартиру, оборудованную под полевой (вернее, городской-боевой) лазарет.

Раненые лежали на вполне сносных кроватях, укрытые одеялами, натасканными из квартир. Выбитые окна были загорожены для светомаскировки шкафами, посреди зала стояла большая газовая четырехконфорочная печка с открытой духовкой, весело мерцали язычки синего пламени. Газовый баллон, чудом не взорвавшийся при штурме дома, для обогрева раненых пожертвовали пехотинцы. На печке можно было и по-быстрому вскипятить воду, и подогреть чай. Настроение у бойцов, несмотря

на полученные раны, было веселое. Даже сапер Бутса полулежал на кровати, опираясь на кучу подушек, и, несмотря на туго забинтованное плечо и бледный вид, с наслаждением пыхал сигарой, иногда мелко вздрагивая и подпевая орущим в такт и не в такт бойцам. У него над головой висел на гвоздике прозрачный пакет с физраствором, и под одеяло уходил шланг капельницы. У нас такого богатства не было, скорее всего, или трофейное, или из группы Осипова.

На баяне играл наш фельдшер, причем наяривал весьма умело. Не думал я, что на меховых инструментах можно играть песни доктора Албана, под которого, еще будучи курсантом, отплясывал на дискотеках. Бойцы умолкли при нашем появлении, а потом снова заговорили, расспрашивая, когда будет наступление, будет ли кто нас разблокировать и отправят ли их в тыл, в медицинский отряд.

Старлей Леха Романов был истинным дипломатом, поэтому ответил коротко:

— Фули вам на Ханкале делать, в палатках валяться? А до Северного если вас в МОСН[9] везти, так пожгут на хрен по дороге. Вам что, здесь плохо?

Бойцы призадумались на несколько мгновений. Действительно, чем плохо? Тепло, лежат мягко, покормили сытно, вон на баяне играют. Фельдшер, хоть всего-навсего и боец, обработал всех профессионально, повытаскивал осколки, уколол нужные уколы; вот водки налил не всем, но это дело медицинское, ему виднее…

Бутса попросил, чтобы я подошел к нему, и начал расспрашивать, как его вытащили с крыши, потому что очнулся он уже только здесь. Наш медик вовремя провел все мероприятия и, пока сапер валялся без сознания, прозондировал рану, вытащил пулю, застрявшую в мышцах плеча. Бутса чувствовал себя намного лучше, хотя был бледен от потери крови и его знобило. Я рассказал, что спас его мой боец Кипрачев, зашвырнувший с балкона девятого этажа на крышу две гранаты, разорвавшиеся прямо над боевиками.

Сапер попросил прийти Кирпича к нему, как он будет свободен. Потом одарил меня еще одной целой сигарой, немного поговорил и заснул.

Глава 11

Перед выходом на задачу Осипов решил побеседовать с пленными, которых оставили связанными на крыше. Я лично не видел никакого смысла в допросе: оставшиеся в живых боевики сейчас могут наплести что угодно, сведения, полученные от них, проверить из других источников не удастся; однако майор был другого мнения.

Боевиков затащили в одну из квартир на беседу. Мне было совсем неинтересно, и я пошел проверить свои наблюдательные посты на крыше и попытаться передать донесение на пункт управления в Ханкале. Связь была, мое донесение приняли, переспросили некоторые пункты, на мои вопросы об окончании задачи не ответили вообще и какой-либо определенности в наше сегодняшнее положение не внесли.

Пока я связывался со штабом, проверял посты и беседовал с Романовым, прошло немало времени; очень быстро стемнело. Меня вызвал по радиостанции Осипов и попросил спуститься к себе. Выглядел майор озабоченным.

— Что, у вас с задачей не срастается? — поинтересовался я у него.

— Да сам не пойму. Пленных порасспрашивали, да все без толку — ахинею несут полную: ничего не знаем, мы бедные трактористы из Гудермеса, нас привезли и заставили воевать, Грозный вообще не знаем, и всякая прочая ерунда, ничего полезного вытащить не удалось…

— Ну, а ваши данные наверняка требуют проверки еще от нескольких источников?

— Да, любые данные, чтобы были достоверными, должны быть от трех не связанных между собою источников…

— Ну, все ясно. Вы, видать, бункер попретесь искать дудаевский, с подземным ходом под Сунжей прямо к Президентскому дворцу и зданию Совета министров?

Майора аж перекорежило при моих словах. Он резко замолчал и покрутил головой, а потом прошипел:

— Слышь, лейтенант, тебя, значит, все-таки инструктировали по нашей задаче! Нам уже тоже не доверяют, получается?

— Да брось ты, я так, от нечего делать ляпнул, краем уха в штабе слышал, что якобы есть такой бункер, и причем не один раз. А местные «мунафики»[10] чего угодно наплести могут, тут, если тебе что-то чечен рассказал, дели на десять — получишь ровную цифру.

Майора, видно, очень взволновал этот вопрос, а я между

делом продолжал давить ему на психику.

— Дудаевцы слухи очень любят распускать, да еще перед своими же хвастаться. Ваш агент, поди, наслушался всякой хрени, да и вам баек понарассказывал. Я про этот подземный бункер еще мальцом слыхивал, тогда, по-моему, еще метростроевцы приезжали из Ленинграда, рыть что-то хотели. Не знаю, рыли или нет, но бункера и подземного хода так никто и не видел, хотя слухов ходило много.

— Ну вот, наверное, факт пребывания здесь подземных строителей может подтвердить, что какие-то работы велись и что-то подобное существует наверняка.

— Вы бы уж лучше от всех информацию собирали, а не только от продажных агентов — борцов «за Новую Чечню». Ведь у ФСК наверняка что-то есть по этому поводу, а по поводу метростроевцев это фигня, даже голову не стоит забивать…

— Обоснуй, раз такой умный, на хрена тогда они сюда приезжали, ведь наверняка же что-то строили. По нашим сведениям, сюда по железной дороге приходила и землеройная аппаратура, и крепежные материалы всякие, и рабочие приезжали…

— Ни хрена, здесь ничего не построишь под Грозным, здесь на глубине метров десяти-пятнадцати все размыто на хрен нефтью и подземными водами, город в долине, с Терского подземные и сточные воды все сюда стекают, да еще и нефть. Запарились бы они что-либо строить. А метростроители приезжали еще когда?

— Ну, в восьмидесятых, — недоуменно протянул майор.

— Ну и вот, в те годы и мыслей не было о какой-либо независимости и войнушке, а инженеры и строители приезжали работать не в Грозном, а в Бамуте, строили всякие там ракетные шахты для ракетчиков. Ежели в курсе, при Союзе Бамут был закрытым городком, и КПП ракетчиков стояло чуть ли не на перекрестке, на повороте с Ачхой-Мартана до Бамута. Вот туда они и ездили работать…

— С чего тебе это в голову взбрело? Мысли у тебя какие-то завиральные, — начал контратаку майор.

— Ага, как же, завиральные, — усмехнулся я. — Могу сказать больше: там даже морячки имелись, я как-то с одним капитаном третьего ранга общался из местных бамутских…

— Какие, на хрен, морячки, что-то тебя понесло! Откуда там флот, там, поди, речек то нет?

— Ну, чтобы были флотские, не обязательно море или речки, хотя в том районе есть пара речушек — Фортанга и Мартанка. Да дело не в этом, а в том, что метростроевцы работали не в Грозном

и строили они не подземные туннели под Сунжей и бункерá.

— Логика у тебя, конечно, есть, но сведения твои, скажем так, тоже недостоверные…

— Ну, конечно, я в ту пору молодым был, еще с палками в войнушку играл, а не как теперь, но кое-что из виденного своими глазами все-таки помню, да и слышал кое-что, когда батя с сослуживцами общался, на память не жалуюсь…

— Ну, и что ты мне предлагаешь, лейтенант? Не пойти в район, отсидеться здесь с вами?

— Ну, в принципе, товарищ майор, не я это сказал. Вариант неплохой, но тут уж вам решать, а не мне. Я просто иногда изумляюсь: на хрена на задачу с малодостоверными сведениями посылать таких, как вы?

— Это каких же — таких, как мы?

— Ну, подготовленных, прошедших всяко-разно: Афган там, Абхазию, Осетию. На вас-то, наверное, денег побольше, чем на нас, уходит. Получается вроде как из пушки по чьей-то тени палить, не выгодно ни хрена. Вас бы, когда штурмовать Дворец будем или Совмин, задействовать, а так какая-то чепуха выходит. Тут, по моему мнению, можно нас было на «мясо» запустить: и затраты минимальные, да и списать нас легче, семьями мы не страдаем, все молодые…

— Херню ты городишь, лейтенант, невероятную…

— А мы что, по-твоему, не способны выполнить задачу по обнаружению того, чего нет?

— Убеждаюсь потихоньку, что способны, — быстро вы освоились в этой нелепой заварухе. Да только смысла уже не вижу ни вас, ни своих гробить. На место-то я пойду, попытаемся досмотреть и вернуться: боевое распоряжение на нас подписано, будем пытаться что-то сделать. Хотя заранее знаю, что бесполезно…

Немного посудачили и все-таки решили еще раз совместно обсудить план действий.

Майор достал из планшета карту и пару аэрофотоснимков района поиска. Снимки были недавние, сквозь дымку облаков виднелись разрушенные дома и серая лента Сунжи. Приблизительное месторасположение бункера было обведено красным фломастером. Место среди каких-то построек; что это, по снимку определить было невозможно.

Начали сверяться с картой и проверять маршрут движения, выбранный майором, смотреть вероятные пути обходов опасных зон и пути отхода. Если майор и его группа выдвинутся в два часа ночи, то при хорошем раскладе и без всяких неприятных встреч дойдут они до места всего где-то за полчаса, если, конечно, не

заблудятся и не столкнутся с боевиками. Часа два им понадобится на проведение поиска и досмотр местности. Если обнаружится вход в бункер (в чем я глубоко сомневался), будут действовать по обстоятельствам. Если в районе что-то действительно есть, то он будет напичкан боевиками, охраной, патрулями, всяческими окопами и прочее и прочее… Лучший вариант — через меня навести артиллерию с Ханкалы или же, установив точное местоположение, запросить бомбо-штурмовой удар авиации и точно его скорректировать.

По поводу авиации, памятуя печальный новогодний опыт, я выразил искреннее сомнение: пока будут согласовывать и запрашивать, пройдет черт знает сколько времени; даже если летчики поспеют вовремя, надо опасаться, как бы они не сбросили бомбы на своих, а не на позиции сепаратистов.

Связь решили держать одновременно по двум станциям: с моим связистом по «сто пятьдесят девятым», по кодированной таблице, и по портативной радиостанции, оставленной мне Осиповым. Я также предложил, что в случае непредвиденных ситуаций группа Осипова должна будет обозначить себя на местности двумя зелеными ракетами. Мои наблюдатели с крыши хотя бы по ракетам попытаются определить местоположение группы, вступившей в огневой контакт, и направление, куда надо мчаться на выручку. Зря Осипов занимался в светлое время допросом абсолютно ненужных пленных — это время можно было бы потратить с гораздо большей пользой: залезть на крышу, определить и пронумеровать ориентиры для движения. Выдвигались бы себе потихоньку и докладывали: «Прошел пятый слева» — значит, прошли пятиэтажку, видневшуюся из-за стволов тополей, и так дальше и дальше. По крайней мере, я смог бы хотя бы отслеживать движение. А так потратили впустую время и не добились абсолютно ничего.

Согласовали все, что можно, десять раз обговорили все нюансы и могущие возникнуть неожиданности. Потом разошлись спать. Подъем назначили на час ночи. Мы проводим группу майора за гаражи и вернемся обратно.

В два часа ночи двинулись. Я шел за головным дозором и отчаянно зевал. За мной шел уже головной дозор осиповской группы. Паша остался с остальными наблюдать с крыши.

Неподалеку, в нескольких кварталах, где находился опорный ротный пункт, разгорался бой, ухали скорострельные пушки БМП, в воздух взлетали струи трассирующих пуль… С другой стороны, но уже подальше, куда-то ближе к Черноречью, гвоздили чьи-то танки. Сейчас наши Федеральные силы ведут с кем-то городские бои. Нехорошо, конечно, но нам это на руку: меньше внимания к

нам.

Проводили. Я кивнул Осипову на прощанье и дал команду Кипрачеву и Ежову заворачивать обратно. Вернулись без происшествий. Я забрался в комнату под наваленные кучей матрасы, положил рядом с собой радиостанцию, посадил рядом связиста, который все время охал и стенал по поводу своей посеченной осколками задницы, проинструктировал еще раз заместителя, поделил время дежурства между разведчиками и благополучно заснул, не обращая внимания на крики пехотинцев Романова, все еще блуждающих в потемках по этажам дома и разыскивающих различные «трофеи». Проснулся я довольно поздно, часов в девять утра. Сидевший рядом связист потихоньку дремал, пуская слюни на грязный воротник бушлата. Услышав мое шевеление, он встрепенулся и, вытаращив глаза, доложил, что группа Осипова на связь так и не выходила.

Чувствуя тревогу, я вылез из-под матрасов и одеял и, поеживаясь, побрел в другую комнату, откуда тянуло дымом.

Паша уже приготовил завтрак: какие-то длинные макароны с тушенкой и домашним лечо, горячий чай с вареньем. Как доложил заместитель, ночь прошла спокойно: он спал на крыше вместе с наблюдателями, и его в случае чего будили. Условленных знаков из серии ракет в направлении ухода Осипова никто не наблюдал.

Беспокойство начало перерастать в тревогу. Лично растолкал отдыхающие смены и начал расспрашивать. Нет, никто не видел именно зеленых ракет. Попытался вызвать по портативной станции Осипова. В ответ — молчание. Связист забубнил позывные, но тоже безрезультатно. Наверняка что-то случилось, и, скорее всего, что-то нехорошее. Идти самим на поиск? А стоит ли? Ладно, подождем до часу дня, высмотрим ориентиры и попробуем ближе к вечеру пройтись, хотя не очень и хочется.

Пришел на завтрак Алексей Романов и рассказал. что ночью в районе опорного пункта, откуда мы выдвигались, был конкретный бой, но потерь вроде немного, духов откинули назад в кварталы. Ну вот, еще один повод для беспокойства: как там наш Садыков и наше подвижное жилье?

Связист меня успокоил: сказал, что с утра связывался с «Бульваром» и даже лично говорил с Садыковым — татарин, по ходу дела, уже скорешился и со связистами.

Не успели мы как следует подкрепиться, как совсем рядом, этажами ниже, стало что-то дробно стучать и ухать. В комнату на карачках заполз скатившийся с крыши Григорович и заорал, перекрикивая шум разрывов:

— Там с переулка, с параллельной улицы, выкатил КамАЗ! На

кузове у него установка зенитная стоит, по нам лупит, как сваркой!

Я подхватив бинокль и автомат, на карачках пополз на крышу. За мной, чертыхаясь, карабкался по лестнице Романов. На крыше валялся второй из наблюдателей от мотострелков с прижатыми к лицу окровавленными руками.

— Высунулся все-таки, придурок! — прокричал Григорович и начал отжимать руки бойца от лица. — Все, кирдык, ему полморды напрочь снесло, — через пару секунд возвестил он.

Романов жутко заматерился, а я пополз к углу: надо было все-таки как-то осмотреться.

Вроде нормально. Я высунулся. Метрах в трехстах от нас из проулка между домами из-за стен наполовину выехал КамАЗ с открытым кузовом, на котором была закреплена ЗУ-23. Наводчиков не было видно за закрывавшими их щитками, и они безнаказанно расстреливали нашу укрепленную девятиэтажку.

— Григасик, ты снять наводчиков сможешь? — проорал я снайперу.

Григорович подполз, высунул винтовку в дырку в кирпичной кладке, посмотрел в прицел.

— Да по-любому могу, только они хитро сидят. Если они чуть подъедут вперед и стволы развернут, то выщелкну…

Романов, валявшийся на пузе рядом, проорал:

— Они до правого угла не достают, сектор обстрела не позволяет, давайте я сейчас со своими там кипешну, они выедут, вы их мочите…

— Добро, только смотри — у них стрелки с машиной рядышком шныряют. Давай сюда наверх «Утес» и бойцов, как только они отвлекаются на вас и разворачиваются, отсюда сверху начнем поливать, даже если снайпер промахнется. Только быстрее давай, они по-тихому под прикрытием «Зэушки» подбираться начинают.

Старлей ужом скользнул вниз по лестнице. Через три минуты на крышу карабкался расчет крупнокалиберного пулемета, протискивая сквозь дверь пулемет вместе со станком. Из другой чердачной двери выползло несколько моих бойцов вперемежку с пехотинцами. Подполз Паша, держа в руках парящий подкотельник.

— Командир, чаю хлебани а то остынет, — проорал он. — Мы там раненых перекладывали. Прошивает, сука, стены эта гребаная зенитка, нам бы такой агрегат!

Кому война, а этот с чаем приперся и спокоен, как удав.

С правого угла нашего дома, из глубины угловой квартиры, во вражеский КамАЗ один за одним вылетело несколько

выстрелов из одноразовых гранатометов. Попасть не попали, но боевики, пытавшиеся перебежать улицу, залегли. После гранатометов из окон по боевикам начался массированный огонь стрелкового оружия. Палили без толку, но кучно.

ЗУ-23 действительно не могла стрелять в том направлении: мешали укрывавшие стены домов. Пехота боевиков еще раз попыталась перебежать, но бесполезно, несколько фигурок осталось валяться на асфальте. Получилось!

КамАЗ дернулся, проехал чуть вперед, установка начала поворачиваться; грузовик двинулся еще вперед и резко начал заворачивать вправо, давая возможность установке закончить поворот полностью и взять под прицел недосягаемый угол девятиэтажки. Только бы успел старлей со своими людьми оттуда смыться. Я даже представил, как наводчик подкручивает ручки вертикальной наводки, ступня ложится на педаль спуска… Романов в это время выпускает последнюю очередь в окно и бежит к выходу…

Пока я это представлял и, сам не замечая, судорожно прихлебывал горячий чай, рядом почти что слитно щелкнуло три выстрела из СВД.

— К херам собачьим, — оповестил меня Григорович. — Трое: два наводчика и помощник.

— Огонь! — заорал я.

Мотострелки в две секунды взгромоздили «Утес», опустили ствол и начали поливать очередями КамАЗ с установкой и улицу. Затарахтели автоматы и пулеметы.

КамАЗ задом очень быстро въехал в проулок. Наваренная сверху кабины самодельная броня немного уберегла его. Боевики покричали порядком надоевшее «Алла», попалили в воздух и убрались восвояси…

Глава 12

Осипов так и не отозвался. Прошло уже немало времени, а вестей никаких.

А в обед с «Бульвара» пришло сообщение, чтобы готовились к приему гостей. Каких гостей — ни я, ни Романов не поняли. Мне, честно говоря, было не до этого: я готовился вечером идти на поиски пропавшей группы, и мы сидели с Пашей на крыше, высматривая в бинокль нормально различимые на местности ориентиры и прокладывая маршрут.

Когда мы уже заканчивали, Паша встрепенулся, прислушался и сказал:

— Техника идет, и, по-моему, сюда!

Мы перебежали на другой конец крыши. Действительно, где-то совсем неподалеку шла техника. Опять, что ли, начинается? Вроде несколько часов в нашем районе без огня, и вот по-новой?

Послышались выстрелы. По звуку я различил уханье пушек БМП и автоматные очереди. Причем стреляли только с одной стороны. На крышу выполз один из бойцов Романова.

— Командир просил вам передать, чтобы не суетились: это наша броня подходит…

Ну, на этот раз обошлось. А палят по сторонам, скорее всего, ради профилактики, простреливают близлежащие дома. Вскоре я в бинокль различил две головных БМП подходящей колонны с развернутыми в разные сторонами пушками. За броней, укрываясь, перебегала пехота. Романов заранее распределил своих людей на прием колонны, и поэтому на крышу поднялось еще несколько наблюдателей с одноразовыми гранатометами, и мотострелки в который раз, пыхтя и отдуваясь, начали устанавливать свой крупнокалиберный пулемет. Уж лучше бы здесь его оставили, чем таскать с места на место.

Я расставил своих на занятом нами этаже возле окон, а сам залез на крышу — наблюдать.

Головные БМП остановились, пехота залегла — видно, входили в связь. Взлетела ракета. Из окон запустили ракету — видимо, подтверждение. Группка бойцов выбежала из подъезда, залегли цепочкой, взяв под контроль перекресток. БМП подкрались ближе, к ним выбежал Романов и нырнул за броню. С кем-то там пообнимался И, повернувшись в мою сторону, зная, что я наблюдаю в бинокль, помахал руками. Пехотинцы из головного дозора растянулись вдоль улицы, БМП заняли позиции, прикрывая выход ядра колонны. Подтянулись остальные машины: штуки четыре БМП, три МТ-ЛБ, на которых добирался Романов,

и… наш мерно переваливающийся с боку на бок КамАЗ, а за ним красная пожарная машина и «шишига» группы Осипова; колонну замыкал наш БТР. Вот татарин, не сидится ему на месте, в более менее надежном укрытии, да еще и «водовозку» припер. Интересно, кого же он посадил за руль? Сперва захотелось его отругать, а потом ужасно захотелось в горячий душ и в свой командирский отсек — завалиться на нормальную кровать и не дрожать от холода, нюхая вонючий дым сжигаемой мебели и дыша кирпичной пылью.

Броню начали расставлять между гаражей и маскировать. Передвижение колонны все равно замечено боевиками, но лишняя маскировка и удобные огневые позиции не помешают. Пусть попробует эта наглая установка еще раз сунуться: попадет в перекрест огней, и КамАЗ уже никуда не сможет уйти. Ах, как было бы хорошо, чтобы машина и установка достались нам!

Однако я что-то размечтался: народу у меня раз два и обчелся, да в экипаже БТРа всего три человека. Да и то командир пересел на место наводчика за КПВТ, а наводчик сейчас рулит на «пожарке». Эх, мечты, мечты. Ладно, пойдем согласовывать свой вечерний поиск с мотострелками и вновь прибывшими. Романов в курсе нашего ночного выхода, а вот остальные могут не сориентироваться: принять нас за моджахедов да и влупить со всех стволов. Да и про заминированные гаражи и трансформаторную будку надо рассказать, а то не ровен час кто-нибудь полезет и подорвется на своих растяжках.

А через два часа я принял душ и, растянувшись на своей койке, лениво рассматривал один из фотоснимков, оставленный Осиповым, и одним глазом всматривался в экран телевизора. В душе плескался Романов и выкрикивал какую-то похабщину. Жизнь налаживалась, и все было бы хорошо, если бы только не пропала группа «супердиверсантов». А может, я ошибался и у Осипова была какая-нибудь совершенно другая задача, и он просто специально ввел меня в заблуждение? Все может быть, но все-таки, если договаривались, я пойду их искать. На мой запрос о ночном поиске мне никто не ответил, связь пропала. Решение я принял сам и, согласовав все вопросы теперь уже с многочисленными поддерживающими меня подразделениями, готовился, мирно подремывая на кровати. Радовало то, что вместе с броней с «Бульвара» прибыл и минометный расчет, и маленький солдатик, командир расчета, неторопливо выбирал позиции. Увидев меня, почтительно поздоровался и в несколько минут набросал и рассчитал цели по указанным мною ориентирам.

Глава 13

До места, обозначенного на карте и на снимке, дошли очень быстро — даже не за тридцать минут, как я рассчитывал, а минут за двадцать. Двигались быстрым шагом и перебежками.

Брошенные окопы, следы артиллерийских ударов — и никого, пусто. Вот они, двухэтажные домишки; где-то здесь должен быть вход в предполагаемый бункер. Нет ничего даже отдаленно напоминающего. В некоторых домиках в окнах светятся огоньки, где-то тарахтит движок. Мирные это или боевики, проверять не хочется; надо искать, и как можно тише и быстрее. Заваленный вход в бомбоубежище обнаружил глазастый Григорович.

Мы валялись в куче каких-то бетонных обломков возле остова недавно сгоревшей и воняющей резиной машины, когда он подполз ко мне и начал жестами показывать куда-то в сторону. Потом и до меня дошло, что в окружающем рельефе местности что-то не так. Все вроде бы нормально, но за почти что целым домиком кусок ровной местности размером с половину футбольного поля, значительно выступающий по высоте на общем фоне. И обломки каких-то труб торчат прямо из земли. Действительно, просто так не насыплют и ровнехонько не разровняют огромную кучу земли. Что-то есть. Стараясь действовать как можно более скрытно, стали передвигаться по снегу и подобрались к одной из труб на площадке. Я приподнялся и, ощупав трубу, торчащую из-под земли, постучал по ней. Труба пустотелая. Пришлось осторожно встать в полный рост и чуть вытянуться, чтобы заглянуть внутрь. В лицо мне пахнуло теплым спертым воздухом, немного отдающим гарью. Значит, действительно вентиляция. Если есть вентиляция, значит, действительно есть или бункер, или бомбоубежище. Неужели я ошибался со своими выводами, а Осипов был прав? Хотя ведь такое же бомбоубежище было и у нас в Олимпийском районе, и еще где-то в городе, я это помню точно. Ладно, надо искать вход. Насколько помню, в такие убежища вход был большущий, с железными воротами, чтобы могла проехать грузовая машина. Начали ползать по периметру и вскоре обнаружили то, что искали: вход был завален обрушившимся сводом, грудами бетонных обломков, арматурой и белым кирпичом.

Разобрать все за остаток ночи нам не удастся, даже если будем работать ударными темпами. Но, может быть, группа Осипова совсем не там. Или все-таки пробьемся, а там действительно бункер Дудаева, и сидит он там и нас дожидается вместе со своей охраной. Бредовые идеи, но надо что-то делать.

Если зацепить чем-нибудь пару основных бетонных блоков и немного сдвинуть их в сторону, то удастся освободить проход и проникнуть внутрь.

Надо вернуться обратно и просить помощь у пехоты. БМП может легко сдвинуть бетонные торосы, но как все же узнать, там ли пропавшая группа или мы напрасно стараемся? Паша предложил взять кого-нибудь из местных и пристрастно допросить. Наверняка кто-то что-то видел, ведь времени-то прошло совсем немного, и, судя по завалам, вход взорван совсем недавно, рядом несколько воронок от артиллерийских снарядов. Вполне может быть, что группа Осипова внутри, и стены убежища блокируют радиосигналы, поэтому нет связи. Пришлось принимать решение на захват пленного из местных. Высмотрели в одном из светящихся окон на первом этаже неясные фигуры. Определили подъезд и квартиру, распределились, заняли позиции. Паша попросился в группу захвата. Приготовились. Жаль, нет у нас бесшумного оружия: вдруг придется стрелять, да и местные бабы, насколько знаю по опыту, сразу начинают истошно орать и цепляться за руки. Значит, нужно избежать криков. И пока я размышлял, готовясь дать команду на бросок в подъезд, дверь хлопнула, и на улицу вышла сгорбленная старушечья фигура, укутанная в платок. Ну не воевать же со старухой. Но она заметит нас буквально через пару секунд. Возле подъезда вялый снежок подтаял, и фигуры в белых самодельных маскхалатах явно отличались от остального пейзажа.

Перед старушкой, словно призрак, возник Паша, готовый сразу же зажать бабульке рот.

— Тс-с-с, бабуля, не вздумай орать…

Она орать и не думала, а спокойно и с достоинством ответила, да так, что я чуть не расхохотался, несмотря на серьезность ситуации.

— Какая я тебе, придурок, бабуля, зенки разуй…

«Бабулей» оказалась вполне молодая деваха лет двадцати трех, русская из местных, не успевшая эвакуироваться. А под бабулю она рядилась, чтобы местные чеченцы не приставали. Она переселилась сюда к своим деду и бабке из Октябрьского района, так как ее здесь мало кто знал, и, как могла, выживала со стариками, прячась в подвале дома. В бомбоубежище частенько наведывались боевики, живущих поблизости мирных жителей, в том числе и русских, не трогали, считая, что при бомбежках и артиллерийских обстрелах они послужат неплохой защитой. Действительно, вчерашней ночью ближе к утру она наблюдала группу людей в таких серых камуфляжах (слово «камуфляж» она произнесла очень обыденно и без запинок). Потом немного кто-то

пострелял, понаехало на машинах множество боевиков, начали обстреливать бомбоубежище, потом начался артиллерийский обстрел — вот и все, что она видела. Рассказав все, что видела, она попросила разрешения идти, а то старики будут очень переживать: вышла она всего на две минуты к соседям-армянам, попросить у них то ли спичек, то ли еще чего. Паша отдал ей свою зажигалку, пару банок консервов и полпачки чая, которые вечно таскал собой, при этом еще умудрился пококетничать и назначить свидание. На что деваха с усмешкой ответила:

— В шесть часов вечера после войны на Сунженском мосту…

Значит, действительно Осипов и его разведчики внутри, придется возвращаться за броней. Маршрут известен. БМП проедут легко, осталось уговорить пехотинцев. Уговаривать и не пришлось. На свой страх и риск я обозначил себя ракетами, выслал навстречу дозор и очень тщательно описал дорогу. БМП и МТ-ЛБ домчались до бомбоубежища быстро. Работали как заведенные. Если все сделаем без промедления, успеем до рассвета вернуться обратно. В пять утра освободили вход. Сдернули тросом полупридавленную железную створку и сразу же залегли под автоматно-пулеметным огнем изнутри бомбоубежища.

— Майо-о-ор-р-р Осипов, вы муда-а-ак! — заорал я в глубину подземелья в перерыве между выстрелами; гулкое эхо подхватило: «ак, ак, а-а-а…»

— Сам мудак, — раздалось оттуда, и на воздух в сереющее утро вышел, пошатываясь, Осипов. — Ничего не говори, — сказал он, обнимаясь со мной, — взрываем все, что внутри, и уходим…

Никакой это был не бункер, а обыкновенное бомбоубежище, построенное еще во времена «холодной войны» при Советском Союзе…

Взрывать не стали; пехотинцы вытащили несколько ящиков, закидали их в десант БМП, что можно, заминировали и, попрыгав на броню, помчались к девятиэтажке. Уже на подъезде нас вяло обстреляли с крыш домов; ответили слаженно, из всех стволов стрелкового оружия, даже не сбрасывая скорость. Броня нырнула под прикрытие гаражей. Разгрузились, пересчитались и побрели в дом. Я с группой остался возле КамАЗа и «пожарки», загнанных в проулки между гаражей, хорошо укрывавшие технику от посторонних взглядов. Осипов сказал, что подойдет к обеду, а пока по возможности будет отсыпаться и выходить на связь с группировкой. Я, поставив заместителю задачи на чистку оружия, приготовление завтрака и организацию отдыха, поплелся вместе со связистом на крышу, заодно заглянул по дороге к Романову. Старлей сидел в трофейном кресле и «медленно моргал», изредка

позевывая и почесываясь.

— Быстро вы, однако, вернулись, я даже полпузыря выхлебать не успел. Тут, кстати, шевеления ночью наблюдал, мама не горюй…

— А что было? — спросил я, присаживаясь в соседнее кресло и знаком отпуская связиста на крышу.

— Да с переулка, откуда «зэушка» лупила, разведка ихняя сунулась. Так, постреляли в воздух да по окнам, ракеты попускали да ушли. А потом полночи по улице справа духи перли, группками, то на машинах, то пешком. Все куда-то в центр стягиваются. Слышишь, как гремит-то?

— Ага, — я прислушался: где-то за несколько кварталов и улиц от нас шел бой.

— Вот-вот, а с опорного пункта передали, что у них тихо, их просто обходят, не ввязываются в бой. То ли просекли, что к нам свежий народ подтянулся, то ли силы берегут. Наши тоже зазря пулять не начинали, а то как начнешь — они махом все огневые точки выпасут…

— Да, что-то там действительно разгорается. Удивительно, что нас еще не озадачивают куда-то выдвигаться и что-нибудь блокировать или штурмовать. Может, про нас забыли?

— Дык это по-любому к лучшему. Тут я полночи слушал, как какого-то командира полка склоняли за то, что к кому-то на помощь не вышел, а он им чешет, что если попрет колонной, то его пожгут нахрен, а там маты сплошные да крики…

— Да пофиг нам этот полкан, главное, чтобы нас не трогали. Он, может, и прав: попрется на выручку — еще больше народу положит.

— Ей-богу, пофиг. Ты расскажи, как там эти «серые» навоевали-то. Мне мои бойцы уже насвистели: бомбоубежище какое-то нашли, в десантах ящики трофейные лежат. Спуститься посмотреть лень — так за ночь набегался то с вами, то с этими гребаными чичами, все ждал, что нас колбасить начнут.

— Да сам толком не знаю, мне майор ничего и не рассказал. Думаю, они охрану сняли, начали досматривать, а потом наша артель по ним лупанула, их и привалило. В бункере духов всего ничего было, человека три. Я толком не рассмотрел — скорее всего, там или склад был, или убежище от авиации…

— Ну, видать, вы задачу выполнили и скоро сваливать будете. На кого же вы меня, убогого, покинете? — начал юродствовать старлей.

— Не бзди, подождем, что наши начальнички скажут, а то еще задач нарежут работать прямо с этого района. Да и эвакуироваться отсюда проблематично будет, сами без вашего

прикрытия не уйдем.

— Да ладно, если будете уходить, по крайней мере вашу «ленточку» до «Бульвара» протащим, да и я, наверное, с вами один «мэтэл» отправлю: надо «двухсотых», «трехсотых» увозить отсюда.

— Да, если честно, мне уходить и не хочется: наш дом на колесах всегда с нами, а на Ханкале снова задач поналепят, может, что-то еще похуже этого придумают, и не отвертишься, войска разгоняться начали. В группировке краем уха слышал, что даже морпехи на подходе — видно, решили штурмовать изо всех сил и к Старому Новому году попытаться духов из города выдавить.

— Ну да, к Новому году уже выдавили…

Нашу беседу прервал связист, заглянувший в пролом в стене. Все, появилась связь, пойдем беседовать.

Штаб группировки перемещался куда-то в город, и нам приказали немедленно отбыть на Ханкалу. Решили особенно не торопиться. Осипов, впавший в задумчивость и неразговорчивость, побухтел, но с моим решением согласился. Поедем завтра с утра, а пока отдыхаем, наблюдаем, согласовываем маршрут, забиваем свои «амбарные отсеки» всякими полезными и вкусными вещами. На всякий случай не помешает провести поиск в районе завтрашнего маршрута выдвижения. Потихоньку начали готовиться, прокладывать маршрут по карте и визуально с крыши; минометчик сидел рядышком и чиркал карандашом в своем блокноте. Леха Романов беседовал по станции с «Бульваром», согласовывая порядок действий и отправку раненых и убитых. Нормальная вялотекущая рабочая обстановка. По-моему, даже чуть-чуть скучно: наверное, постепенно мы привыкаем к войне и относимся к ней как к работе, на которой можно и прохалявить.

Проклятая зенитная установка снова вылезла из переулка, дала пару очередей по дому и нырнула обратно. Наблюдатели на крыше среагировали вовремя: отстрелялись из крупнокалиберного и дали залп из пары одноразовых гранатометов.

— Вот собаки, — пробормотал Осипов, вылезший на крышу с биноклем. — Надо их навечно успокоить.

— Ну так займитесь, товарищ майор, — подначил его я. — А лучше эту установку в целости захватить: нам лишняя подвижная огневая единица в колонне не помешает.

— Не выпендривайся, как мы ее захватим? Хотя ЗУшка весьма пригодилась бы…

— Ну так давайте что-нибудь придумаем. Мы вечером

собрались вдоль маршрута пройтись, сейчас у нас поддержка есть, можем в сторону того квартала, откуда она выскакивает, завернуть.

— Оно тебе надо, лейтенант? И зенитка эта, и поиск? Найдете на свою задницу приключений — не все же время так вам везти будет.

— Короче, вы не в доле, — подытожил я и отвернулся к освободившемуся Лехе.

С Романовым мы немного пообсуждали порядок действий: как, когда и в случае чего нас будет поддерживать пехота, потом, игнорируя Осипова, договорились о совместном обеде с обязательным распитием спиртных напитков и просмотром телевизионных программ в кузове моего КамАЗа. Паша, обнаружив в кузове некоторые продукты, привезенные Садыковым с ротного опорного пункта, обещал какой-то фантастический обед из нескольких блюд, и уже даже сюда, на крышу девятиэтажки, как мне казалось, долетал умопомрачительный запах жареной картошки.

Отобедали исключительно вкусно, посмотрели какой-то старый, годов сороковых, фильм и разбрелись.

По своей привычке выспаться перед ночной работой, приказал будить себя только в экстренных случаях. Только я задремал, меня разбудил дежуривший у КамАЗа разведчик и известил о том, что ко мне пришел майор по какому-то важному делу.

Мне и так было понятно, зачем он пришел: тут всего один вариант. Все-таки решил пойти в поиск с нами, ибо отговаривать меня от затеи бесполезно, и он это прекрасно осознавал.

Надо же было ему сидеть и, как ребенку, непонятно на что дуться, а потом прийти мириться. Ей-богу, детсад какой-то…

Глава 14

Двигались мы в районе четырьмя группами. Я оставил Паше связиста со «сто пятьдесят девятой», сам остался с маленькой «осиповской» станцией и тройкой разведчиков; майор тоже разделил свою группу пополам. Романов поплелся вместе с нами в поиск и лично возглавлял свою мотострелковую гвардию. Ночью перед выходом, когда мы проверялись и считались, я обратил внимание на то, что каждый пехотинец старлея был обвешан двумя, а то и тремя одноразовыми гранатометами, помимо стрелкового вооружения. На мой вопрос, на хрена столько «Мух», Леха ответил, что их с «духовскими» запасами и так до хрена, а лишняя огневая мощь нам никогда не помешает. В район вышли скрытно, одним большим разведотрядом, потом поделились, как намечали раньше. Пехотинцы заняли наиболее выгодные позиции на первых этажах домов, а мы «растопыренной пятерней» расползлись в стороны. В случае огневого контакта группа не ввязывается в бой, а просто отходит к поддерживающим мотострелкам, оттуда уже наводит огонь минометов, вызывает на подмогу БМП и так далее. Досмотрев свои намеченные домики и участки улиц, мы должны вернуться к пехоте, пройти с ними дальше и снова начать поиск, и так в течение пары часов мы под достаточно мощным прикрытием сможем осмотреть все прилегающие к маршруту выдвижения улицы и дома.

За час поиска мы достаточно далеко продвинулись в глубь улицы и, страхуя друг друга, осмотрели несколько наиболее подозрительных домов со светящимися окошками. Боевиков не наблюдалось, мирные жители в подъезды и на улицы не высовывались, и вообще этот поиск напоминал путешествие в «стране теней». Чувствуется, что где-то есть люди, где-то засел противник, но никого не видно, все где-то рядом, буквально за стеной или в соседнем доме.

В центе города грохотали выстрелы и взлетали в небо ракеты, совсем неподалеку от нашей улицы бухали артиллерийские разрывы, в эфире опять переговоры, целеуказания и истошные крики о помощи. На меня вышел Осипов, предложил подтянуть поближе пехоту и встретиться для принятия дальнейших решений.

Я со своей подгруппой залег возле каменного завала посреди улицы, примостился возле бетонного блока и вызвал к себе заместителя. Паша подтянулся со своей подгруппой буквально через две минуты, свалился рядом со мной и протянул мне потрепанную командирскую сумку, которую снял с плеча.

— Вот, с трупешника сняли, вон в той трехэтажке в подвале их до фига, дней десять, наверное, уже валяются, скорее всего, наши. Покоцанные все — не приведи господи: у кого головы нет, кто пополам расхреначен, вонища стоит, крысы ползают…

— С чего взял, что наши? Может, духи своих свалили в кучу?

— Да не, в «песочке» в основном, в танковых комбезах, шлемах, кто раздет до нательного белья, а духи нашу «белуху» не носят.

— Чего же они тогда планшет не забрали, интересно? — я расстегнул сумку и раскрыл ее пополам. Ничего интересного: самодельный блокнот из половинки общей тетради, что написано — в мерцающем свете ракет не разобрать. Набор цветных карандашей, курвиметр, офицерская линейка, пять почтовых конвертов без надписей. Стандартный набор офицерской сумки. Наверняка этого бедолагу совсем недавно драли на строевом смотре за отсутствие какого-нибудь ластика или циркуля-измерителя. Ладно, разберемся потом.

Подошла одна из подгрупп Осипова; самого майора еще не было. Подтянулся Романов со своими пехотинцами. Леха отдышался и полез ко мне за блок узнать, как дела и что будем дальше делать, а заодно стрельнуть закурить. Закурили и, пряча огоньки сигарет в кулаки, стали ждать подхода майора. Несколько раз я попытался его вызвать, но бесполезно. Ждали минут двадцать, и я уже начинал беспокоиться: сейчас опять куда-нибудь залезет, и придется его вытаскивать, а он потом снова начнет дуться и обижаться.

Где-то метрах в двухстах впереди от завала вспыхнула ожесточенная перестрелка, и тут же Осипов вышел на меня по связи:

— «Ходо-о-ок», б…, тут танк и чичи, до сорока карандашей, я ввязался…

— Отходи назад, отрабатывай, как раньше, мы на стреме…

— Готовы к встрече?

— Всегда готовы, смотри зеленую…

Паша по моей команде быстренько открутил колпачок и выпустил в воздух ракету зеленого огня.

— Вижу, отхожу, у меня порядок, на меня коробочка духовская прется.

Тут же совсем рядом грохнул танк, послышались выстрелы стрелкового и вопли про Аллаха Акбара.

Моя группа и вторая подгруппа Осипова стали моститься среди завала, занимая наиболее удобные позиции. Романов всех своих погнал вбок, в полуразрушенную ударами артиллерии пятиэтажку с обвалившимися верхними этажами. Позиция у нас

получилась классическая — «прямым углом»: мы прямо посреди улицы, слева пехотинцы.

— Леха, — прокричал я ему напоследок, — долби всеми «мухами», если танк покажется…

— Ага, двадцать реактивных гранат в одно рыло неплохо, ща мы ему залупим по самое не хочу, главное, чтобы мои «зольды» не тупанули.

Романов поорал еще что-то своим бойцам и с низкого старта, перебежками, скрылся среди развалин. Я вскарабкался повыше и принялся наблюдать, одновременно слушая радиостанцию. Звук выстрелов усилился, в дали улицы я различил несколько черных точек, двигающихся перебежками в нашу сторону. Несколько секунд — и стало ясно, что это доблестный майор со своей подгруппой «тащит на своих плечах» целый танк и весьма внушительную группу боевиков. Подгруппа откатывалась слаженно, по парам: пока одна пара перебегала от укрытия к укрытию вдоль домов, постоянно меняя направление движения, другая пара прикрывала огнем, тоже постоянно перемещаясь вдоль фронта и держа друг друга в зрительной связи. Я даже слегка залюбовался и немного позавидовал, несмотря на огонь со стороны боевиков и напряженность обстановки. Если выберемся, надо попросить Осипова провести с нами парочку занятий…

— Куда нам сигать? — прервал мои размышления хриплый голос Осипова в динамике станции.

— Прыгайте вправо, в пятиэтажку, там пехота вас кроет! — проорал я и повернулся к своим: — Внимание-е-е!

Группа Осипова, один за одним, юркнула сквозь проломы в кирпичных стенах и продолжала отстреливаться; мотострелки пока благоразумно помалкивали и ничем не выдавали своего присутствия. Крадучись вдоль стен домов, появились боевики. Бежали, надо заметить, тоже слаженно, группками по пять человек, только орали и палили в белый свет как в копеечку направо и налево. Наверняка хотели создать превышающую плотность огня. Разбежались вдоль улицы, упали и начали обстреливать первый этаж.

Рядом в беспокойстве зашевелились мои разведчики и оставшаяся часть группы Осипова: им не терпелось открыть огонь. Однако, как мы договорились несколько минут назад, Романов открывает огонь после нас, а пока молчит, поэтому работала пока только «засветившаяся» группа майора. Если обнаружим себя раньше времени, боевики подзовут танк поближе и грохнут сперва по завалу а потом и по дому. Если наводчик у них хороший, то много времени перезарядка у него не займет и далеко мы смыться не успеем.

Боевикам все-таки надоело перестреливаться с засевшей группой: среди автоматных выстрелов послышалось лязгание гусениц и рев дизеля. Из проулка выползла «шестьдесят четверка» и поползла вдоль улицы, прижимаясь к домам на противоположной стороне. Башня начала медленно разворачиваться в сторону развалин пятиэтажки, броня заискрилась от попадающих в нее пуль. Вот теперь пора.

— Паша, «муху»! — заорал я. — Пацаны, вали моджахедов, огонь!

Озернов, как чертик из табакерки, выскочил на гребень завала и, стоя в полный рост, выстрелил, откинул в сторону пустой тубус, скатился вниз; мои и «осиповцы» начали поливать изо всех стволов по пехоте боевиков. Башня начала поворот в нашу сторону. Если сейчас грохнет, то нас всех тут накроет. Однако наводчик не успел. Впечатляющее зрелище, когда несколько гранатометов одновременно ведут огонь. Первый выстрел после Пашиного ударил в башню, и сразу несколько одноразовых гранат впились в бок и улетели на противоположную сторону улицы. Несколько гранат наверняка не взвелись и особого ущерба духовскому танку не принесли, но других вполне хватило. Башню перекосило набок, из моторного отделения повалил густой дым, танк загорелся. Пехотинцы Романова начали вдогонку первым выстрелам посылать другие; всего я насчитал пятнадцать. Башня сверзилась в сторону, загорелся двигатель. Если сейчас сдетонирует боекомплект, то нас накроет тут всех. Боевиков-то не жалко, а вот себя любимого и личный состав стоит поберечь.

— Валим! — заорал я одновременно и в радиостанцию, и голосом.

— Шевелитесь, — ответил Осипов, — мы уже к перекрестку подбегаем, пехота за нами несется.

Выпустив прощальную очередь в ночь и в тяжелое облако солярного дыма, я махнул рукой, и мы с низкого старта рванули. Взрыв настиг нас метров через пятьдесят, взрывная волна и куски всякого мусора ударили в спины. Кто-то повалился на землю, меня кинуло на колени и ударило в спину щебенкой и прочим мусором. Метрах в двадцати сзади нас посыпались какие-то железяки. Часть дома, в котором заседала пехота и Осипов, грузно осела, подняв облако пыли. На несколько секунд стало тихо, только где-то в центре города слышались звуки боя, потто снова завопили боевики и раздались автоматные очереди. Интересно, в кого сейчас они стреляют. На перекрестке нас встретил Романов.

— Падайте, на х…! — заорал Леха. — Перекресток

простреливается, откуда палят, вообще непонятно, скорее всего, по соседним кварталам, суки, обошли…

— Как у тебя? — проорал я, откатываясь к бордюру и выставляя автомат в сторону темневших неподалеку зданий, вспыхивающих огоньками выстрелов.

— Да хреново, двоих наглухо, раненые тоже есть. Но мы, однако, им наподдали. У майора тоже одного убило, и прямо здесь нас, видно, ждали. Когда выпасли, не пойму…

Я оглянулся к своим, начал пересчитывать. Слава богу, все на месте. У Кирпича вся рожа в крови, Григоровичу Паша спешно перебинтовывает ногу поверх штанов от «горки».

Кирпичу разбило голову каменными осколками с завала при взрыве танка, рассекло кожу на затылке и порвало ухо; снайпер и сам не мог сказать, что у него с ногой: когда упал, почувствовал жжение и увидел кровь на штанах.

Дался нам этот поиск! Сидели бы спокойно — нет, пошли в ночь искать на свою задницу приключений. Осипов потерял одного человека, теперь он вообще будет рвать и метать, обвиняя нас с Лехой в излишнем авантюризме. Однако, на удивление, майор был собран и спокоен — его бойца не убило, а ранило, и он только что очнулся: пуля прошла через бок навылет, и он от болевого шока отключился, а сейчас пришел в себя. Необходимо было оттаскивать раненых к нашему опорному пункту, но на данный момент, под усиливающимся огнем, это было весьма проблематично. У Романова под пули подставились те бойцы, которые выпускали по второй гранате в танк и, скорее всего, не поменявшие позицию для стрельбы, в результате чего духовские снайперы смогли их снять.

Ну ладно, очнулись, рассыпались в стороны и перекатились. А вот и заработал наш миномет. Первая мина грохнула аккурат по моей наводке возле заранее намеченной цели. Расчет пристрелялся и начал класть мины для заградительного огня в опасной близости от нас — на крыши домов, в проулки, посреди улицы. Наши БМП выдвинулись и начали поливать из автоматических пушек в большем темпе огня верхние этажи, подавляя огневые точки. Все, огневое ограждение для нас готово, можно бежать.

Сперва потащили раненых, потом перебежками, «волнами» побежали остальные.

Все, вот они, гаражи и наши наблюдательные посты, выставленные при выходе.

— Команди-и-ир, смотри! — заорал прихрамывающий на одну ногу Григорович, залегший возле стены гаража и высматривающий что-то в прицел.

— Что там? — спросил я, плюхаясь рядом; тут же мне на ногу наступил Романов и присоединился к нам.

— Б…, вы тоже заметили? — заорал Леха. — Я думал, глючу, а мне потом еще боец показал — нет, не глючу.

Да что же там такое? Все видят, а я нет. Наконец я все-таки рассмотрел в темноте, в проломе дома напротив, силуэт большого грузового автомобиля.

Рядом орал старлей:

— Мы когда перекресток пробежали, там есть арка, въезд во двор. Вы когда вперед пошли, я досмотрел, так вот, за этой аркой сразу дворик и что-то типа гаража для большегрузов. Скорее всего, стена этого гаража обвалилась, наши расхреначили, а это та самая зенитка, которая здесь выеживалась перед нами.

Действительно, очень удобно: выехал на улицу, выскочил на перекресток, дал очередь по нашей девятиэтажке, сдал назад, потом завернул в арку — и нет никакой зенитной установки.

Если бы зенитка еще раз нас обстреляла, мы наводили бы миномет дальше вдоль улицы и не подумали бы о том, что установка прямо перед носом. Хотя за эту ночь и так достаточно: один подбитый танк и ЗУшка — я думаю, хватит.

Прибежал Осипов, прикрывавший отход групп, тоже наступил мне на ногу и плюхнулся справа. Мы начали ему показывать на стенку, в проломе которой виднелся автомобиль.

Осипов сказал что-то по станции, и один из его бойцов притащил ночной бинокль в огромном зеленом пластиковом чехле. Смотрели каждый по очереди; действительно, в зеленом цвете бинокля явственно было видно кабину КамАЗа и часть ЗУ-23.

Решили просто наблюдать и для одной БМП назначить дополнительный сектор обстрела, дав точную привязку. Стрельба постепенно стихала, боевики, задавленные огнем, постепенно снизили темп стрельбы и ее интенсивность, а потом и вовсе смолкли. В «ночник» я рассмотрел немногочисленные группки, отбегающие дальше по улице, в том направлении, откуда мы пришли. И тут Осипов высказал все, что он думал про нас с Романовым. Причем услышали мы с Лехой совсем не то, чего ожидали.

— Ну что, летехи, вы хоть поняли, что было бы, если бы не ваше желание провести поиск?

— И что бы было? — ответили мы в один голос и приготовились защищаться.

— Да все просто. Сами подумайте: для чего они подогнали в этот район танк, для чего им нужна зенитная установка? Ведь тут все очень просто: район, который мы более-менее контролируем,

проходной для них в центр города, занятая девятиэтажка господствует в архитектуре, через нас не пройти, не проехать технике для боев в центре города. При помощи танка, если лупить по верхним этажам, которые доступны для огня пушки, прямо из-за завала, на который наткнулись при поиске, можно сбить всю нашу систему наблюдения и выкурить нас ниже. Тут как раз бы и ЗУшка подключилась и начала работать по нижним и средним этажам, и все — полный трындец, тут не высунуться. И вариант только отходить с другой стороны. Так духи еще и заранее свою пехоту подтащили, чтобы при более-менее мощной огневой поддержке обойти домишко. А потом и ударить с двух сторон по технике между гаражами и зажать нас в подъездах, чтобы мы не вышли и не развернулись в боевые порядки. Мы на перекрестке как раз на этих духов, просочившихся заранее, и наткнулись. То есть получается, мы заранее нанесли контрудар и благодаря внезапности сорвали к чертям все их планы. Они еще не скоро опомнятся. Но, я думаю, они сейчас просто будут обходить этот район стороной, им уже тяжело приходится в центре — там вообще полный ад творится.

Я во время речи Осипова потихоньку обдумывал его слова и анализировал все случившееся. Действительно, боевики уже скапливались в домах, как раз на самом удобном направлении для обхода. Из-за каменного завала мочить по верхним этажам нашей многоэтажки — милое дело. Ни хрена бы мы не смогли сделать этому танку, очень хорошее укрытие получалось, да и расстояние для наших гранатометов приличное. Зенитная установка, выехав из укрытия, не дала бы нашим БМП выскочить с позиций.

Наверное, Осипов действительно прав и нам, как обычно, сказочно повезло: опередили боевиков буквально на чуть-чуть и отделались малой кровью, да еще Лехины гранатометчики завалили танк.

А теперь, немножко отдышавшись и обдумав свое положение, можно попытаться вытащить из развалин напротив КамАЗ с зенитной установкой. Романов горел желанием заиметь в своем подразделении такую же оборудованную машину, как у меня, да еще взгромоздить на крышу дома зенитную установку. То, что КамАЗ был обычный, бортовой и без тента, его волновало мало.

— Да и по хрен, потом еще где-нибудь прицеп под бойцов надыбаю, а в этом душ сделаю, как у вас, и каюту себе для проживания, — разглагольствовал он, рассматривая КамАЗ в «ночник» через дыру в стене.

На «дело» пошел сам Леха со своими пехотинцами и Паша Озернов, соорудивший два подрывных заряда. Просто расстрелять

стену из пушек БМП, чтобы она разрушилась, старлей категорически отказался, боясь повредить машину. В компанию добытчиков затесался фанатеющий «камазист» Садыков, явно имеющий какие-то свои виды на еще не пригнанный автомобиль. Я сперва повыпендривался, не отпускал, мотивируя наличием в группе всего одного водителя, да и то непонятно как к нам попавшего, однако плюнул на все и, строго-настрого наказав, «если убьют, не возвращаться», отпустил татарина.

Сам я потопал в девятиэтажку, решив вести наблюдение с более высокой точки, приказав оставшемуся составу группы быть в готовности выдвинуться на помощь.

В нашей комнате, на трофейной кровати, свесив ноги и спустив штаны, сидел Григорович и шипел на фельдшера, который колдовал над его раной.

— Док, что у Григасика с ногой? — спросил я, подходя поближе.

— Все у него в порядке, ляжку осколками зацепило и парочка в мясе засела. Один вытащил, а другой он не дает — вертится и брыкается, а делов всего на пару минут.

— Ходить-то он будет?

— Да хоть сейчас пусть встает и уходит, только железо гулять попрет по мясу. Вы его командир, подержите, что ли.

Я вздохнул и со всей силы обхватил Григоровича поперек туловища. Боец задергался, попытался здоровой ногой заехать фельдшеру в нос и выдернуть раненую. Однако зря: «док» зажал раненую ногу между колен, увернулся от здоровой и начал орудовать блестящей железякой в ране.

— У-у-у-у-у! — засвистел-завизжал Григорович.

— Все, — сказал фельдшер и покрутил перед носом снайпера щипцами с зажатым в них маленьким окровавленным кусочком железа. — Смотри, болезный, эта хрень тебе бы по мышцам как прошлась, а так — подумаешь, мясо потыкало. Сейчас перевяжу, и вали обнимайся со своей винтовкой.

— Мудак, — сказал Григорович, — мне же не больно было, а щекотно!

Я отпустил бойца и высказал ему о том, что из-за него теперь у меня моральная травма, хотя травмы могло бы и не быть, если бы вместо снайпера была грудастая блондинка…

Григорович еще немного побурчал, натянул брюки от «горки», картинно прихрамывая, поплелся в угол комнаты, забрал свою винтовку и убыл на крышу. Расспросив у фельдшера про здоровье раненых и съев какую-то таблетку, которую мне всучили, я тоже пошел на выход.

Паша заложил заряды и отбежал за корму БМП. Через

несколько минут грохнуло, и стена обвалилась наружу, в сторону улицы. Романов выждал и махнул рукой. Боевая машина осторожно поползла к разрушенной стене, бойцы двигались за кормой. Остановились первая тройка, забежала вперед и залегла среди кирпичей. Осмотрелись, посветили вовнутрь фонариками и только потом нырнули внутрь. Что происходило внутри, мне с крыши уже не было видно. БМП еще сдала вперед и чуть ли не въехала носом внутрь гаража. Выскочил механик, пробежался по броне, вытащил с кормы бухту троса и закинул внутрь. Бойцы выбежали на улицу и залегли вдоль остатков стены. Боевая машина начала сдавать задом и выволакивать на свет божий спрятанный боевиками КамАЗ. Машина застопорилась: кабина застряла в кирпичном проеме. Из КамАЗа выскочил какой-то боец (скорее всего, мой татарин), замахал руками, побегал вокруг, что-то проорал Романову и снова нырнул в кабину. БМП дернулась еще раз, КамАЗ завелся и самостоятельно протиснулся сквозь пролом, бойцы отцепили трос и начали отходить к гаражам перед нашей девятиэтажкой, прикрывая с боков обе машины.

Операция по добыче КамАЗа была завершена. Потом, когда я спросил Садыкова, почему не смогли сразу выдернуть, он обозвал всех бестолочами и сказал, что он просто-напросто проверил движок и заправку, солярка еще была, посоветовал просто дернуть и завести, а когда автомобиль завелся, просто спустил шины и самостоятельно выехал. Всего делов-то. Теперь Романов, сидя за столом в моей «кающе», постоянно меня дергает и задает всяческие вопросы, как ему обустроить все наилучшим образом…

Глава 15

Выдвинулись часов в десять утра, хотя и встали пораньше, и загрузились быстро. Раненых и тела убитых загрузили в МТ-ЛБ Романова, впереди в разведывательный дозор поставили одну БМП. Мои две машины и машина группы Осипова шли в хвосте колонны, и за ними уже в тылу шел мой БТР. С «Бульвара» запросили наш график движения и попросили пока не торопиться и двигаться, только тогда когда они дадут «добро»: видимо, у них не все в порядке.

Ровно в десять по связи пришло «добро». Все можем двигаться. Три моих разведчика и заместитель выстроились за кормой дозорной БМП. Как только машина тронулась, они гуськом побежали за ней. Машина вышла на перекресток. Механик зажал фрикцион и развернул тринадцатитонную «броню» чуть ли не на месте.

Я напоследок обнялся с Романовым, выслушал еще раз подробный инструктаж: как его можно разыскать, кому сообщить на Ханкале о раненых и убитых, кому передать списки и отчеты, написанные им за двадцать минут до отхода колонны. Закинув ремень автомата за шею, я побежал на свое место за броню МТ-ЛБ. Леха помахал автоматом и побежал в девятиэтажку, чтобы с крыши наблюдать за проходом колонны в пределах его видимости.

Головная БМП шла достаточно быстро, разведчики за ней успевали с трудом, я и сам достаточно упарился, семеня ногами в опасной близости от гусениц «маталыги». С другой стороны по правую руку от меня, возле правой «брони», бежал Осипов со своими бойцами.

Григорович, сидевшей на башне БТРа, крутил во все стороны головой, изредка рассматривая дома в прицел винтовки. Впереди грохнуло, затрещали автоматные очереди, резко вступил пулемет БМП, и все сразу же затихло. Машины остановились, небронированная техника въехала в «коробочку» из двух МТ-ЛБ, бронетранспортер закрутил башней, мой снайпер скатился вниз и залег возле колес. Бойцы упали за гусеницы. Осмотрелись: вроде все нормально. Головная БМП стоит, возле нее суетятся бойцы, уже никто не стреляет. Быстроногий «олень» Кирпич под нашим прикрытием перебежками поскакал вперед. Высунулся механик «маталыги», очумело покрутил головой в грязном танковом шлеме, увидев меня, заорал:

— Командир, щас семьсот третья «бэха» на меня вышла по сто двадцать третьей станции, они на фугас нарвались, гуску правую

и фальшборт снесло, и механ голову разбил об люк насмерть.

— Давай слушай связь и будь в готовности трогаться, да и не торчи на броне…

Чумазый механ испуганно юркнул обратно. Вскоре прискакал Кипрачев и доложил, что все у наших нормально, фугас был не особо мощный: БМП подкинуло, однако механик, ехавший при закрытом люке и без шлемофона, раскроил себе голову при ударе в кашу. Сейчас наводчик вместе с нашими бойцами натянут гусеницу и двинутся дальше.

Стреляли потому, что показалось, что в домах напротив кто-то есть. Может, действительно и кто-то был, но ушел, решив не связываться.

Совместно с Осиповым посовещались и подогнали технику ближе к дозорной машине. Один из бойцов майора включился в работу по натягиванию и сращиванию гусеницы, и дело пошло быстрее. Мертвого водителя перетащили на корму и укрыли брезентом. Всех механиков я предупредил, чтобы ехали с открытыми люками и внимательнее зыркали на дорогу. Свою тройку вместе с Пашей я решил запустить впереди головной машины — для ведения инженерной разведки. Скорость движения существенно снизится, но подорваться еще раз абсолютно не хочется. Когда мы уже были готовы к выдвижению и новый механик подорвавшейся БМП, боец из группы Осипова, помахал нам рукой и показал, что готов к движению, откуда-то из руин и кирпичных завалов спокойно вышла и, не обращая на нас внимания, медленно-медленно пробежала сзади колонны стая худющих собак. Большой грязно-рыжий пес, шествовавший в середине стаи, только оглянулся на нас, остановился, присел на задницу, выпустил из пасти грязный кусок человеческой ноги в ошметках камуфлированной ткани, рыкнул. Потом снова схватил свою добычу в зубы и вальяжно скрылся со своей стаей в развалинах.

— Пипец, — сказал Осипов. — Псы уже людоедами стали, теперь и нам осталось по ломтику человечины схряпать.

— Да ладно, псам-то по фиг, что есть, они просто голодные и озверевшие, тут их и самих сожрать могут, вот и выживают, как получается, — ответил я. — У нас пока нормальная еда есть, с голоду не подохнем.

Вскоре потихоньку тронулись. Через несколько метров обнаружили еще один фугас и расстреляли его из пушки БМП. Так, без особых приключений, и дошли до ротного опорного пункта с позывным «Бульвар».

Ротный Юра и старший техник были в добром здравии, живые-здоровые, но чертовски уставшие. Через час мы все-таки

двинулись на Ханкалу по знакомой дороге и домчались без каких-либо особых приключений. Десантники на блокпосту у въезда, увидев нас, радостно поматерились, и, пока мы ждали разрешения на наш проезд, чего несколько дней назад абсолютно не наблюдалось, расспрашивали нас о боях в городе и угощали бойцов сигаретами. Ожидание разрешения на проезд затягивалось, и Осипов, устав ждать, вызвал кого-то по своей радиостанции, наорал, и нас немедленно пропустили.

За время нашего отсутствия войск стало еще больше, неподалеку от штаба летчиков раскинулся целый палаточный городок.

Наше прежнее место стоянки и площадка были не заняты. Как объяснил Садыков, он пообещал своим друзьям — контрактерам из рембата — солидные магарычи за охрану «жилплощади». Контрактники свое обещание сдержали и понатыкали вокруг флажков с буквой «М» из комплекта разминирования. Кто в здравом уме полезет на мины? А разминировать, видно, не нашлось кому. Магарычи, как объяснил мне татарин, он «затарил» в городе, потому что надо сделать «подгоны» и пацанам на водокачке, и «охранникам», и еще многим нужным людям из тыла, так что со всеми «тыловыми», кому должен, рассчитается сам.

Оставив Пашу на хозяйстве и послав Садыкова за водой, я на БТРе убыл вместе с «шишигой» Осипова и пехотными «маталыгами» сперва в госпиталь — сдавать раненых и убитых, а потом к своим начальникам в разведотдел — писать всяческие отчеты и узнавать, будет ли нам еще какая-нибудь задача.

Простояли мы на Ханкале ровно сутки, а потом нам приказали перемещаться на аэродром Северный. В день прибытия вечером ко мне заглянул майор Осипов, помылся в душе, распили мы с ним его бутылку коньяка, поговорили по душам. Группа майора убывала снова куда-то в город: их сослуживцы плотно «работали» совместно со спецназом ВДВ, и задач было все больше и больше. Как признался мне Осипов, такую дурную задачу, на которой он был вместе с моей группой, он будет вспоминать с тихой нежностью, потому что чувствует, что от его начальства могут поступить распоряжения намного глупее, чем поиск «бункера Дудаева». Распрощались. Наутро мы выехали через объездную дорогу на Аргунскую трассу.

Глава 16

Черт меня дернул послушаться начальства и стать в колонну. Теперь плетемся, как черепахи. Петропавловское прошли ровно час назад и застряли на перевале на Терском хребте. Какой-то умник, начальник колонны, решил, что безопаснее будет не свернуть в деревне налево и уйти напрямую на аэродром, а переться до Толстого-Юрта и уже там разворачиваться. Езды всего ничего, а мы попали в военную пробку. Впереди нас куча техники: БМП, БТРы, автомобили — и все стоим, чего-то ждем. Навстречу нам двигается чуть быстрее тоже какая-то колонна военной техники. Люди с нашей колонны спрыгивают на землю, справляют малую нужду, матерятся, курят, судачат между собой.

На перевале небольшой туман, смешивающийся с угарными выхлопами техники. Скучно.

Паша, сидевший в кабине КамАЗа, подскочил к БТРу и протянул мне кружку с дымящимся кофе.

— Там у татарина кипятильник в кабине, может, туда, командир, пойдешь?

— Не-е, здесь посижу, на воздухе, — ответил я и, достав обломок сигары, с удовольствием его раскурил.

Потихоньку колонна тронулась и двинулась медленно-медленно, как большая гусеница. Рядом со мной засопел носом фельдшер.

— Эй, «помощник смерти», не сопи, тоску нагоняешь…

Боец зевнул во всю пасть и сказал:

— Товарищ лейтенант, да скучно, блин, сидим тут, как вороны на проводах.

— Так разгоняй тоску, доставай свой баян и играй ритмы народов мира, — подначил его я.

— Ы-ы-ы! — оживился боец. — А чо, реально ведь!

Фельдшер нырнул через верхний люк в десант и вытащил на свет баян, на котором играл еще в девятиэтажке.

— А теперь песня-я-я! — во все горло провозгласил он и растянул меха.

Играл он довольно прилично, и бойцы, сидевшие на броне, во все горло начали то ли петь, то ли орать:

— Итс май лайф, ту брадееееер, итс май лайф, ту-ту…

Настроение значительно улучшилось. Слева по борту от нас в направлении Ханкалы стояла еще одна колонна; на броне сидели бойцы в камуфлированных бушлатах с якорями на рукавах. Наверняка недавно прибывшие морпехи.

На мгновение мне показалось, что рядом с огромного роста

офицером я увидел какое-то весьма знакомое лицо. А кто это, так и не успел вспомнить, проехали, и я только успел приветливо помахать рукой и послать воздушный поцелуй.

Эпилог

На капитана Булыгу вчерашние возлияния на «проставе» по случаю «присвоения досрочного звания выше занимаемой должности на одну ступень» никак не влияли.

Он развернул карту и подозвал к себе лейтенанта Степного, мечтавшего о пиве, покое и еще о чем-то весьма неприличном.

— Смотри сюда, Вова, это Терский хребет, а мы сейчас проезжали Толстой-Юрт… Э-э-э, не засыпай!

— Не сплю, не сплю, — отозвался Вова.

— Ко-ошки-ин! — заорал Булыга.

— Я, тащ-щ-щ стар… ой, капитан, — высунулся из люка матрос, исполнявший обязанности нештатного адъютанта Булыги.

— Ну-ка сделай заместителю командира роты и командиру взвода горячего чайку по кружечке…

— Сию минуту, барин, — схохмил матрос и нырнул обратно. — Вам с лимоном и печеньем? — заорал он из десанта.

— Ага, с песочным, — буркнул Вова и вслушался в фырчание машин проходившей слева колонны.

— Хе, слышь, зам? Кто-то Албана поет и на баяне играет. Совсем сдурели, что ли?

Булыга покрутил огромной головой.

— Действительно кто-то играет. Вот, блин, веселятся. Из-за того, что ли, что с города смылись?

— Э-э-эх, мы под эту песню в училище так на дискотеках отплясывали, — вспомнил с тихой грустью Степной.

Музыка стала слышна все явственней, и мимо БТРа морских пехотинцев сперва проехал огромный КамАЗ-длинномер с торчащими из тента трубами, потом красная пожарная машина и БТР. На броне сидело несколько человек, один из бойцов наяривал на баяне, другие истошно орали песню. На башне сидел, по всей видимости, офицер в «горке» и не виданной морпехами никогда раньше разгрузке, державший в руке дымящуюся кружку, затягивавшийся толстой короткой сигарой и дирижировавший бойцами. Увидев лейтенанта Степного, он привстал, помахал рукой и послал Вове воздушный поцелуй.

БТР скрылся за перевалом.

— Это что за кадры поехали? — спросил Степного Булыга. — Этот, который махал, он что, тебя знает?

— Вот как раз с ним мы и отвисали под Албана на дискотеке, — ответил Вова и вздохнул.

notes

Сноски

1

ВОКУ — военное общевойсковое командное училище. — *Прим. ред.*

2

Ракетно-артиллерийское вооружение. — *Прим. ред.*

Пульт наведения. — *Прим. авт.*

4

Танковое переговорное устройство. — *Прим. авт.*

5

Крупнокалиберный пулемет. — *Прим. авт.*

6

Ленинградское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменного училище им С. М. Кирова.

7

Высшее общевойсковое командное училище.

8

Пункт хозяйственного довольствия. — *Прим. авт.*

9

Медицинский отряд специального назначения. — *Прим. авт.*

10

Стукачи. — *Прим. авт.*